

АЛЕКСАНДР НАУМОВ
ВТОРАЯ МУЗА

Переводы из узбекской поэзии

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1982

Наумов, Александр.

Вторая муза: Переводы из узбекской поэзии. — Т.: Изд. лит. и искусства, 1982, 528 с.

Название сборника удачно выражает его характер: переводы узбекской поэзии, над которыми Александр Наумов работает на протяжении почти четверти века, — это и в самом деле органическая часть его собственного творчества. И в то же время это — существенный вклад в узбекский поэтический массив, воссозданный на русском языке мастерами русской советской поэзии. Сборник «Вторая муза» не просто объединяет лучшие из переводов Александра Наумова; это как бы и своеобразная антология узбекской поэзии. Свыше сорока поэтических имен встретит читатель в сравнительно небольшой по объему книжке — от поэта XIII века Пахлавана Махмуда до сегодняшних молодых. При этом ряд переведенных Александром Наумовым поэтических книг представлен достаточно полно — «Итог» Гафура Гуляма, удостоенный в 1970 году Ленинской премии, «Из трех тетрадей» Айбека, «Дары дороги» Уйгуна, «Время» Аскада Мухтара, поэтические циклы Зульфийи, Хамида Гуляма, Рамза Бабаджана, Тураба Тулы и других мастеров разных поколений.

ИЗ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

СОЛДАТ

Солдат был сед, солдат был хром,
но, помня старину,
едва слышал пушек гром,
собрался на войну.

— Тебе бы дома полежать,
куда ты, дорогой?

Ведь ты б

и с поля убежать

с такой не смог ногой!

Кинжала сжал он рукоять,
всех оглядел кругом.

— А я не бегать,

а стоять

привык перед врагом!

ПЕРЕД КАЗНЬЮ

По улице казий и стража идут.
Казнить удальца молодого ведут.

Помост в отдаленьи маячит,
какая-то женщина плачет.

она.

— Сынок мой родной! — причитает

Была б за тобой

хоть какая вина!

До дела б додумался злого!

Сказал бы недоброе слово!

С усмешкою смотрит на казия он.

— Тогда бы я был по заслугам казнен.

О мать...

или впрямь ты б хотела

мне смерти

за черное дело?

БРАТЬЯ

Два брата жили в старину —
Вали и Абдулла.
Мать их обоих
в ночь одну,
в ненастье родила.
И с детских лет,
с давнишних пор
до поздних дряхлых дней
шел между ними злобный спор:
кто старше,
кто важней?
И что б один ни совершил
и в чем ни преуспел —
другой из зависти спешил
затмить
его успех.
Один по лестнице побед
взбирался, слыша
лесть —
другой тотчас давал обет
ступенькой выше
влезть...
Промчался жизни пенный вал,
промчался —
нет как нет,
Уже давным-давно увял их молодости цвет,
Уже зима на волосах
лежит, белым-бела,
но зависть черная в глазах
осталась, как была.
Друг друга
каждый взгляд и шаг
следят, забыв покой...
И вот

однажды
падишах
Вали призвал в покой.
— Вали!
За все твои дела
ты будешь награжден.
Проси!
Но знай: и Абдулла
на свет не наг рожден.
Немало он потратил сил
в казне
и на войне.
И что бы ты ни попросил —
получит он вдвойне!
Рукой коснувшись до седин,
склонился ниц Вали.
— О повелитель!
Глаз один
мне выколоть вели...

СТАРУХА

Старуха мешок дорогой несла,
Вдруг видит — воз на пути,
Возница кричит ей:
 Эй, мать осла,
 не можешь с пути сойти?
Старуха сняла с плеча мешок,
ложила его у ног
и тихо сказала, спрятав смешок;
— Сейчас сойду,
сынчик...

МУДРАЯ ЖЕНА

Три дня, словно горем неожиданным убит,

дехканин не ест,
и не пьет,
и не спит.
— Жена, я лишился покоя...
— Да что же с тобою
такое?
— Я должен соседу пятнадцать монет,
а в доме у нас
и одной даже нет...
И знать-то не знаю я толком,
когда я разделаюсь с долгом!
— Всего-то заботы? — сказала жена.
Ну, эта работа, ей-ей, не сложна,
Я с нею разделаюсь просто:
такие дела мне
по росту,
И, став у ворот, закричала:
— Сосе-ед!
Мой муж тебе должен пятнадцать монет,
но помни, что этого долга
придется прождать тебе долго!
И к мужу опять повернулась:
— Ну вот...
Пускай теперь он
и не ест, и не пьет,
Зазря убиваться на кой нам?
Живи, дорогой мой, спокойно!

* * *

Стрела пронзает грудь орла,
прервав его паренье.
А между тем, перо орла
ей служит опереньем!

Стволов уродуя тела,
топор по лесу рыщет.

А из такого же ствола
имеет топорище!

Нам руки меч грозит отсечь
в кромешном смертном гаме.,
Хотя и сделан этот меч
такими же руками!

ИГЛА

Тот,
кто строит нам жилище,
сам в ненастье
крова ищет.
Обшивает мир игла,
а сама
всегда гола!

ХАЛАТ

Пусть шит халат
на ханский лад,
пусть вышит золотом халат —
тепла в нем маловато,
пока в нем
мало ваты!

ВОДА

Тому, кто трудится,
беда,
когда еда его — вода.
А тот,
кто без труда живет —
и от воды

растит живот!

НАРЯД И ЗАРЯД

Как ни укрась ружье свое —
пускай в насечке сплошь оно
к чему стрелять,
пока в ружье
заряда не положено?
Пусть белоснежная чалма
на голову возложена —
молчать бы рту,
пока ума
в ту голову не вложено!

БОГАТСТВО

Коль нищ ты,
но детьми богат —
пойдут дела на лад еще.
Ребенок в доме — это клад.
Дом без ребенка —
кладбище!

СВЯТОСТЬ И СКУПОСТЬ

Он просто скуп,
святой ханжа,
что в доме верховодит,
и, каждой крошкой дорожа,
весь дом
постом
изводит.
Скорее станет тот святым,
кто дом свой держит попросту:

и сам поест,
и даст другим,
постом
не муча попусту!

О ПОЭЗИИ

Коль не вошли в строку слова —
еще
ищи упрямо,
Смотри:
как сабля ни крива,
а в ножны входит прямо!
Вот так и нам слова нужны,
что в сердце входят,
как в ножны!

ТВЕРДОСТЬ ДУХА

Год
дубят сырую кожу,
чтоб прочней была подошва...
Так и твердость духа тоже
нам обходится недешево!
Много,
много лег подряд
дух и кожу нам дубят.
А в итоге будет то же:
тверже дух,
прочнее кожа!

ТВОЙ ДРУГ

Ты другу,
тайны не гая,

доверился случайно —
и тайна давняя твоя
быть перестала тайной!
Не говори о нем: «змея»,
не проклинай его...
Должно быть,
ближе есть друзья
у друга твоего.

О РОДИТЕЛЯХ

Важный,
пышный,
черный жук,
глядя сыну спину,
тихо шепчет чернышу;
— Нет белее сына!
Старый еж
сынку-ежу
иглы гладит тоже:
— Как поглажу:
погляжу —
нету глаже кожи!

КЕТМЕНЬ

Хоть неказист кетмень на вид —
привык он
век трудиться!
Всю жизнь — то к небу он взлетит,
то в землю углубится...
День не приходится на день,
Трудись и ты, как тот кетмень!

* * *

Руки ль ударит камень —
больно будет рукам.
Камень ли бьешь руками —
больно будет
рукам!

О ТЕСНОТЕ

Кто свет себе же застить смог
своей особой тленной,
тот,
если жмет ему сапог,
кричит:
«Тесна вселенная!»

СОВЕТЧИК

Пусть советчик по уму
выше всех на свете —
неразумно быть ему
одному
в совете!

ТЕМ, КТО НА КОНЕ

Пока ты конный,
не тверди,
что с пешим не знаком.
Когда-нибудь и ты
в пути
окажешься пешком!

* * *

Доля сыновняя —
воля.
Боль —
материнская доля.
Сердце родителей — в сыне,
сердце сыновнее —
в поле!

* * *

Куда стрела не долетит из лука —
и там порой
ты можешь встретить друга...
Легко, легко нам встретиться в дороге,
о путники!
Но тем трудней разлука...

* * *

Гордым
милостей не много
на земле дарит дорога:
кто не просит их у хана,
не попросит и у бога!

* * *

Моря крышей не покрыть,
в свод не спрятать тесный,
и небес не покорить
лестницей небесной.
И никто вам —
были б вы
шахом ли,

вельможей —
средств от смерти и любви
предложить не может.

* * *

Кто не бодрствовал ночами,
околдован страсти силой,
не поймет твоей печали
о глазах иль косах милой.
Кто в чужбине дальней не был,
не поймет тоски всегдашней
по клочку родного неба,
по клочку
отцовской пашни!

ДЕЛЕЖ

Аллах, да с кем ты, наконец?
Иль ты
не знаешь тоже?
«О боже!» — молится беглец,
погоня стонет
«Боже!».
Дележ идет не без помех:
аллах, увы,
один на всех...

СЕКРЕТ ПОБЕДЫ

Если ты не победишь
победит твой враг.
Если ты не побежишь
побежит
твой враг!

КРУТОЙ СКЛОН

Не тверди: «Крутой, мол, склон...»
Надо будет — слазишь.
Не тверди, что враг силен —
надо будет, сладишь.

НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

А в чужой семье —
все в обход, не прямо.
На чужой земле —
что ни шаг, то яма...

ХИТРОМУ ПОВЕРИТЬ

Хитрому поверить,
право,
не расчет:
ведь кривое дерево
прямо
не растет!

* * *

Чем без запаха цветов —
пусть трава б, да пахла.
Чем бессовестный дружок —
лучше
просто палка!

РАЗНЫЕ ДОЛИ

Разные доли —
всем понемногу:
этому — дома,
этим — в дорогу.
А с крыши упавший
рад и тому,
что — не на камни, а на траву!

* * *

Словам не верил —
беды не будет.
Арык не вырыл —
воды не будет.

* * *

Не позорь себя в пути
ползанием
и спешкой.
Не зовут - не иди.
Позовут —
не мешкай!

НАГРАДА

День и ночь не без причины
груз забот
таскал с собою...
И папаха из овчины
шапкой сделалась
собольей!

СЕРДЦЕ ЧУЕТ

Доля дана нам эта иль га,
путь под ногами легок иль крут
очи-то знают, сытна ли еда,
сердце-то чует, верен ли друг...

НАМЕК

Кто не мог
понять намек
тех соседи
тычут в бок!
А тычок
не помог —
так пускай
помажет бог!

В ССОРЕ СЕМЕЙНОЙ

Кто бы кого бы ни поносил —
в ссоре семейной трудно помочь
и муж ведь не с неба,
а чей-то сын,
и жена не из снега —
чья-то дочь...

СЛЕД

Вот и след,
вот и след —
всё смотрите, кто не слеп!
Но коль все пойдут по следу,
так найдут,
чего и нету...

ЭРГАШ ДЖУМАНБУЛЬБУЛЬ-ОГЛЫ

ДАЛИ

Отрывки из дастана

ХАСАН СРАЖАЕТСЯ

Смотрите, как славны Хасана дела:
ему не страшна эта рать без числа,
он бросил поводья—и ярость Гиркука
в сраженье, на недруга их понесла.
Крича: «О алла!», он погнал скакуна —
и дрогнула пестрого войска стена.
Хасан на Гирате, почувавшем волю,
ударил в них с краю, как в берег волна.
Хасан налетел, словно речка с горы,
как с горной вершины — обломок скалы.
Рябит от мельканья знамен и оружия.
«О боже! — кричит.— Свое слово скажи!»
И впрямь обнаружил отвагу Хасан —
и начал сраженье, и вел его сам.
Взлетает и рубит алмазная сабля —
воистину мощь он свою показал.
И всадник, и конь — словно вихрь они,
а поле сраженья — как поле Али.
Один против тьмы, против целого войска,
Хасан победительный, сын Гороглы.
Опомнились недруги. Ярость в рядах,
но крики одни не приносят вреда,
а стоит приблизиться — сабля Хасана
без промаха надвое рубит врага.
Всё снова и снова кидается враг,
по десять, по двадцать кидаются враз.
Стоящие сзади взывают: «О боже!
Дай силы, не то устоять нам навряд!»
Зовет он хоть группами
их подходить —
он мог бы их трупами
топи гатить!
Один против войска, во вражеской гуще,
ряды прорубает, чтоб путь сократить.
«Дорогу,— кричат,— ему загородить!
Ублюдка на голову укоротить...»
Да только не сыщется что-то батыра
у нашего сокола встать на пути.

Он тоже кричит во весь голос: «Урр-ха!
Ну, что же, могучие, драться пора!
Что без толку храбрым топтаться по краю -
я вас выкликаю сегодня с утра!»
Проснулся в Хасане невиданный пыл,
как будто спросонья он зелья испил,
Гиркук под ним тоже в невиданной силе...
Взгляните на всё, что Хасан совершил!
Камчу поднимает.
Собравшись напасть,
Гиркук раскрывает могучую пасть,
несется, как птица!..
Батыра десница
врагов отступить заставляет опять.
На части он вражьи порядки разбил,
трусливых — задел, кто храбрей — порубил.
Травой на покосе ряды за рядами
ложились, и ветер рванье теребил.
Так гонит он взашей
противника, скор.
В большой кизилбаши
беде среди гор.
И трупы их вскоре
займут плоскогорье,
коль не ослабеет Хасана напор!
Испугано войско — противник, как смерч,
храбрейшим несет неотступную смерть!
И, землю обнявши,
весь цвет кизилбашей
лежит, а напавший
и бодр и смел!
Такой тут отчаянный полдень настал —
в отчаянье весь кизилбашеский стан,
и громом полны дагестанские горы,
и черен от крови людской Дагестан.
И скачет Хасан и на полном скаку
то головы сносит врагам, как скоту,
то ранит, то гонит! — а сколько их было,

бежавших и павших, я вам не скажу...
Всего, что там было, поверьте, друзья,
прославить нельзя — и представить нельзя.
Удары и грохот, и крики, и стоны,
и головы с плеч, и сумятица вся...
Одно лишь скажу вам, что в этом бою
батыр наш измерил всю храбрость свою.
Он мог отступить бы с почетом, но понял:
«Меня они свалят, коль я не свалю!»
«Урр-ху!» — диким хором навстречу врагу.
«Урр-ху!» — отзываются горы вверху.
Не каждый умеет справляться с собой —
Хасан же затеял со многими бой!
Хоть равных не встретил — несчётны враги,
и к небу взывает: «Аллах, помоги!»
Дрожат кизилбаши, утратив задор,
давно повалился их главный шатер,
Хасан, опьяневший от кровопролитья,
их главных батыров в пыли распростер.
Гремит на закате усталое «Урр...»,
и тени бегут от бегущих фигур.
Один Хасанхан догоняет бегущих.
Всё глуше сраженья смолкающий гул.
И вот Хасан могучий
из вражьей тучи,
из кучи врагов
вышел жив и здоров.
Возвращается к Хан-Далли.
А она, увидев его вдали,
радоваться стала,
подбежала, поддержала,
коня привязала,
спрашивает, впрямь ли он невредим:
«Как, мол, вы, господин?»
Сладко словами усладила,
на камень посадила,
слушает,
а сама прислуживает.

Хасан с Далли потолковали,
вместе легли, с рассветом встали.
Хасанхан утешил подругу,
оседлал коня, подтянул подпругу,
одел доспехи,
как носят узбеки,
оружье — на пояс и на плечо,
сам себя оглядел еще,
Далли благословенье ему дала,
Гират закусил удила,
танцует,
гарцует,
огрызаясь,
у врагов вызывая черную зависть,
крылья, как молнии, распускает,
пасть разевает,
Хасанхана веселя и
бодрость вселяя.
Гиркук, как птица,
сверху спустился,
подъехали и стали
против вражьего стана.
Там зашумели: «Вон узбек!
Смотри, приехал уже, успел!»
Они тоже вскочили, построились рядами,
над каждым рядом подняли знамя,
у кого конь хороший —
пустили вперед,
смелых тоже
пустили вперед.
И лучники
выбрали местечки лучшие,
целятся, проверяют тетиву на луке,
как струну, испытывают на слух ее.
Орудия заряжают пушкари,
готовятся к бою с самой зарю.
Взволнованный, как река,
Хасан не готов пока,

Гирата хлестнув камчой,
на вражьи помчать войска.
Камчу поднимает, могуч,—
и сила вскипает, как ключ!
И гнев на дрожащую рать
прольется, как ливень из туч.
Гремит боевой барабан,
летит огневой Хасанхан.
Вчерашний припомнив бой,
дрожит кизилбашей стан.
С обеих сторон, ол-ха,
кинжал наострен, ол-ха.
Коли задумал удар,
ударь хоть пером, ол-ха,
только ударь, ол-ха.
Язык ли язвит, ол-ха,
кинжал ли разит, ол-ха —
отрезанной головой
над полем висит луна.
Встретится враг с врагом —
седок из седла мешком.
Мчится герой с ветерком,
плетется трус с ишаком.
Всё красным стало кругом:
головы под клинком
летят, словно глины ком,
на поле битвы лежат.
Трусливый судьбу клянет.
Кровью омыт клинок.
Те, кому вышел срок,
словно объаты сном,
рухнут от пуль, как сноп:
пешие — сбиты с ног,
конные — со скакунов.
Обычай такой не нов:
сколько мертвых сынов
на поле битвы лежат!
Сколько черных и белых знамен

на поле битвы пестрят!
Сколько смертных, землю обняв,
на поле битвы лежат.
Сколько пушек с широким жерлом
на поле битвы палят...
Вновь и вновь опускает меч
в поле битвы наш молодец.
Он несчетно стальных кольчуг
в поле битвы рассек вконец.
Сколько стройных, как кипарис,
в поле битвы скрючила смерть.
Сколько зорких ушло во тьму,
навсегда покинуло свет.
Сколько слабых и сладких душ
в поле битвы взлетело вверх...
Черным пикам живую плоть
в поле битвы дано вспороть.
Реки красной крови людской
в поле битвы впитала пыль.
Сколько стройных арабских коней
с поля битвы бежали прочь,
сколько крепких казахских коней
в поле битвы пало от пуль...
Скачут по одному и в ряд —
молод конь, седок неженат —
знамя с древком бесценным над
молодцами на поле битв.
Лязг доспехов и гром копыт.
За йигитом идет йигит.
Все мешается, бой кипит,
не кончается в поле битв.
В сбруе кожаной конь лихой.
Мощь Хасана признал любой.
С ним китайцы, алжирцы бой
длитель не могут на поле битв.
Разрозненная рать слаба.
«В речи — кстати нужны слова».
Рать, что сил своих не слила,

вся поляжет на поле битв.
Меч на встречных, как смерч, летит.
Души павших спешат в зенит.
И янтарным вином налит
кубок смерти на поле битв,
и заранее саван сшит
уходящим на поле битв...
Оглушая, бьет барабан,
и проходит дрожь по рабам:
здесь прольется кровь, как вода,
пробежит огонь по рядам,
хрустнут кости и, прорыдав,
кто-то наземь падет, убит...
Свалят головы, порубав,
словно свеклу, на поле битв.
Черной массой идут войска,
там шагают и тут войска.
Кто вернется — кто сляжет тут
с черной дыркою у виска?
Грозец, грозец узбек, пока
глаз на страже, в броне рука,
и летит он на строй врага,
словно сокол, на поле битв.
В наступленье рванулся ряд,
не пославши в ружья заряд.
И гарцует, пляшет Гират.
И Хасан наготове — рад
налетевших рубить подряд.
Храбрецы-то под меч летят,
а вот труса возьмешь навряд:
он — назад,
да и с поля битв...
Ах, как лихо кони летят,
и звенят стремяна едва,
мертвецы не мигая глядят,
полумертвый ползет с седла.
А вороны серые в ряд
на разбухших трупах сидят,

и степной орел, как солдат,
прогоняет их с поля битв...
Тут ведь, кстати,
разный народ,
кони статей
всех и пород.
Первым гибнет, кто шел вперед,
а вот трусы — наоборот:
сзади спрячется — и орет,
духом слаб — выручает рот...
В тень заехал Хасан — велик,
словно воин с тысячью лиц:
глянут недруги — страх берет...
Никто в этой битве такого не ждал:
упавших, убитых — никто не считал.
Несчетное войско тесня и калеча,
сражался Хасан, пока вечер настал.
Врубал он без устали саблю свою —
и все же устал в небывалом бою.
Направо, налево бегут кизилбаши —
один он у поля на самом краю.
Уходят потоки в низину с горы,
но здесь — за ошибку меня не кори —
на отдых Хасан поднимается в гору,
где стан свой оставил у края скалы!
И снова Гиркук с Хасан-батыром
с поля выбрался невредимым,
так и пришли
к Хан-Далли.
Далли Хасанхана встретить рада,
берет за уздечку Гирата
и при этом сама
говорит уважительные слова,
одно, второе,
как, мол, здоровье;
на камень усадила,
питьем усладила.
Руки у груди, собой прекрасна,

стоит, ожидает его приказа.
У Хасана, кроме Далли и Гиркука,
нету теперь поблизости друга.
А Хан-Далли — известно ведь, она
необычайно была умна.
Чтобы развеселить Хасана,
чего ни понарассказала,
цвела многолико,
сияла улыбкой,
на носках ступая капризно,
выпрямляла стан кипарисный,
то подмаргивала,
то помалкивала,
то снова слово со словом сталкивала.
Всё делала,
лишь бы ободрить его дух « тело.
Видно, есть у йигита любого
та, что ему помогает любовью.
А у Хан-Далли был ум немал,
хоть впустую не выказывала своего ума.
Но одному против всех приходилось жарко,
вот ей Хасанхана и становилось жалко.
И весь свой дар,
что аллах ей дал,
она перед ним и являла там.
И Хасан пьянел от речей и от лика,
на нее смотрел с влюбленной улыбкой.
А враги, что Хасана в бою испытали,
его побаиваться стали.
И, ожидая наутро бой,
держат совет между собой:
«Что это, мол, в самом деле,
человек — или виденье,
не видано такое ни вблизи, ни далече,
чтоб целым войском — одного не одолели!
Что нам придумать против него?
Стыдно бегать от одного!
Ведь как ни гляди,

а он-то один.
Попусту нечего пенять —
надо его подходы понять,
выведать секреты —
как он налетает, так или эдак,
когда — вперед,
куда поворот.
Хорошо, что с ним еще второго нет —
вырос бы из наших голов минарет!..
Думайте, люди,
начеку будьте,
смотрите в оба,
ловите вора.
Надо всё разузнать о нем,
да с его конем.
И молитесь богу,
чтобы ему не пришли на подмогу:
если с ним еще кто окажется,
нам эти дни раем покажутся!
Вот то-то будет беда!»
Такая у них беседа была.
Прошла ночь, наступило утро.
Встал Хасанхан, поводья распутал,
оседлал коня, подтянул подпругу,
на себя натянул кольчугу,
а спускаясь к врагам вчерашним,
окинул оком стоянки вражьи.
Враги-то —
побиты,
духом упали,
как повалились, так и спали.
Видит Хасан, как знамя ославили:
знаменосца стоять оставили,
он и заснул прямо со знаменем.
Без счета пик —
торчат, как тростник.
А в ущелье как с вечера набрался дым,
так до утра и не уходил...

Вот — полюбуйтесь — батыр на Гирате:
ради Далли, да и доблести ради,
палицу поднял, летит Хасанхан
с краю ударить по вражеской рати.
Разом в ряды он врывается вражьи —
мощным пожаром в лесном заовражье.
В яростной сече, на грозном коне,
головы рубит противникам ражим.
Войско дрожит перед божьей напастью —
перед Гиркуком с разинутой пастью.
Блещет Хасана алмазный клинок,
.рубит тела, рассекает на части...
Поле сраженья становится адом:
мчит по рядам, как садовник по грядам,
рубит и косит Хасан-молодец,
сыплет удары несчитанным градом.
Славу возносит лихому денечку:
вышел на тысячи он в одиночку,
тыщи приемов он кажет один,
ставит под каждым кровавую точку.
Мчится Гиркук, словно яростный ястреб,
всадник рычит, словно тигры над яством,
блещет, как клык, исфаханский клинок
вслед убегающим спинам мосластым.
Кто увернуться сумел от удара —
в поле догонит воитель удалый.
Падает враг, не бывает иначе —
в самом зените Хасана удача!
Слава, батыр, твоей сабле жестокой:
вышел один, а свалил уже стольких!
Силы напруг побеждающий воин —
и небывалым свершеньем доволен.
Стоит Хасану лицом повернуться —
все убегают, спеша увернуться.
Всадник и лошадь друг другу под пару —
сотни приемов известны тулпару!
Крутится, топчет, ловчит, наступая...
Мертвых, ей-ей, хоть кладите снопами!

Некому только пока убирать их —
пало до четверти вражеской рати!
Если не будет врагу облегченья —
трупы и вовсе завалят ущелье.
Есть ли помощники лучше Гиркука?
В битве такой он победы порука.
Вот испытанье коня и батыра:
бились с ордой — не подставили тыла!
Целое войско дрожит пред Хасаном —
соколом гордым и воином славным.
Сеча в разгаре. Бурлящим потоком
мчится Хасан в напряженье жестоком.
Впала в уныние шахская рать:
столько побито, а дальше-то — что там?
Если б Хасана свои увидали —
песни о нем бы не увядали.
Мощью потряс он и горы, и недра —
дрогнул недаром отчаянный недруг!
Истинно — гибель грозит кизилбашам:
нету числа их дружинникам павшим!
Не позабудут окрестные горы —
сын Гороглы причинил это горе.
С виду мальчишка, но ярим клинком
рубит наотмашь, без жалости колет...
Если б он трусов теснил еще разных —
нет, уложил-то он витязей храбрых!
Мертвыми землю усеял вокруг! —
в мире побоищ и не было равных!
Так и косил он — ряды за рядами!
Подвигов равных не помнит преданье.
Храбрый Хасан — не пример ли йигитам?
Крепкий в кости и внушительный видом,
цели достигнет, к которой идет,
духом могуч и на деле испытан.
Вражье опять собирается войско —
вроде порубленных не было вовсе! —
столько осталось еще, что Хасан
снова к аллаху молитвы возносит!

С силой Хасан пробивает дорогу,
кровь с его сабли подобна потоку.
«Бой недалеко — не стой в стороне».
Недруги гибнут, покорные року.
Храбрый Хасан, как река в половодье,
сносит преграды, бросив поводья...
Кажется, меньше врагов впереди...
Сзади зато — прибавляется вроде!
Бил он, ударов своих не считая,
стали враги прикрываться щитами.
Сжали кольцо. Не пора ли ему
обороняться, хоть он — не чета им?..
Он еще молод, сдержаться не может,
хоть против тыщи сражаться он может,
хоть в этом войске, где сабель не счесть,
с ним ни единый сравняться не может.
Трудно сражаться бойцу без надежды,
трудно держаться без всякой поддержки.
Сколько сгубил он! Один и один...
Вражьи же орды как будто всё те же.
Место сраженья — выше и выше,
тяжко Гиркуку, и силы-то вышли.
Всадник ли, конь — тяжело одному!
Да и кому это просто, всевышний?
Вражье кольцо всё теснее и ближе.
Кровь с его сабли лишь каплет — не брызжет.
Дело не вышло. И нет уже сил —
к бою стремленье усталостью выжгло.
Что ж, отдохнуть в самом деле пора бы.
Гнал он врагов целый день, как баранов.
Трудно держаться в кольце одному,
хоть и приведши силы в порядок!
Словно в ловушке, Хасан в середине:
не отойти, и в себя не прийти, не
передохнуть, а руки-то ведь — две!
Вот и попробуй вырваться ныне!
Уже и уже кольцо вокруг Хасана,
всё беспощадней и ближе осада.

«Бей его!» В горьком смущенье Хасан —
что б тут поделал и дерзостный самый?
Вот и достигли события зенита.
Битвы теченье судьба изменила.
Всё-таки был он один, Хасанхан,
как ни сражался батыр знаменито.
Тысячи конных его окружают,
взяли в кольцо — и разгона лишают.
Кем он ни будь — он один, Хасанхан!
Тысяча в пыль и гранит сокрушает...
Как он рубился, сражаясь на воле!
Войско бежало — не от одного ли?..
Только ведь всех всё равно не убьешь.
Взят в окружение и вымотан воин.
О, эти псы из проклятой державы —
как они перед Хасаном дрожали!
Нынче ж, усталого к скалам прижав,
всей своей сворой у скал задержали...
Конь, коль один, хоть промчится по пыли,
только промчится — уже позабыли.
Если один ты, то, как ни могуч —
слаб перед войском, где сил в изобилье!
В толпы собравшись, режут, задирают —
толку ль, что снова йигитов теряют!
Если идут муравьи заодно,
даже со льва они шкуру сдирают.
Раньше Хасан-то пугал их до смерти —
и подойти они близко не смели.
А окруженный, как сокол в кольце,
терпит от них он и брань и насмешки.
«Так решено не судьбою ль самою?
Будь Гороглы теперь рядом со мною,
или дружинников сорок моих —
мы б эту падаль смешали с землею!
Брань и удары сыплются разом —
здесь я один в окружении вражьем.
Как мне сейчас мои беки нужны —
помощь подать, да и дух мой уважить!

Если даются враги человеку —
дай и друзей, помоги человеку!
Перед врагами стоять одному —
нету судьбины горше, чем эта.
А ведь недавно, в отчизне — чем был я?
Ярким цветком в гулистане Чамбила,
птицей беспечной, не чувшей бед,
беком счастливцев в долине обилья!
Нынче ж — ни сердца согласного рядом,
дружеских глаз, чтобы встретиться взглядом.
Где же вы, сорок дружных друзей?
Как никогда, мне увидеть вас надо.
Кто о Хасане в отчизне расскажет?
Я окружен ополчением вражьем.
Враг совершить не решился бы это,
рядом увидевши Гороглы-бека.
Недругов всех разметал бы я сразу,
рядом имея батыра Аваза.
Но в Дагестане лишь ветер предгорий
может понять мое горькое горе.
Рядом со мною товарища нету,
от одиночества все мои беды.
Как в Дагестане терзается брат —
кто Авазхану сумеет поведать?
Кто ему горечь мою передаст,
песню надежды напрасную эту?
С горем — к кому постучусь я, непрошен?
Ищет душа утешения в прошлом.
Жажду увидеть друзей и Чамбиль,
всеми в чужбине погибельной брошен.
В жизни по трудным дорогам ходил я.
Был я рожден, чтобы стать господином,
но в Дагестане остался один,
здесь умереть мне судьба и судила.
Видно, при жизни наказан я адом.
Счастья ни разу не видел и рядом.
Жил как скиталец, да так и умру,
горькой разлуки отравленный ядом.

Среди врагов я, Хасан, оставался,
странствовал долго и много сражался,
мчался, как птица, и бился, как лев —
смерти на кончике пики дождался.
В поле сраженья стою одиноко.
Путника к смерти приводит дорога.
Как же от родины я далеко!
Сил уже нету, а недругов много...»
Хасан-батыр на поле сраженья
бился, рубил без сожаленья,
достигла битва
своего зенита.
В реве, лязге, звоне, гаме —
оглянулся — видит, окружен врагами.
Как ни рубись — ему
пробиться немислимо.
Кругом враги стоят кольцом —
и сбоку, и сзади, и к лицу лицом.
Ряды за рядами, ряды за рядами —
десять, двадцать, и не видно дале!
Рубит он их день, и второй, и третий —
не убавляются, чертовы дети!
А Шах-Кувад донельзя разгневан:
«Клянусь,— говорит,— небом,
слыхано ль вовек,
один-единственный человек —
и из такой державы, средь бела дня,
дочку увозит у меня!»
Собрались управители-аксакалы,
повсюду конники поскакали,
бывалый служивый люд
людей скликает и там и тут.
В махаллях и усадьбах,
в чайханах, на базарах,
в караван-сараях и у городских ворот
глашатаи оповещают народ:
«Эй, мусульмане, аллаху покорные,
приезжие и исконные,

пешие и конные,
никуда ни шагу —
все к шаху!»
Идут из города, из кишлаков, из пустыни,
отрядами идут, кучками простыми.
Идут могучие, идут и прочие,
идут вместе и в одиночку.
Идут по дорогам
племена и роды.
Молодой народ, пожилой народ.
Шахское войско растет и растет.
Заполнило вскоре
все предгорья.
Первые заняли место в низине,
остальные идут за ними.
В каких бы палванах Хасан ни ходил —
он ведь всё равно один!
Шахские воины в гуще боя
говорят меж собою:
«Надо держаться,
дальше сражаться!
Одному конец, другому, третьему,
но ведь всех-то не одолеть ему!
Говорят старые люди:
дескать, пусть и великаном будет —
всё равно он один.
А ведь мы чего хотим?
Хоть бы его ранить,
хоть бы заарканить!»
Так они себя успокаивают сами,
держат совет, как поймать Хасана.
А другие в ответ на такой разговор:
«Это всё,— говорят,— вздор!
Тот, который в мощь свою верит —
такой всё одолеть сумеет.
Он ведь сам над собою власть:
когда — отступить, когда — напасть.
На такое в одиночку ведь не каждый пойдет.

Да и Хан-Далли не с каждым пойдет.
Духом-то она не слаба!..
Глупые ваши слова.
Этот не сдастся, покуда жив.
Вон уж скольких он положил.
Один-то один,
а пол войска победил!..
Сперва ты сумей взять его в полон,
а уж болтать будешь потом».
Так спорят воины да судачат:
удача ждет их иль неудача.
А Хасанхан — в середине битвы,
гонит бегущих, отваливает убитых,
рубит плеча да
без пощады.
А войско врага
всё стоит пока,
ряды ровные,
словно не тронуты..
Сколько их изрубил, иступил оружия —
и даже края не порушил!
Вспомнил Хасанхан батыров былых —
сколько когда-то было их! —
вдрызг разносили
вражьи силы.
Но ведь говорили еще тогда:
«Камень тверд — иль рука тверда?»
Отвечали: «Твердый камень.
Не бей руками...»
А теперь у Хасанхана беда.
Не уйти от нее никуда.
«Раз,— думает,— некуда податься,
до конца приходится драться!»
Затянул пояс, понукнул Гиркука,
вертится по кругу
и без осечки
продолжает сечу.
Тронул камчой коня,

полон опять огня.
«Я, Хасанхан, молюсь
тебе, кто создал меня!»
Крикнул Гирату: «Мчи!»
Свистнул ремень камчи.
Разом под небеса
конь, как огонь свечи.*
Конь разевает пасть
перед тем, как напасть.
Падают, как снопы,
те, кому выпало пасть.
Ярая свалка битв.
Глянешь— в глазах рябит.
Меч у Хасана в руке
не устает рубить.
Злой исфахан-клинок
валит и валит с ног.
Гибель идет на них,
веры чужой сынов.
В поле траву травы —
тонет трава в крови.
Под барабанный бой
длится Хасана бой.
Битвой гордись, Хасан,
гордись конем и собой.
Скачет на скакуне,
славном Гирате-коне.
Многих потопчет конь,
сам он сшибет вдвойне.
Враг не осилит бед:
стон его — до небес.
Слышится на озере барабанный бой.
Хасанхан сражается с вражеской толпой,
Хваткой сходен с соколом славный наш Хасан,
сносит вражь головы мощною рукой.
В ту, в другую сторону — крутится Гиркук,
валит, топчет недругов, завершая круг.
Гляньте на Хасана — он беркутом степным

на врагов кидается, яростен и крут.
«Хай!» — кричит он яростно,
громкий, словно гром,
и голодным ястребом
вьется над врагом.
Гляньте на Хасана — он ястребом степным
на врагов кидается, что кишат кругом.
Как Гиркук ни ценится—
всех он выше цен:
на кого нацелится —
тот не будет цел.
Львиною повадкою славен Хасанхан:
взмах меча — и падает взятый на прицел!
Хасанхан всё выдюжит, сильный, словно нар.
Вновь на рать огромную страху он нагнал.
Меж врагов бесчисленных рубится один:
меч о сталь ударится — выбьет сноп огня!
Крикнет — разбегается
звук во все концы.
И снопами валяются
мертвецы...
Могучих он ранит,
как тигр когтит,
и враг, бездыханен,
на поле лежит.
Взывает Хасан: «Эй, отважные, где ж вы?
Откликнитесь, храбрые, кто из вас жив?»
Захочет — догонит любого Гиркук,
свое превосходство докажет врагу.
Смешал он ряды, все бегут в беспорядке,
теряя и память и ум на бегу.
Всю армию заново
страх пронизал —
с рассвета их самого
рубит Хасан.
Взгляните: вот гордость батыров туркменских¹
И конь не заморен, и бодр он сам.
Хасана же яростный пыл охватил,

как пьяный, кричит и бормочет батыр.
Видна кизилбашам вся львиная сила —
и сбоку боятся зайти, да и в тыл!

МАХМУД ПАХЛАВАН

* * *

Сто раз я клятву повторю такую:
сто лет в темнице лучше протоскую,
сто гор в домашней ступе растолку —
чем истину тупице растолкую.

* * *

Строитель небосвода, вечный зодчий,
что за день ты возвел — обрушишь к ночи.
Мечети своды и законов свод,
едва уйдем, подточит время тотчас.

* * *

Вина — виной: ей кара — искупленье.
Несправедливость горше преступленья.
В своих заплатах вор не виноват.
Чем зло пышней, тем мерзостней терпенье.

* * *

Есть время — с мудрецом за чашей посиди,
с прекраснейшей лицом, сладчайшей — посиди.
Нет тех и нет других — не трать досуг напрасно:
один — не будь глупцом! — за чашей посиди.

* * *

Мы веселы — и день нам не приносит горя.
И, получив одно, не жаждем взять другое.
Не морщим утром лоб: а будет ли обед?..
Не просим — и дано нам щедрою рукою.

* * *

Я не сгорю в огне, в плавильне печи жаркой:
я золото, а не медь под позолотой жалкой.
Я солнца яркий луч — не блеклый блеск луны,
не тусклый, в пятнах, таз, начищенный служанкой.

* * *

О сердце, не мечтай о шелковых одеждах
и тех, что на тебе, не рви в пустых надеждах.
Коль хочешь жить легко, так блеском взор не тешь
и прихотям чужим не следуй безудержно.

* * *

Все спутники мои взирают свысока —
как царственный букет на венчик василька!.,
Беседы я веду лишь со своею тепью —
как мальчик о зеркалом, как с берегом река.

* * *

Мне пыль чужих шагов па сердце не садится.
Обид не наношу — и не спешу сердиться.
От ложной гордости судьбою — я далек;
зато в самом себе мне нечего стыдиться!

* * *

Неспешно жизнь прожить — иль вечно торопясь
халат из шелка шить, носить ли вечно бязь —
не все ль равно? Глупец слывет недолго мудрым...
Но горе чистому, затоптанному в грязь!

* * *

Не пей с пройдохой, хоть и в маске друга.

Тут сеть кругом, приманка в центре круга.
Беги лукавых, если прям душой —
стрелой прямого от кривого лука.

* * *

О, если хочешь стать и вправду падишахом —
так будь слугой для всех! Стелись, как след за шагом
Чтоб стать короною, носимой па челе,
водою будь для рук и под ногами — прахом.

* * *

На троне будь царем, мужчиной будь в дому,
и чести не вверяй дувалу одному.
А-ветке стоит раз за стену перегнуться —
и тянут руку все к урюку твоему.

* * *

Когда б мы этот мир могли исправить силой —
обрушило б добро все тропы злобы хилой!
Но мир — подобье нард: всего один бросок —
и жалкое грозит великому могилей...

* * *

На плов в чужом котле кидать не стоит взора.
На пышный званный той позор идти без зова.
Ломоть свой черствый, свой глоток воды —
стократ полезней пиршества чужого.

* * *

Мой ярый дух — огонь, что все вокруг расплавил.
И эти реки слез мой заливают пламень.
А глина, что на тех замешана слезах, — я сам!
И я, гончар, собой гордиться вправе.

* * *

Из-за тебя в душе горит на ране рана,
насмешек рой — и в рай за мной помчится рьяно!
Кто может мирно жить под игом дней твоих?
Ты рано в мир пришел — мир нас покинул рано!

* * *

Хоть будь сильней слона — живи скромнее мыши,
Став знатного знатней — садись и нищих ниже.
И не считай грехи в чужой живой душе,
а если услышал — прикинься, что не слышал...

* * *

Спросил красавицу: что цедишь ты слова?
Одно другому вслед скользит едва-едва!..
Ответила: смотри, как мал мой ротик алый —
в нем слово помещу, по уж никак не два!

* * *

Два черных глаза, близкие соседи,
меня спросили: «В чьи попал ты сети?»
Я зеркало им показал в ответ:
вот ловчие, хитрейшие па свете!

* * *

Я болен! Я болен! Теряю терзаниям счет,
кружась мотыльком у свечи этих пламенных щек.
К ногам, опаленному, пасть мне судьба посулила,
и пламя мои пожелтые крылья влечет...

* * *

О сердце, ты опять в силках ее волос,
склонилось перед ней покорней гибких лоз.
Смотри — ведь ты еще в обрывках прежней сети! —
а в новую уже попасться довелось...

* * *

Порой клянусь: покончено с любовью —
с потерями, печалью и болью.
Но где-то мимо девушка пройдет —
вновь на безумство я готов любое...

* * *

О сердце, ты само себя в страдальцы прочишь,
безумством собственным свой краткий век порочишь.
Ты ищешь каждый день из тысячи одну —
и вечно новую! Она ж — не лучше прочих...

* * *

Итог свиданий — горшая разлука.
Из всех страданий горшее — разлука.
Душе и телу разлучиться — смерть.
Так и с тобой нам тоже смерть — разлука

* * *

Любовь — что за пламя, вовек по дающее дыма!
Печаль — что за песня, без звука идущая мимо!
Желание — суть, что отсутствует, жар, что не жжет!
О видимость счастья — невидима, необходима...

* * *

Пусть минет глаз дурной ее хмельные взоры,
не тронет сладких уст горчайший вкус позора.

Всевышнего прошу: да сжалится над пей —
бедою стройный стан согнет, как лук — нескоро!

* * *

Ищу любимую в сиреневом дыму.
Где улица ее и дверь в ее дому?
Хайяма я хмельней, и винными парами
и самый ад, ей-ей, до неба подыму.

* * *

Полны в рассветный час росой тюльпанов чаши,
и тихий птичий стон ловлю я прозвучавший:
«Вставайте... належитесь под землей!
Наш — только час. Не упускайте часа!»

* * *

О друг, не будем жить ненаступившим днем.
Сочтем за лучший — мне в котором мы живем.
Ведь завтра — уходить! Хоть, может, рядом ляжем,
но так семь тысяч лет и пролежим молчком...

* * *

Нас убила любовь, она сделалась нашей могилой.
Нас беда породила — немилых на родине милой.
Вой твой рай, о аскет! А для нас, для хмельных соловьев,
ад, как сад, расцветет на пределе подлунного мира.

* * *

Белой розы лицо еще в маске тумана покуда.
В пыльном сердце еще только жажда дурмана покуда.
Ах, не спи, о краса, ведь рассвет не окрасил сады!
Это время вина, а для сна — еще рано покуда.

* * *

Мы свободны от пут, нас в стенаниях не уличали,
хоть вкушаем, как все, ежедневную пищу печали.
Ибо трезвости нам неизвестен ни запах, ни вкус,
и глаза веселы, что свидания нам назначали.

* * *

Сладко жить близ любимой, в томленьи и нежном пылу.
Ветер гладит поля, как атласного платья полу,
Это счастья весна, это наша пора, поспешите!
А другая придет — нас не будет на этом пиру.

* * *

Есть лишь одно из двух: приказывать — иль слушать,
быть властью — пли тем, кто этой власти служит.
Как зла ни сторонись — ты рядом с ним живешь.
Быть сильным — хорошо. Быть беззаботным — лучше!

* * *

Я нарушил обеты — пошли в утешенье вино,
чтобы душу мою разрешило от ноши оно.
Потуши мой пожар! Эту чашу наполни скорее,
дай хотя бы воды, коль вина уж найти не дано.

* * *

Один неверный шаг — ив пропасть путь направишь.
Не доверяй тропе, в полночный путь отправясь.
А в дом к друзьям войдя, на страже стой у чувств —
чтоб зависть или злость неслышно не подкрались.

* * *

Нищий дервиш о людях заботится больше, чем шах:

что прошел и услышал — осталось в душе и ушах.
Если трещины в стенах — торопятся дом перестроить.
Если трещина в сердце — весь мир переделать спешат.

* * *

Я в слово влюблен, и таких же влюбленных ищу,
чтоб в душах затеплить высокого чуда свечу.
Вы чувствуете смысл, но щемящее таинство слова
немногим покуда по сердцу, да и по плечу.

* * *

Эти точки в тетради — не сердца ль сожженного пепел?
Все, что тут я писал, — я ночной темнотою пометил.
Что мне черные ночи? И что мне упреки свечи,
если светоч мой — разум, и дух, как светильники, светел?

* * *

И полепо и уд — оба нынче в единой цене.
И Халил и Нимвруд — оба нынче в единой цепе.
Заложило ль вам золотом уши, что вопль ослиный
с тем, что пел вам Дауд — тоже нынче в единой цене?

* * *

Уж коли путь твой крив — беда идущим прямо,
о небо наших дней, ничтожного оправа!
Так: мудрецы в пыли, глупцы вознесены...
Испепели, господь низвергни мир неправый!

* * *

Взгляну, открыв глаза, — нахмуренные брови,
печаль со всех сторон, страданье в каждом слове.
А посмотрю ли вниз — и в зеркале колен
согбенного себя увидеть мне не внове.

* * *

Непрочно в мире все. Боль входит, свет стирая.
Живую радость дня съедает мгла сырая.
Живи, смежив глаза: глядит небытие везде
сквозь щели старого сарая.

* * *

Кто мог нам парой стать — тот не был в мире дан нам.
Л здесь и преданный с предательским приданым.
Закону верности нет верных на земле —
в дому заблудших душ, среди детей Адама.

* * *

Чтоб быть навеселе — отпей чуть-чуть глоточек.
А будешь не в себе — слезой источит очи!
Вот так и брага лет: чуть пригубил — хорошо!
А если дальше пьешь — уже и жить не хочешь...

* * *

Очистив медный лист от пятен и от ссадин,
до блеска зеркало отшлифовал я за день.
И, глянув, все своп увидел в нем грехи!
И о чужих забыл... а был до них так жаден!

* * *

Господь, не оставляй бесплодным жизни древо,
не дай мне опьянеть от зависти иль гнева
и под чужим ярмом заветные года
бесплодно раскидать направо и налево.

* * *

Пустыней бытия, о друг, идти нам трудно.
Остановиться вдруг на полпути — нам трудно,
Твердим: «Во всем, во всем твой промысел, аллах!»
Но в этом всем, ей-ей, его найти нам трудно.

* * *

Мое сознание — тюльпан с сожженной сердцевинкой.
Уста бутона — глубь очей — омыты влагой винной.
И чаша сердца слез полна — заполнена до края!
И в каждом ухе — всех земных стенаний половина.

* * *

Убого я живу, несчастьем покоренный —
как этот черный ствол, давно лишенный кроны.
Корона на челе, быть может, и легка,
но тяжести чела не облегчит корона.

* * *

Да, ночь беременна, но что она родит?
Течение времени во что нас превратит?
Что было до сих пор — мы знаем. Что же дальше?
Мир повторяет все — но нас не повторит.

* * *

Так рыдал я вчера — и душа посветлела от слез.
Низвергались они, как янтарные градины с лоз.
Словно смыло всю пыль с помутненного зеркала сердца
или празднество ливня над полем сухим пронеслось.

* * *

Кто близорук душой — с таким общаться худо.
Провидец — как алмаз среди земного люда.
Путь к лучшему искать напрасно без любви,

Гончар в уме у нас, когда в руках посуда.

* * *

Если разум — арык в саду, ты — живая душа в арыке.
Если есть у Вселенной лик — ты румянец на этом лике.
Испариться тебе нельзя предрассветной росой с роз —
ты душа всех цветов в саду, плоть и запах любой былинки.

* * *

Ходжа, к чему считать богатство — высшим саном,
и весь свой век мечтать — и все о том же самом?
Лишь саван нам с тобой достанется в конце!..
И долго ль он еще прослужит, этот саван?..

* * *

Булыжник не сверкнет, как лазурит,
и полночь солнцем рас не озарит.
Не ожидай от богача напрасно,
что он себя для бедных разорит!

* * *

Не жалуйся, жадный, па этот порядок земной.
Я горстка земли, и меня не испачкать землей.
Я в море плыву, не возьму и травинки на берег.
Все золото — тебе, остальное оставишь за мной.

* * *

О, зависть золота не обесценит взглядом!
Страсть не сметет ума, хотя бушует рядом.
Зло — смрадный смертный пес. Добро — речной поток.
И эту реку псу не опоганить смрадом!

* * *

Грехами к миру бренному прикован,
души одежды распахнет при ком он?
Простой змеей до хаджа был ходжа.
А возвратись, он сделался драконом!

* * *

Где честных кров — могильная плита,
где маска зла — улыбка в пол-лица,
быть верным псом у верного — почетней,
чем первым слыть лицом у подлеца.

* * *

Небо, нет во мне воли, на пламени боли калимой.
Пыль на зеркале сердца, и путь остается недлинный.
Ты усилий не трать, переделать не пробуй меня:
глину сколько ни мой, она так и останется глиной.

* * *

Раскрыв тетрадь души, как розы оперенье,
на ветер пыль стряхну, отброшу буден бремя.
Но разум и душа — песочные часы,
где пепел наших лет пересыпает время.

* * *

В этом мареве мира дивимся, как встарь:
этот свод полукруглый — вселенский фонарь!
Эти куколки — мы под стеклом закругленным.
И светила фитиль, и привычная гарь...

* * *

Так темен свет в душе — кладбищем сад поник,
и розовый бутон — как вздувшийся гнойник.

Коль пересолен суп — не скажешь, что без соли,
что ж пресен я и жгуч в один и тот же миг?

* * *

Безумия кинжал на пояс мы нацепим,
но жизни нашей лук — на знание нацелим.
О да, я раб небес, дыханье — цепь моя,
но землю я познал, и только этим ценен.

* * *

Полжизни провели за знаньями в погоне,
а там — богатству вслед неслись еще покорней...
Но бог нас одарил секретом бытия:
теперь презрели все — и вот живем в покое.

* * *

Разбился солнца круг об острый край земли,
и жаркой крови дня потоки потекли.
И скрыла лик луна, Зухра остригла косы,
и в траур ночь-вдову поспешно облекли.

* * *

Я за дни воздержанья остался без сил и без соли,
вкус к посту потерял, вкуса пищи не чувствую боле.
Воды дней протекли да и вымыли вкус из всего,
ветер дунул вослед, выдул вкус наслажденья и боли.

* * *

Мудрости мед добывал. Не было дня или года,
чтоб меня не добывал бранью и домыслом сброда.
Злобные осы толпы жалят на каждом шагу!..
Все оттого, что несую сладкую капельку меда.

* * *

Слез наших хватит тысячам потомков:
исторгло время тысячи потоков!
Ной прожил тыщу лет — лишь раз видал потоп.
Я ж видел в жизни тысячу потоков!

* * *

От смерти нет лекарств. И что пред ней — законы?
И дервиш, и султан — ей все равно покорны.
Пусть Кермоншах скормил себе Кермон —
полям Кермона сам он служит кормом!

* * *

Я видел спящих на земной нос гели,
и тех, что спят в земле, чьи ложа опустели.
А сколько есть других во тьме небытия!
Тех, что придут еще, тех, что давно истлели...

* * *

Кто мир моей души поднимет из руин?
Постигнет груз грехов — и сделает своим?
Ко многим славным я паломничал могилам.
Придет ли кто к моей, ответь, о Азраил?

* * *

В час суетный, в жару, рискни в тени усесться,
чтоб в гаме рыночном свое услышать сердце.
Немытый раб, к святыне прикоснись! —
и, смертный, с вечностью на миг вступи в соседство...

* * *

Не знал мой бедный дух ни радости, ни грез,

свободы от забот, от горя и угроз.
Что пользы? Жизнь моя, такая дорогая,
бесплодно пронеслась, пропала ни за грош!

* * *

Начала не вернуть, коль до конца ты дожил.
Сколь горек этот путь! — твердишь себе, итожа.
Сто лет живи — и все же встретишь смерть.
Сто стран пройди — и всюду встретишь то же.

* * *

Мы с верой шли сквозь мир — и все же в малой мере
мир плоти в мир души преобразить сумели.
Все семь десятков лет я думаю о том!
В испуге мы пришли, уйдем в недоуменьи..

* * *

В последний час земли нес ангела, не с черта,
а с бедных смертных — с нас потребуют отчет»!
Но им ведь всё дано... а мы — что мы могли?
Прости, о судия, но здесь неладно что-то.

* * *

Создавший воды, твердь, вселенной карусель,
и сердце, что песет печать печали всей,
п лалы сладких губ, и локонов спирали —
зачем ты все укрыл землю черной сей?..

* * *

Стихи, на злобный мир мы с вами не похожи,
И к тем, кто нас хулит, добры мы будем тоже.
Коль ветку гнут плоды, так ей не до обид,
хотя б и камнем их старался сбить прохожий.

* * *

Глянь на дорогу: путники ушли.
Все сверстники и спутники ушли.
Путь опустел; все близкие — далеко...
Пора идти — а спутники ушли.

АЛИШЕР НАВОИ

* * *

Исторгни сердца стон, неожиданных бед кинжал!
Погасни, зашипев, водой залитый жар...

Безумие мое одно неуязвимо,
какой холодный взор его ни поражал.

И что тут странного? Во мне питает пламя
в глазах разлившийся красы твоей пожар.

Веселье без тебя мне грустью отзывалось,
а в грусти по тебе надежды луч дрожал...

Подай кувшин, старик, вином обрадуй сердце,
чтобы, смывая боль, янтарный ключ бежал!..

Иль хоть один глоток из жалости пожалуй,
чтоб яд остановить, вошедший с сотней жал...

Но вот она идет, и винный хмель уходит,
и снова прежний жар тисками сердце сжал!

Пусть Навои умрет, твое лелея имя, —
живи, не ведая, где путь его лежал.

* * *

То ль щеки румянами красит вино,
лучами ли пьяными сердце полно?

Мерцают в ушах драгоценные камни,
сияют ли звезды с луной заодно?

Твой лоб покрывается бисером пота,
роса ли на розе — не все ли равно?

Бутон этот нежный проткнула колючка,
иль сердце обманами пронзено?

Запуталась в прядях любви моей птица,
ночную ли тварь приманило окно?

Горит небосвод, как лицо моей милой,
иль пламя души моей вознесено?

Любимая, рада ли ты расставанью,
иль так же тебя убивает оно?

Ночной ли печали на всем покрывало,
от смерти крылатой ли стало темпо?

Коль скажут тебе: Навои отступился,
не верь — не бывает водою вино...

* * *

Любовь моя, чужой ты сделалась в итоге.
Вся боль моя, смешной ты сделалась в итоге.

Ты, сердце, мудрым слывшее, — в слезах,
и жалким дуваной ты сделалось в итоге.

Алмазы редких слез, рассыпанные мной,
для птиц молвы крупой вы сделались в итоге.

Резное здание, что я воздвиг в душе,
руиной нежилой ты сделалось в итоге.

Сжигала страсть равно Меджнуна и Лейли,
но в том костре золой он сделался в итоге!

Зря перед идолом так был я в вере тверд —
рабом струи хмельной не сделался в итоге...

Подайте ж чашу мне, чтоб терпкое вино
отрадою одной мне сделалось в итоге!

Ты Навои клялась, что в нем твоя душа,
так что с твоей душой ты сделала в итоге.

* * *

Войди в мой темный дом, о джан, от смерти дай свободу,
я пью вино твоих речей, как Хызр — живую воду.

Ведь это сердце для тебя — как бы сосуд прозрачный:
ты видишь все, что скрыто в нем, и радость и невзгоду.

Твой лик, как солнце, сжег мой сад, безумца нищим сделал.
Но будь, как солнце, что порой и милость дарит году.

Сто стрел торчат в твоей груди — железной птицы перья.
Скажи, когда оставишь ты бесцельную охоту?

Спроси, чем я живу? Одной надеждой на свиданье!
Другой и знать я не хочу, пустой молве в угоду,

Когда поток зальет поля, гора — одно спасенье.
Кто ждет зари, тот должен знать, что ночь — пролог к восходу,

О Навои, огонь любви описывать не пробуй:
горит перо, и белый лист, истлев, чернеет с ходу...

* * *

Если ты цели достиг сполна, не медли, выпей чашу.
Наливши до краев вина, немедля выпей чашу.

А если зеркало дум твоих подернет туман печали,
чтоб снова стала цель ясна, немедля выпей чашу.

И если перы на пьяном пиру с поклоном вина предложит,
возьми его, скромность не нужна — немедля выпей чашу.

Пусть те, кто запутан в мирских делах, людской молве внимают.
На них не равняйся, жизнь одна, — немедля выпей чашу!

Пуст или полон твой дом — пустяк, не трать души па заботы.
Расплескана кем иль полным-полна — немедля выпей чашу.

Отшельник, в ханжестве толку нет, ей-ей, ни на грош на медный.
Нарушь обеты, ничтожна вина — немедля выпей чашу.

Стань шахом пьяниц, о Навои, и, подданного встретив,
кто бы он пи был, с ним до дна немедля выпей чашу.

* * *

Расставаний пылью небо осыпает нас не скупю.
Проходи быстрее по свету, ненадежен старый купол.

Эти точки звезд на черном — только след когтей дракона:
ядовитым мраком смерти он вселенную окутал.

Да и что такое небо? Дом вверх дном!
Как жить покойно в этом доме, где строитель пол и крышу перепутал?

Зерна звезд трет жернов солнца, чтоб луны испечь лепешку.
Так и мы — единым хлебом живы в глиняных закутах!

Знай же: этот свод лазурный — лишь пузырь на море мира.
Эта вера в прочность неба, этот ложный пыл — откуда?

Навои, не лгут лишь мертвым в этом мире лицемерья!
Если лжи не хочешь слушать, страх отринь и яд откупорь...

* * *

Клянусь, что больше о любви я не скажу ни слова,

не оскверню язык пера названьем чувства злого.

Не подпаду под власть очей, что всех людей чаруют,
и на влекущее лицо вовек не гляну снова.

И ересь страсти не введу в покои благочестья,
не дам языческой мечте священного покрова.

И ночь за ночью не пойду искать свиданья с чашей,
хмельное сердце бичевать всей памятью былого.

Но если все же, на беду, я мужество утрачу,
то жадным сплетням не отдам желанного улова!

И от вина и от любви, о шейх, я отрешаюсь — но сам!
Твой тут ни при чем ни речь, ни взор суровый.

Насильно душу не зажжешь, хоть будь ты шахом веры,
связав, не втащишь в ад иль рай пи черта, ни святого.

За чей-то счет, о Навои ты не вкусишь блаженства...
Хоть в том, чтоб жаждать лучших дней,— нет ничего дурного.

* * *

Превосходная погода! И бутыль полным-полпа, брат.
Опрокинем наши кубки, надо выпить их до дна, брат.

А допив, опять наполним, уж такое это дело,
потому что нет на свете ничего важней вина, брат.

На меня ты не равняйся, пить нам поровну не стоит —
ты свободен, мне ж забота на земле давно дана, брат.

Видишь, пью из круглой чаши — круглой, словно свод небесный?
Твой же кубок, словно серпик, словно юная луна, брат...

Все как надо: ведь печалью я бы мог наполнить небо!

Утопить ее мне надо, утопить ее сполна, брат...

Наш напиток так прозрачен, так он в горло льется славно,
только мне-то, чтоб забыться, гуща винная нужна, брат!

Это время так жестоко, бессердечны люди эти.
То, что я тоскою болен — не моя, поверь, вина, брат...

Если ты ко мне питаешь не любовь, а хоть бы жалость,
пусть аллах тебе подарит золотые времена, брат!

Навои, беги из мира! Но и в бегстве спутник нужен..
Что же есть у нас покуда? Чаша винная одна, брат...

* * *

Как разрушила сердце разлука, разорила надежды жилище,
только тот и поймет, кто бывшее в безымянных развалинах ищет.

Ах, лишь тот до конца и постигнет моего одиночества цену,
кто не раз принимал за любимых тени ветра на пепелище.

Только те, что лишились навеки света окон, и дома, и сада,
знают тьму этой ночи бездомной, где лишь ветер безудержный рыщет.

Как айван мой разрушило небо и лачугу мою разметало,
расспроси у скитальцев, что плачут без надежды, и друга, и пиши...

Ты, в разлуке е луной ханаанской мне читающий стих
о терпенье, их тебе небеса ниспослало — этих строк утешительных
тыщи!

Ты твердишь мне: «На небо надейся!..» Но покуда возвращается небо,
пусть и чаша по кругу проходит, ибо дней обнажается днище!

Небо к любящим милосердно. Навои же влюблённый — в опале!
Да, я к ним не причтен, хоть и нету страсти в мире жесточе и чище!

* * *

Друзей здесь нет! Признай, о лживый свет...
А если есть — так верности в них нет...

Удел мой — одиночества темница,
а для живущих — больших нету бед.

Глаза мои так чисто кровь омыла,
что сам зрачок в них весь сошел на нет.

Горю горя стало это сердце,
кровь ран моих — тюльпанов горных цвет.

Мой дух и дом — вот родина страданья!
Кто путь к ней ищет — здесь найдет ответ.

Пускай кабак послужит мне Каабой —
там и святой спешит гулякам вслед!

О Навои, ты соловей без розы:
нет песен там, где меркнет веры свет...

* * *

Просветли мой взор безумный пылью с этого порога,
иль из пыли пластырь сделай, боль в груди утешь немного.

Я забыть ее не в силах, как она меня забыла,
от пустых увещеваний жгучей рапе мало прока.

Кроме черт ее и стана, все исчезло, дымом стало...
Этой розы с кипарисом не сулит мне воля рока!

Сколько раз разлуки горечь в кубке страсти подносила —
напоила б хоть однажды поцелуя сладким соком!

Разум — средство ль от безумья? Иль в безверье лекарь — вера?

Раб, я только цени жажду — цепи кос моей жестокой...

Меч луны рассек мне сердце. О, прости мне эту слабость:
вновь взойти она сулила — и покорно жду я срока!

Как газель моя пуглива! Что за лань ее вскормила?
Разрывает цепь созвучий, на строку косится строга...

Будь таким и ты, о сердце, сторонись мирского плена
или кровь глотай, неправдой жизни ранено глубоко.

О, забудьте, люди мира, Навои — раба разлуки,
стал он облаком пред солнцем, в небесах его дорога...

* * *

Хоть розы — радость нежных глаз, душа в крови ежеминутно:
шипы, вонзаясь сотни раз, язвят ее ежеминутно.

Как сердце немощно... Друзья, следите за моим недугом:
теряю силы, что ни час, конец грозит ежеминутно.

Таким я стал, что жалкий вид в любом рождает состраданье,
и слез поток у всех у вас бежит из глаз ежеминутно.

В руинах собственной любви живу еще, но смерть нависла:
кусок стены, что рок припас, грозит упасть ежеминутно.

И так я слабостью распят, но этих черт жестокий образ,
в мозгу вставая без прикрас, лишает сил ежеминутно.

Нет дива, трезвенники, в том, что множится мое безумье:
мой взор, покуда не угас, к ней тянется ежеминутно.

Пьяняще этих губ вино: лишь ветерком от них потянет
и сотни трезвых в пьяный пляс пускаются ежеминутно.

Тетрадь, лохмотья — весь мой скарб... Но зря даешь, виноторговец

выталкивать меня приказ из майхоны ежеминутно.

Не зря гранитный град небес меня у стен ее застанет:
к ее порогу торопясь, спешу сюда ежеминутно.

О Навои, пока ты здесь, с людьми,— живи в ладу с душою,
хоть черствость мира ранит нас и губит нас ежеминутно.

* * *

Мне в час, когда блеснет звезда,— на ум луна приходит,
а в час луны манит мечта: светило дня восходит.

Когда в ковше моем вода, на шее плащ от шейха —
та чаша пира, что пуста, на память мне приходит.

Смотри: с вином в мой скорбный дом спешит моя шалунья.
Поверь, не время для поста, когда она приходит!

Хоть милости она полна — на желтый лик не глянет,
где след от слез, как борозда, полями щек проходит...

О мука! Стоит вспомнить мне ее прикосновение -
и жгучим ветром на уста неожиданный вздох приходит.

Иду в пески небытия — немой двойник Меджнуна,
и там ступаю неспроста, где след его проходит...

О Навои, сияньем глаз укрась свое жилище.
И впрямь: подходит час, когда любимая приходит!

* * *

Мне суждены скитания, и знание
всей меры бед, и горькое изгнание,

Прощание с друзьями и страной...
Зато с бедою — новые свиданья!

Но что тебе? — ты в зеркало глядишь
а жаждешь вновь ненужного признанья.

Смотри ж, о шах в стране моей любви:
жду от тебя, как нищий, подаянья...

Родит измену верность в наши дни.
Наполнить чашу — лучшее деянье!

Мне сто неправд грозят
и все они в святейшем одеянье.

Грей среди пьяниц душу, Навои;
так набожное черство воздержанье...

* * *

Горит свеча любви, и тает воском тело,
и — бабочкой душа иль искрой полетела?

Легендой сделалась моей разлуки ночь
и черным жемчугом на сердце отвердела.

Другой тебя воспел в руинах грез моих,
моя же смолкла песнь, и горечь онемела.

А сердце от тоски твердеет, как гранат,
и каждым зернышком излиться бы хотело.

О, где ты? Ветерок, скользящий вдоль домов,
шепнет ли о тебе мечте осиротелой?

Иль месяц, страж ночной, согнувшись, как старик,
крадется за тобой, касается несмело?

Где отыскать приют, не знает Навои,
его подруга — боль, кров — небо без предела.

МУКИМИ

* * *

Я тот, кто в пламени любви давно сгорел дотла,
я прах, который со двора не вымела метла.
Я только слава давних дел, затмившая дела,
не конь, а ветер от коня, студящий удила,
не ветер — воля, что себя стреножить не дала...

Увы, украли мой покой несчетные враги,
в душе сожженной и нагой дотлели угольки,
тебе же весь разор такой и видеть не с руки,
а голос нем перед тобой и муки, и тоски,
я слаб, к чему тебе, благой, такие простаки?..

В исканьях вечных жизнь прошла — то правды, то любви,
но от судьбы я не ушел, безжалостной с людьми.
Ни крова нет, ни мира нет, ни хлеба нет, пойми,
и вот стоит, склонив главу, усталый Мукими —
твой раб стоит, твой сын стоит, прими его, прими...

ХАМЗА

ПЕСНЯ МАХМУДЫ

Первым взглядом своим ты безумье вселила в меня,
опалила огнем,
как вино, веселила меня.
Клятвой верности вечной сперва
подарила мне рай,
а потом, изменив,
в черный ад поселила меня.
Я не знаю, была ли за мною какая вина?
Клевета ли соперников
так сокрушила меня?
Я твержу себе часто:
«Да будь же ты смелым хоть раз» —
и спроси ее: «Счастья
за что ты лишила меня?»
Сбрось обузу молитвы, налей себе чашу бузы;
пей лишь с храбрым,
на труса не тратя хмельною огня!

ГАФУР ГУЛЯМ

* * *

Я уходил от песен и любви,
свой прошлый путь
припоминая трезво.
Я уходил от песен и любви,
все беспокойства
как ножом отрезав.
День впереди лежал, горяч и прян,
без бурь,
и грез,
и сложностей подспудных.
Путь впереди бежал, как рельсы, прям,
без помыслов и замыслов беспутных.
Я шел и вел победу в поводу,
нам под ноги
сама легла дорога...
Но где-то вдруг, у финиша в виду,
меня нашла извечная тревога.
И то ли даль причиной, то ли боль —
тень облака на солнечной дороге —
меня настигли песни и любовь
нежданно
на последнем повороте...
Стоит жара.
Опять стоит жара.
На клумбах розы
вянут,
вянут,
вянут...
Но схлынул жар,
прохлада ожила —
смотри: они во всей красе воспрянут!
А в сущности, уже ведь прожит день...
И не цвести —
к земле клониться надо.

Но от стены ложится наземь тень,
и в ней — итог,
и ясность,
и награда.
И розы к тени тянутся,
и в ней
их светлый контур обозначен резче,
и кажется — слышнее и сильнее
в тени
благоуханные их речи.
А где-то уж отворены врата,
но, отдыхая под ночным дыханьем,
они, пока сгустится темнота,
еще подарят мир
благоуханьем...

ГОДЫ

Очень разными были годы,
мне отпущенные так щедро.
Возвышались они, как горы,
пли прятались,
как ущелья;
были жадны и были бедны,
были пышны и были голы,
обступали меня, как беды,
вызволяли меня
из горя...
Очень разными были люди.
Сколько в жизни их было,
сколько
провожавших меня от люльки
до моей стариковской койки!
Хорошо, что я все же дожил —
завелась за душой монета,
ибо столько я людям должен,
столько должен —

и счета нету!
В дымке дали, за слоем пыли
тонут контуры,
гаснут речи...
Но спасибо за то, что были
и что вспомнить вас сердцу —
есть чем!

* * *

Снова девушки где-то запели,
вышел месяц
на темный порог.
Вдохновенье, капризная пери,
обмакни мне в чернила перо!
Подскажи мне слова дорогие,
чтоб не память,
что зла и слаба,—
чтоб сердца затвердили другие
эти лучшие в мире
слова.
Ночь сверкнула слезою падучей,
развернулась звезда, как строка.
Рыжий месяц сражается с тучей,
подымая ее
на рога.
Вдохновенье, капризная пери,
подскажи мне такие слова,
чтобы вечно их
девушки пели,
голос счастья слышав едва.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

В прах земной дано нам превратиться.
Но когда настанет этот час,

жизни празднество не прекратится,
как бы ни оплакивали пас.
И когда в постели я застыну
в смертном искупительном поту
пли,
болью яростной застигнут,
где-нибудь на камни упаду —
неизбежность не зови несчастьем,
попусту слезами не части,
не снимай с холодного запястья
все еще идущие
часы.

Кажутся безжалостными вещи,
мирно продолжающие жить.
Кажутся безжалостными вехи,
мерно отмеряющие путь.

И в молчанье тикает смешливо,
не боясь, что кончится завод,
времени послушная машина —
кладбище
и кладезь всех забот.

Но подумай: он не нами начат,
этот мир,
родившийся из тьмы,
Время продолжается —
и, значит,
в чем-то продолжаемся и мы.
Не кляни оставшиеся вещи
в этот некончающийся миг:
сделанное нами — долговечней
и куда моложе нас самих.

* * *

Я отдал жизнь не званьям,
не чинам,
и не уйду в безмолвие,

покамест
то зданье,
что с народом начинал,
грядущему
свой облик не покажет.
Я с ней уйду в безмолвие,
пока
для этих плеч
еще осталась ноша,
и — рядовой
бессмертного полка —
я буду жив,
покуда
буду
нужен!

НИЧЬЯ

И с пошлостью, и с подлостью людской
сражаюсь я за шахматной доской.
Не кровь из ран — тупая боль в висках.
Зато войска — бессмертные войска!
Не гром угроз, не восклицаний медь:
мой ум бессонный —
мой разящий меч...
Браги мои упорны и сильны:
коварства кони, тупости слоны.
Их лозунг — ложь, их знамя — белый флаг,
Я бью их в лоб,
они меня — во фланг.
Я не боюсь, ведь я не тех кровей,
но
жду их справа — а они левей!
Рассыпались — и вновь они в бою...
Своей считают
партию мою!
Мне говорят: «Послушай, не срамись,

Ну, что тебе? Иди па компромисс.
Ты только посмотри, какая рать!
Ну, разве их тебе переиграть? Что за беда,
коль путь чуть-чуть кривей?..»
Нет, не умею. Я не тех кровей!
Через поля надежды и тоски
пройду я из конца в конец доски,
промучусь дни и недосплю ночей,
но партии
не кончу я ничьей.
Страшней, чем это,
нету
в мире зла:
на «Чья взяла?»
ответ «Ничья взяла!»
Пускай, кто хочет, сводит жизнь к нытью.
Пускай, кто хочет, сводит жизнь
вничью,
Я не пожму руки у подлеца.
Я осужден сражаться
до конца!
Мне говорят, мне снова говорят:
«А что в конце? Ничейный результат...»
Мне говорят, что буду я — не я,
когда придет
последняя ничья...
Но я в лицо ей крикну, что она
лишь издали
всесильна и страшна.
И я скажу ей: «Вот мой прах земной,
а все-таки
ты зря пришла за мной!
Я не терпел бахвальства и нытья,
и я не твой,
Великая Ничья...»

УТРО

Плывет дымок над низкими домами.
Уходит ночь, оставив влажный след.
Звезда едва истаяла в тумане,
заря венчает
пепельный рассвет.
Конь вороной стреножен и обуздан,
в ночных полях он нагулялся всласть.
И свежестью и алостью арбузной
заря по краю неба разлилась.
Родятся тени, протянувшись длинно.
Неузнанный,
в них где-то спрятан зной.
Седая не по возрасту долина
манит к себе неясной белизной.
Ткет солнце осторожными руками
свой белый день,
а пряжу прядл восток.
И тянутся лучи, основа ткани,
и белые поля,
ее уток...

ХУРДЖУН

Жизнь — не ровная нитка на веретене,
не бесстрастное в небе паренье.
Время жизни — хурджун на верблюжьей спине,
пополам поделенное время.
Над загадкой
недаром трудились умы.
Ты, в седле восседающий,
ведай:
наше прошлое — в той половине сумы,
а грядущее наше —
вот в этой.
Настоящему
места в суме не найти...

Половины меняются в весе.
Берегись: и в конце, и в начале пути
тяжело сохранять равновесье.
Не дано
настоящее взвесить весам.
Так уж есть это — любо ль, не любо.
Но пойми:
настоящее — это ты сам!
Это ты
погоняешь верблюда.

БАЛЛАДА О КАЗНИ

К пятиглавой горе над площадкой песчаной
на печальное тучи спешили прощанье.
Там жестокая казнь завершилась поспешно:
наступили на горло
прекраснейшей песне!
И гремела гроза над площадкою скромной,
и гремели, срываясь,
обвалы по склонам.
А убитый лежал под начавшимся ливнем,
незачеркнутый
тысячью мчавшихся линий,
и лежал он, оторван от жизни несладкой,
с той,
у губ сохранившейся,
горькою складкой...
А гроза бушевала. Летели депеши:
долгожданная казнь завершилась успешно!
Но в поспешности этой убийцы забыли,
что убили поэта — стихи не убили,
и забыли,
что песня достанется струнам,
что убитый — навеки останется юным!
Песни смерть не коснется. Вина — не скостится.
Палачи, ваша доля — казнить

и казнить!

А стихи ио земным разойдутся дорогам,
п сердца перед ними несметные дрогнут,
и к песчаной площадке тропа проторится,
и на сотнях наречий строфа повторится,
и бесчисленным песня достанется струнам!

И убитый

навеки останется юным...

СТРАДА НА ИСХОДЕ

Страда на исходе. Однако
по-прежнему осень строга.
В предвестии зимнего знака
торопит обозы страда.
Все смолкло — как в штиль перед бурей.
И пестрым расцветкам вослед
один воцаряется —
бурый
земли отдыхающей цвет.
Почет победителям воздан.
Прозрачны поля и пусты.
Сложившим оружие войском
стоят на них хлопка кусты.
Не просят ни солнца, ни влаги
за ратный
немерянный труд.
Последние белые флаги
лоскутьями где-то мелькнут.
Страда на исходе!..
Но где-то,
посевам дорогу торя,
зачинщики новой победы,
идут на поля трактора.
Им ясно, что в песне победа ей
конца настоящего нет, пока не опустится
белый

зимы торжествующей цвет.
Страда на исходе. И все же
с повестки еще не снята.
Дорогами и бездорожьем
по-прежнему правит страда.

* * *

Песни народной стенанья, и боль,
и задыханья, и вскрики...
Все боли, что были до нас с тобой,
в ней непостижно скрыты.
Блеснет драгоценно пословицы смысл —
крупинка в море песчаном...
Л тысячи судеб просеял и смысл
времени ток беспечальный.
Слово — страж,
разрушитель от уз,
друг — или враг коварный...
Тысячи тысяч страждущих уст
веками его ковали.
И лишь потому той песни звук
в нас отзовется болью,
что сотни сердец из мрака зовут
их горькой упиться любовью.
И лишь потому сомнения тьму
порой рассеет присловье,
что сотни сердец подмогут ему
правду рассорить с ложью.
И лишь потому твои слова
к людям доходят в силе,
что до тебя их в муках сперва
тысячи произносили.

* * *

Как шелуха, слетают ложь и зависть,
трамвай уходит,
где забот битком,
когда во мне таинственная завязь
опять,
опять становится цветком.
И все равно, темнеет иль светает
и — сотенная иль пятак в горсти,
когда во мне неожиданно расцветает,
чему потом
над временем цвести.

САД

Просыпается под вечер сад,
подремавший весь день в отдаленье.
Тянет тени навстречу —
и сам
мне свои представляет деревья.
Я гляжу на громадный чинар
и считаю года его тщетно.
Он таким же, как я, начинал,
только как же он
вымахал щедро!
Возраст тополя старше, чем мой,
но растет он, не дряхл, не увечен,
аистиною тонкой чалмой,
словно праведник некий, увенчан.
И деревья стоят на смотру,
возвратясь из полуденной Мекки,
а жара выплавляет смолу
из разохшейся старой скамейки.
Как ее древесина смогла
столько лет
сохранять свои соки!.,
Вот и старая грусть, как смола,
выступает из сердца на солнце.

Но теперь, в поколеньи втором,
чувства старые ясны и строги,
Застывают они янтарем,
превращаясь в прозрачные строки.
Не спешите ж предать их суду,
если старое сердце солгало
и, тоскуя в вечернем саду,
утешенья пустого взалкало...

* * *

Цветок опавший превратится в плод.
Упавший плод оставит в мире семя.
Всесильна жизнь! Но настигает время
тех, кто замыслил круговой поход.

Забудь слова, что в сердце ранят нас.
Живи один, безмолвно и покорно.
Пусть без тебя рождают всходы зерна
и снова снег скрывает их от глаз.

Живи один — и ты умрешь один.
Ты весь умрешь, и тень не сохранится,
и не оставит пыльная страница
следа твоих кудрей или седин.

И не метнут стрелу, как лук тугой,
уста, что о тебе сказать могли бы.
И ввек не осенит твоей могилы
то дерево, что посадил другой.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДРУГЕ

Хамиду Алимджану

Опять стоит ночная тишина,

и в тишине я вспоминаю снова
тебя, веселого и молодого,
и нашей молодости времена.

Луны катился древний самокат,
и мы стояли, точно дав обеты,
перед великой башней Улугбека —
и ночь дарила древний Самарканд.

Нам так о многом думалось тогда,
но в тишине казалось лишним слово,
и мы друг друга понимали, словно
нам мысль прочесть не стоило труда.

О, где ты, где ты, мой старинный друг?
Как полземли, легла в ночи разлука.
Я твоего вчера увидел внука —
и точно время выронил из рук...

Да, нам о многом думалось тогда —
и верь, Хамид, мы многое свершили!
И все-таки смотрю я не с вершины,
а снизу вверх на юные года.

Что делать, брат?
Пора сознаться в том, что есть предел
крылатым упованиям.
Шагаем верх, и где-то перевалим,
а там уже и под, гору идем...

Ты не изведаль странной правды той.
Не знаешь ты, что это значит — старость.
Тебе навечно молодость осталась
с ее недостижимой высотой.

И ты оттуда все глядишь на нас —
так, словно бы и требуешь, и просишь.
И хоть вовек упрека нам не бросишь —

его как будто держишь про запас.

Что делать, брат мой?.. Но зато, взгляни,
вокруг теснится молодость другая —
творя, и восхищаясь, и ругая,
как то и суждено ей Искони.

О, эта свежесть замыслов и слов!
Все выполнить и все задумать снова,
И время повторяется, как слово,
и сны кипят, и жизнь — превыше снов...

Как нам когда-то, все-то им с руки!
Простим случайные пренебреженья.
О брат мой, это наше продолженье —
мои, да и твои ученики!..
Им дарит ночи новый Самарканд,
но так же полон обещаньем воздух,
и, как для нас когда-то, мчится в звездах
луны неугомонный самокат.

И вновь бредет нам миром тишина
великая, бессонная, немая,
предчувствуя, провидя, принимая,
как женщина, грядущим тяжела...

* * *

Ты — как слово.
Как ветер.
Как ветвь,
протянувшаяся под ветром.
Я держу пред тобою ответ
и сознаться боюсь себе в этом.

Мне б стоять и стоять на ветру
в беспричинной и радостной вере.

Но едва его в доме запру —
умирает его дуновенье.

После бурь выпрямляется сад —
ветвь, что сломана, не разогнется.
Я беру мое слово назад —
да оно уж ко мне не вернется.

* * *

Оцени, осени меня, осень,
я по праву и возрасту твой.
Я из тех, кто дарует колосьям
превосходство над сорной травой.

Я пешком прошагал по дорогам
и, минуя последнюю треть,
ожидая от жизни немного:
ясным взором ее досмотреть.

Пожелтела вода по арыкам,
и земле воздают за труды
щедрым золотом в купах урюка,
серебром скуповатым джиды.

Мне бы тоже иного не надо,
и за труд неизмеренный мой
я хотел бы такой же награды,
когда стану вот этой землей.

АХ, НЕ ПЛАЧЬ, МОЕ СЕРДЦЕ

Ах, не плачь, мое сердце, над теми,
кто ушел под цветы, под траву.
Снова солнце в зеленое темя
поцелует чинара листву.

Не с того ль ты все помнишь о том же,
не затем ли печаль нам дана,
что с тобой нам когда-нибудь
Тоже эта доля и даль суждена?

О, какие далекие дали
между нами и ними легли
в ту минуту, когда насыпали
мы на них эти метры земли!

Эти метры, не знавшие меры,
расстояния в целую жизнь,
эти тяжкие камни — приметы,
что под ними ничто не лежит...

Ах, я знаю, не в том и беда ведь,
что слезами любовь полита
и что горе нас камнем придавит,
словно свежую земли — плита.

Мы клянемся, что будет сквозь годы
так же эта минута видна,
только память уходит, уходит,
как из мертвых арыков вода.

Не забвеньё и не примиреньё —
их от нас отделяет, живых,
точно горы — обычное время,
что прожить мы успели без них.

Имена превращаются в тени,
над могилами косят траву,
и во сне лишь мы плачем над теми,
кто так дорог нам был наяву.

И опять вспоминаем о том же,
и печаль потому нам дана

что когда-нибудь, где-нибудь
эта доля и нам суждена.

* * *

Месяц молодой, мой старый друг,
вот и вновь мы встретились с гобой.
Кто-то звезды выронил из рук
в белый дым над черною трубой.
Захлебнулась сонная вода,
сонный перепел умолк в кустах.
Все, как было в давние года.
Все и так — и словно бы не так,
Старый тополь стонет над водой.
И деревьям старость тяжела.
Ствол гудит, как черный ствол пустой,
закипает в листьях тишина.
Так листвы обильно серебро,
что его хватило б
на двоих!..
Видно, взяли у него ребро,
никого взамен
не сотворив..
Месяц молодой, мой старый друг,
вновь ты поднял тонкие рога,
как козленок выбежав на луг,
где паслись седые облака.
Ты ныряешь в воду — и у ног
вдруг
на миг
становишься похож
то ль на чей-то брошенный клинок,
то ль на кем-то выроненный ковш.
Вот блеснул,
пропал,
ушел на дно
в темную лекарственную муть.

Только выплывать тебе дано,
ибо ты не можешь утонуть.
Сколько встреч мы помним и разлук
был я мальчик, стал старик седой,
месяц молодой, мой старый друг,
старый друг мой, месяц молодой...

* * *

Эти песни не хотят на пенсию,
в толчею собраний сочинений,
под опеку дошлых комментариев,
вынюхать способных
все на свете;
эти песни не хотят на пенсию —
есть у них еще глаза и руки,
и еще живет между лопатками
холодящий ветерок полета.
Эти песни не хотят на пенсию —
им еще работать
и работать...

* * *

А женщина похожа на луну.
Так нам твердили много сотен лет,
что мы в плену иллюзии, в плену,
которому конца и края нет,
а женщина похожа на луну,
и свет ее — земной,
заемный свет.
О луноликая моя, клян
всю ложь, которой верил столько лет!
И сызнова я к памяти прильну,
как паранджу, сорву с нее запрет,
и свет пролью на истину одну:

мы дни проводим рядом,
день ко дню,
и лишь когда идет наш день ко дну,
мы видим, кто
земной нам дарит свет!..
Пускай предмет походит на предмет,
но, образом однажды становясь,
он в мире откровений и примет
иную устанавливает связь.
Лгала, лгала нам древних строчек вязь!
О нет, моя обиженная, нет,
ты вовсе не похожа на луну!..
Я видел фотографию одну:
там след веков — как равнодушья след,
в красе там нет тепла — там жизни нет
И как же смел я верить столько лет,
что ты, любовь, похожа на луну!
Прости меня, я долго жил в плену
нам лгущих преднамеренно примет..
Прости меня: я был рожден в плену,
которого для вновь рожденных — нет.

ЧАСЫ СТУЧАТ

Вторглось время в жилище мое.
Как сердечник —
в цеху и за чаем —
вечно чувствует сердце свое,
так я времени ход
замечаю.
Честны чувства, и мысли чисты,
но, минуты упрямо считая,
все стучат в моем доме часы,
приговор безымянный читая.
В пору спелых янтарных кистей,
зим,
раскинувших снежные сети;

среди комнаты, полной гостей;
в опустелом моем кабинете;
за вечерней возне внучат;
за дневной суетой телефонной —
чуть задумаюсь, слышу: стучат! —
отбивают
секунд перегоны.

Ни на день не замрут, ни на час,
не боясь ни жары, пи озноба.
Засыпаю — и слышу: стучат!
Просыпаюсь — и слышу их снова.
В шуме полдня, в полночной тиши
в них одна неизменная нота.
«Поспеси, говорят, поспеси,
нам стучать остается
немного...»

Срок заложен в железном мозгу,
Это век мой
уходит из дому.
Удержать я его не могу,
лишь заполнить могу по-другому.
Как ни тщись, как ни морщи чело,
как умело ни строй предложенье —
удержать не дано ничего,
лишь поверить дано
в продолженье.

О часы, ну и пусть,
ну и пусть!
Не считайте,
что все сосчитали.
Долгий путь позади,
добрый путь,
и его
не измерить часами.

И на этой равнине земной,
где так трудно дорога торится,
все, что прожито, пройдено мной,
хоть продолжится — не повторится.

Ибо, рад я тому иль не рад,
но за истину эту в ответе:
я живу только раз, только раз,
но зато
и один я вовеки!
Пусть без счета блещут имена —
сабли, выхваченные из ножен:
был неполон бы мир без меня —
невозможен...
Так пускай, не колдуя с числом,
если чьи-то исчерпаны сроки,
переводятся стрелки часов,
точно стрелки
железной дороги.
Пусть извечная длится езда,
поглядим на нее беспристрастно.
Мы сойдем... но идут поезда
через время,
как через пространство.
И когда от свобод и от пут
я уйду в притяжение земное,
добрый путь, я скажу,
долгий путь
всем,
в дороге оставленным мною!

УЧЕНОМУ ПРИЯТЕЛЮ

Ты встречался с нами нередко
и говаривал неспроста:
«У Мешхедского минарета
вся обязанность —
красота!»
Что рассказывал ты,
о чем нам?
Речь текла твоя, как ручей.
«Цель учености — быть ученым!» —

вот был смысл твоих речей.
Ты в какой-то блистал пляеде,
чем-то славился, может быть,
но заслуги твои, приятель,
мы успели перезабыть.
Позабыли и взгляд твой вещей,
важность в голосе и в руке...
Точно так забывают вещи,
в старом сложенном сундуке.
Ибо память

 не купишь саном —
гордый нрав у нее и злой.
Расстиляется бекасамом
на воде

 керосинный слой,
но подует недолгий ветер,
чуть подымет волну вода —
и от пышных расцветок этих
не останется и следа.
Я не знаю, ты ждал того ли,
откровенно гордясь собой,
только вряд ли б ты был доволен
незавидной такой судьбой.
А чего же и ждать иного?
Есть у жизни свой потолок.
Не воротится к людям снова
тот,

 кто воду в ступе толоч.
Если попусту жизнь минует —
кто поверит ей, что была?
Ну а прожитая минута —
пуля, выпущенная из ствола.
Дешев воздух, которым дышишь.
Только видел я на веку:
вянут розы

 покуда пишешь
предисловие к цветнику.
В нас свой опыт

народ посеял.
Так пускай теперь в свой черед,
точно малые зерна в землю,
наши знанья идут в народ.
Мы — точильщики
вечных лезвий!
Нам подсказано неспроста:
«Смысл знания — быть полезным.
Знак величия — простота».

* * *

Как два магнита в тягостной войне,
две сущности
сражаются во мне.
И каждая
всего меня манит,
как эту сталь звенящую —
магнит...
Добро, и зло,
и влага, и огонь,
жар беспокойства, ледяной покой.
То свет зовет,
то даль и темнота...
Та сторона права?
А может, та?..
Я не привык на жизнь мою пенять,
и все ж норой
непросто мне понять:
в чем суть моя,
и мощь моя,
и честь?
Себя —
какого должен предпочесть?.,
А между тем — то стыну, то горю,
молчу при всех,
с собою говорю,

а червь — грызет (он слушает да ест
о господи, и как не надоест?)...
Я думаю:
а может, был бы прок,
когда б я просто
стал хорош иль плох —
то ль дьяволом (господь меня прости!),
то ль чистым херувимом во плоти.
Вязал бы, знай, одну и ту же вязь —
и жил бы, сам в себе остановись...
Нет, не по мне подобное житье!
Да здравствует сомнение мое!..
Чтоб видеть свет —
и не со стороны,
я слил в себе две эти стороны.
В том суть моя, и мощь моя,
и честь —
мир воплощать,
какой он вправду есть!

В ГОРАХ

Горный ключ отмыкает мне сердце.
Глухо щелкает старый замок.
Подымается вверх по соседству
чуть заметный прозрачный дымок.
В старом платье своем некрикливом
вновь арчи принимают весну
и, лепясь по кривому обрыву,
выпрямляют его кривизну.
Стоит чуть отойти от машины —
и предстанет игрушкой она.
И величье и трудность вершины
только здесь
понимаешь сполна,
На тропинку я вышел — и вижу,
как наверх по ней дальше идти.

А в машине и впрямь уже
выше
не проделать и метра пути.
Ни колеса, ни слава, ни ссуды
не заменят усилий твоих.
Лишь одно ты и можешь отсюда —
на своих подыматься двоих.
Так целительно снега соседство,
высота непреклонная круч!
Н легко в мое старое сердце
входит горный пронзительный ключ...

* * *

Вечер тени стирает с окон.
Выйду в сумерки. В сад сойду.
Птица юности, ловчий сокол,
ожидает меня в саду.
Пахнет в воздухе дикой мятой.
Месяц в облаке потонул.
И кусты низки и косматы,
как киргизских коней табун.
От прохлады ли, оттого ли,
что сменяется зыбкость тьмой —
жаркой жаждою, хищной волей
наполняется голос мой.
Так и кажется, что от крика
дрогнут сумерки — и, маня,
там, за садом,
как степь, открыта,
вновь раскинется
жизнь моя... .
И стоят вдоль обочин вишни,
в белой пене цветов по грудь,
точно девушки в белом вышли
проводить меня в новый путь.
И у самых ли звезд, высоко ль,

иль у ветки, где тень крива, —
птица юности, ловчий сокол,
простирает свои крыла.

* * *

Нам тоже в чью-то память перейти,
Но Завтра есть у нас еще,
Покуда несделанное наше — впереди,
как некое отсроченное чудо.
Пока еще не отдана па слом
та кузница, где мы вздуваем пламя,
пока еще мы завтрашним числом,
а не вчерашним помечаем планы.
Нам тоже в чью-то память перейти
Пускай же нас грядущее оплавит,
чтобы всегда мы были впереди,
когда бы нас
ни воскресила память;
и, брэнное обличье потеряв,
страхнув его, как ношеное платье,
мы,
как скелеты черные дерев,
весной бы снова
облекались плотью.
Нам тоже в чью-то память перейти.
И что там в ней ни сгинет, ни потонет
еще мы друг для друга — впереди,
не торопись, мы встретимся, потомок!
Нам долгая обещана пора,
и эту власть спасают от сверженья
живущие на кончике пера
восторг и боль,
надежда и свершенье..

АЙБЕК

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Ты слышишь ли, мама?
Прошу у тебя, как награды,
хоть весточки малой,
хоть тайного, краткого взгляда.

И слез не унять мне,
и глаз не поднять от могилы.
Все дальше, невнятной,
все призрачней облик твой милый.

Без взора, и вздоха,
и света, и слова, и срока
лежишь одиноко....
О, как ты лежишь одиноко!

Над радостью давней
мои простираются руки.
Из ключев свиданий
халата не сшить для разлуки.

И пули молчанья
разят меня силою всею,
Мой голос прощальный
как лист облетает осенний.

И пятая осень
твой день отмечает ухода.
И падают оземь,
как листья засохшие, годы.

ВЕСНА

Снова мчится куда-то аллея,

две зеленых откинув косы.
Словно бешеной скачке оленя
повзрослевшие вторят кусты.

Как стремителен каждый идущий!..
Вопрошает и требует взгляд.
Горизонты,
и небо,
и тучи
позабытою волей манят.

Что ж такое творится со всеми?..
Это мы,
начиная с азов,
снова учимся слушать
весенний
непонятный и трепетный зов.

Это снова весна,
это снова
капля в каждой фиалке горит.
Не водою,
а жизни основой
оживающий полон арык.

* * *

Безымянная в сердце тревога,
окаянное пламя в крови.
Не гони ты меня, ради бога,
эту ловчую рать накорми.

Голубеет лоскутная просинь,
шапка нищая медью полна.
Желтым озером падает осень
в опостылевшие поля.

Вспоминаю, какой ты мне спилась,
жду, когда ты приснишься опять.
О, не лучше ли нищую милость
на безжалостный гон променять?

И, судьбу безраздумную птичью
обретая в пустыне полей,
стать последней отчаянной дичью
беззаконной охоты твоей.

ЗВЕЗДА ЛЕТИТ

А вечер снова взнудан жаждой счастья.
В пернатом сумраке летит звезда.
И тишина!.. Как будто все напасти
и не гостили в мире никогда.

Как будто в мире беды не бывали.
Звезда летит. Поля небес пусты.
Летит звезда, и в сумрачном провале
ее поймать пытаются кусты.

Так ожиданье сладко и тревожно.
Горит звезда. Густеет тишью темь.
И черный ствол, как сломанный треножник,
дрожит, держась за собственную тень.

Звезда сгорает в сумраке пернатом,
и дым листвы дыряв, как решето,
и длится миг, и что-то выбрать надо,
и страшно выбрать что-нибудь не то.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Хмуро, хмуро... Нигде не пройдешь,
чтобы вслед

пустота не смотрела.
Воробьи копошатся, как дождь,
в пересохшей листве побурелой.
Чует ветхое рубище дня
недалекие стужи уколы...
Ишачка снарядив,
ребятня
по дрова собирается
в горы.

ЛИСТОПАД

На земле ковер из листьев,
и меня, как этот сад,
повергает —
как ни злись я
в грусть и в холод
листопад.
Ах, постой!..
Постой со мною
у туманного стекла,
и на сердце станет вдвое
и Отваги и тепла.
Позабуду все, когда-то
сочиненное людьми,
все напрасные трактаты
о превратностях любви.
Посмеюсь над ними всеми,
навсегда
весельем рад
населить тот час осенний:
вечер,
ветер,
листопад...

* * *

Сколько раз повторить твое имя,
чтобы где-то, в сумятице дня,
мне твой след показали бы,
или
ты сама услышала меня?
Есть ли плата такая,
иль плаха —
все отдать или на смерть пойти
за одно невозможное благо:
чтобы наши скрестились пути!
За углом иль на дальней звезде лишь
взор твой разом пронзит суету?
Или больше вовек не посеешь
ты цветов
в моем жарком саду?

* * *

Сети полночи странны и нежны
кто их снова оставил висеть?
И опять нас, опять безнадежно
оплела эта нежная сеть.

По земле расстилаются тени,
и опутали землю сполна
страсти, света и веток сплетенья,
измышления листьев и сна.

Нас уносит потоком прощанья,
и легки, и бессильны слова,
и уходит, и просит прощенья
нас поймавшая полночь сама.

* * *

Снова в знойном саду моей думы,
как плоды, созревают слова.
Ждут, чтоб ветер нечаянный дунул,
ждут — и могут дождаться едва.

Нет, никак я к тебе не привыкну,
наших слившихся душ торжество.
О любовь, ты, как соки — травинку,
заполняешь мое естество.

Ты — как утро, что солнце впустило,
вытесняя постылую темь.
Ты — как туча, что среди пустыни
подарила прохладную тень.

Ты — как ночь, что росой приникла
к бедным веткам в горячем саду.
Ты — как ясная звездная книга,
и по ней я читаю судьбу.

АХ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Ах, ничто не забыто —
ни боль, ни любовь, ни забота.
Лишь калитка забита,
да птица в груди не забьется.

И не слышно шагов,
и не будет шагов у калитки.
Только шорох шелков
в тишине, темнотою налитой.

Ах, ничто не забыто —
и все же мы
вспомнить не в силах.
Та калитка забита,
и память нас кинула, сирых.

Там, где сердце болело
под кожей
горячею раной —
заросло, побелело...
Да вот — вспоминать еще рано.

* * *

Это лето милосердно:
в сини
облачка висят,
и седого полдня сено
огрести не в силах
сад.
Но напрасно дождь объявлен
и жара
не так плоха!
И в зеленом небе яблонь
яблоки — как облака.

ПОЛНОЧЬ

Полночь досыта звезд половила
и устала от долгой игры.
И печальной луны половина
прилегла на верхушке горы.

Где же блудная бродит планета,
по небесным петляя полям,
что, как лунное яблоко это,
нашу жизнь рассекла пополам?..

На какие вершины ни выйдем —
ни за далью и ни за горой,
Как вот эта луна, не увидим

мы своей половинки второй.

Только вечно мерещится рядом
та, что видеть во сне мы вольны —
как едва различимое взглядом
очертание полной луны...

* * *

Стих ветер;
звук шагов негромок.
В саду становится светлей.
Луны нечаянный обломок
плывет, качаясь, меж ветвей. .
Как платья, пали тени с веток.
Все кругло — в мире ни угла!
И ткань медлительного света,
как шелк,
предметы облекла.
И времени исчезли чары,
и так мне просто и светло,
как будто будет все сначала,
что было
или быть могло.

ОСЕНЬ

Целует землю листьев стая,
и, протянув уста кустам,
вся сада даль полупустая
долистывает свой дастан.

Чинары в реденьком халате,
уже не годном ни на что,
стоят, с рассвета скинув платье,
все вымокшее под дождем.

Земля зеленой жаждет крови
в предвиденьи нелегких дней,
и дерева без летних кровель
и ниже стали, и бедней.

И вижу я, бродя по кругу,
среди ранней сумеречной мглы,
как отделились друг от друга
листвы лишенные стволы.

И нас, воздвигших горделиво
свой кров над общею судьбой —
не так же ль осень отдалила
и разделила нас с тобой?..

ВЕЧЕР

Золотые озера заката
допивают сияние дня,
и тоскливая ночи загадка
обступает тенями меня.

Еще бледен простор небосвода,
еще птичьи не смолкли хвалы,
но черны загустевшие воды,
очертанья теряют холмы.

И теней островерхая чаща
все растет и растет впереди,
и какая-то нежная чаша
разбивается звонко в груди.

Словно слиты в прощании этом
я и день до последней слезы! —
я иду, а идущая следом
темнота выпивает следы...

В ГОРАХ

Гулких сосен мед и медь.
Добрый, душный запах хвои.
Ни заботы и ни хвори —
и достатка не иметь.

Навсегда уйти сюда,
словно вой из плена вышел.
Быть себя — не ближних выше:
только в этом высота.

Словно эта вот гора,
осеняющая тенью,
что дарит ручьи растениям,
а сама всегда гола.

ЛЕЙ, ЛИВЕНЬ

Лей за окнами, ливень осенний,
трогай струны
трагических лир.
Плачь над летом,
над жизнями всеми,
что немислимый пламень спалил.
Эти капли — как слезы вселенной
над руинами мертвых столиц.
И в саду
молчаливой сиреной
наше общее горе стоит.
Лей же, ливень, пока не подаришь
передышку пожару души,
и над пеплом недавних пожарищ
хоть ненадолго
горе туши.

ОТЦУ

Так этот бедный бугорок
и есть твоя могила —
все, что у роковых ворот
мне память отмолила?
Под этой горкой глины
весь
мой в детство путь,
и дальше!..
И — мертвых трав мертвее —
здесь
лежишь ты,
жизнь мне давший...
И где он силы собирал,
что, налетев по знаку,
все разом вывернул буран
мне душу наизнанку!
И одолела боль опять,
и гнев берет за горло,
и мне вовеки не понять
жестокое закона.
Смотрю на белый купол дня
и вопрошаю немо,
но ввысь
кругами
от меня,
как дым, уходит небо...

БАБОЧКА НА АСФАЛЬТЕ (маленькое происшествие)

Гибла площадь в огне саратана
под немолкнувший стон тормозов,
и над ней —

по случайности странной
этот нежный слышался зов.
Меж колес, кузовов и асфальта,
где от шин мостовая крива,
так невинно,
и страстно,
и свято
всплыли бабочки белой крыла.
Далеки от беды и победы,
как кружили ее кружева!..
Что ж погнало с лугов ее белых,
где она родилась и жила?
Ложный след улетевшей подруги?
Непонятная жажда чудес?..

Площадь двинулась в стоне и муке,
огонек
промелькнул и исчез.
Где ж ты дел ось, о легкое пламя,
безответная белая страсть,
что от свежих ветров над полями
в эту жаркую кинулась пасть?
То ли гарью тебя задушили, не успевши
и словом назвать,
то ли смяли тяжелые шины,
поглотил.
раскаленный асфальт?
Или мощь городская бессильна
погасить этот брачный полет,
и в чаду нестерпимом бензина
все летишь ты,
седой мотылок?

БЕССОННИЦА

Осенней бессонницы гнет.
Дыханье сдержу - и услышу,

как ночь навалилась
и гнет
всей тяжестью
низкую крышу.

И садик вздыхает, как вол.
И ответ в невидимых гранях.
И ветер — неопытный вор —
влезает в пустой виноградник.

Бредет среди мертвых плетей —
и щелкает плетью, не в духе...
Над призраками лошадей
стоят деревянные дуги.

И смысл разъедает слова,
и где-то поблизости, тут же,
как блюдо пустое, луна
стоит на разостланной туче.

* * *

Все тебе — мои ночи и взоры.
Где вы, очи, по ком горевал?
Заслонили вас белые горы,
завалили снега перевал.

Время тянется трудно и длинно,
и разлуку прервать не пора,
и над нежной надежды долиной
дышит холодом горя гора.

Ах, пробейся сквозь непогодь где-то
невозможной звездой у виска —
раньше снега
и раньше победы,
что над снегом одержит весна.

ТЮЛЬПАНЫ

Опять весна в холмы упала,
и землю в зелень облекли,
и вы мигнули мне, тюльпаны,
как маленькие маяки.

Опять тропинка под ногою
уводит в дальние луга,
и в отдаленьи тают горы,
как скошенные облака.

А день покуда не разведан,
слоится утро, как слюда,
и солнце медленным рассветом
за мной восходит по следам.

И луг, костром широким прянув,
подстерегает мой приход,
и алым отблеском тюльпанов
окрашен ласковый восход.

* * *

Поздний ветер заплакал в печали,
и за речкой, на той стороне,
так протяжно и долго кричали
голоса, неизвестные мне.

И покуда поры дожидался
или силы примеривал дождь,
старый тополь, как башня, шатался
и листвы не удерживал дрожь.

Глухо рушились неба обвалы,

и простор прикасался к лицу,
на ступень высоты небывалой
вознося золотую листву...

* * *

Огонь погас, остался лета жар,
но милости последние природы
год за долги у лета удержал,
и их сочли на пальцах счетоводы.

Повисла неба праздная пола,
в пустом саду просторно, словно в зале.
«Тепла не жди, такая уж пора», —
со вздохом мне садовники сказали.

И вправду:
тишь и дымка среди дня.
Не слышно птиц, и целый день без дела
гонявшая их шумно малышня:
ведро в саду на ветке — онемело...

В листве какой-то новый разговор
и чья-то речь, понятная не очень.
Прядь рыжая,
косящий хмурый взор...
Кто б это был?
Да это осень. Осень!..

ПАМЯТИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Все мне кажется: день уберет
дымку памяти
с летнего часа,
и на давний порожний порог
выйдет женщина та

величаво.

Точно трудная ей задана —
но по силам задача
И четко
и ревниво блестит седина
в ее гладкой и черной прическе.
Солнце низится за горизонт,
полнит тысячи глиняных оспин.
Как крыло стрекозиное,
зонт
пропускает малиновый отсвет.
Ей, идущей, далеко видна
вся в тенях тополиных дорога.
В истомленном арыке вода
пробирается в тень понемногу.
А ташкентское лето кипит,
перепутав наречья и лица,
и ПОД цоканьем частым копыт
мостовая горит и дымится.
Но встают перед женщиной гой
на экране духовного зренья
и город пустой —
весь немыслимый ад разоренья.
Горе горькое в гору свали —
и под всеми завалами теми
ты не сыщешь уже,
где — свои,
где — отчизны скорбящей потери.
Но осанка идущей — стройна,
крылья шарфа недвижны косые.
Полной мерой дала ей страна
горя,
мужества,
веры России.
Вижу я, в отделены! глухом,
как черты ее чутки и строги;
в золотящихся струях
Анхор

золотые ей жалуется игроки...

* * *

Нет предела мечте — как и небу.
Мир, как море, не ведает дна.
И разгадки единственной нету
тайне той.
что нам с жизнью дана.
Надо жить!
Не трагично и праздно
размышлять над разгадкой —
а жить!..
И терзается разум напрасно
тем,
что сердцу дано разрешить.

* * *

По тропам тайным от звезды к звезде,
мечта моя бредет неумоимо,
и мысль моя скитается везде,
по следу той,
последней тайны мира.
И я не верю, что дано уснуть,
не уловив неведомую суть,
у звездной
неизведанной границы,
той черты, где умирает жуть,
и свет встает,
и мужество гранится.

УЙГУН

* * *

Повязан узкою тропой
мой сад вихрастый.
Земля, покрытая травой,
живи и здравствуй!

Какую силу в мир внесла,
заполонила!..
В любви не тратится весна
наполовину.

Покуда ширится, растет —
легко ль, помалу —
она не хочет знать пустот,
купюр, провалов.

Прости — законы так просты
в труде и страсти!..
Любовь, весна, расти, расти —
и здравствуй!

ЗАКАТ

Висит рожок луны над полосой заката,
ладонь полей черна,
и капелька звезды
вот-вот набухнет там, над лезвием воды,
над черной глиной крыш,
холодной и покатой.
Покуда , ты не спишь,
пока ты здесь,
пока ты
в себе соединил и ближние кусты,
и дальних гор гряды — неброской красоты

убор торжественный и гордо-небогатый,—
и этот мгlistый свет, и пряный запах мяты —
блаженнее всего, что в жизни ведал ты! —
иска еще ты здесь,
впивай, лови, смотри! —
и бойся упустить, бессонных слов ходатай,
последние лучи на пастбище зари,
недолгий этот луг,
что лег
под серп рогатый...

* * *

Снова осень ложится на желтые доли,
остывают пылинки в луче.
Ощущение чьей-то руки нетяжелой
на душе у меня, на плече.
Улетают листвы однокрылые птицы,
свет неяркий, и день невелик.
Торопиться пора — и нельзя торопиться:
чей-то голос внутри не велит.
Все, что пишешь, пиши как последнюю строчку:
время есть пли пет впереди —
эго ложь, что выплачивать можно в рассрочку
за любовь
и за пламя в груди.

НАР

Полсуток пурга пировала,
и ветер подталкивал шаг.
В кишлак
во главе каравана
вошел, как корабль, вожак.
Качались тяжелые вьюки
под небом без добрых светил.

Вот так он, сквозь бури и вьюги,
не раз
караваны водил.
И то, что скитальцу дается, —
с ним все повторялось стократ:
миражи,
отрады колодца,
и ругань,
и крохи награда.
Под вой отдаленный шагали —
и часто он,
став на привал,
в коварные морды шакальи
с упрямым презреньем плевал.
Полегче — не значит получше.
Пусть ветер барханы катил —
шагал он,
и в жести колючек
всю прелесть травы находил...
А челядь разъезжая знала
и всех подбодряла:
«Не трусь!
Коль дело доходит до нара —
лежать не останется груз!».
Смотрел я на мощные стати,
бойницы прищуренных глаз,
на всю эту силу, что, кстати,
и нас
выручала не раз,
и думал про тропы и трупы,
про ветхость расставленных вех:
воистину страдный и трудный
он прожил под вьюками век!
Не прочность одних сухожилий —
он чувствовал, долгом гоним,
что здесь на него возложили —
весомо
не весом одним.

Что может быть ветра дороже,
с которым тебе по пути,
что может быть лучше дороги,
оставшейся там,
позади?

Он жил, не мечтой себя теша,
не кучей попон дорогих,
а только сознанием надежды,
которой
дарил он других!..
...Как маски в пылу карнавала,
лоскутья пурги мельтешат,
и вновь
во главе каравана
в дорогу выходит вожак...

ЯБЛОНЯ

Вот яблоня на маленьком дворе
стоит, застыв,
в ажурной белой ткани -
и оттого дороже мне вдвойне,
что возвращена
вот этими руками.

Я помню день, когда ее сажал —
как ликовал во мне и веселился
тот бог весны,
что с облаков сошел
и в плоть мою
невидимо вселился!..

Она стоит, как вызов небесам,
и счастлив я,
едва ее завиджу,
как будто бы теперь уже и сам
от этой хрупкой юности завишу.

О, с нами странно шутит бытие,
лишь одному себя вверяя часто...
Что яблонька?
А ведь не будь ее,
как был бы пуст
мой маленький участок!

Свой саженец однажды посади,
свой малый сад
не мерь шагами праздно —
и что бы ни осталось позади,
а жизнь уже,
ты прожил не напрасно!

И сад земли нам воздает вдвойне,
и мир богаче
от заботы нашей,
а всех-то дел:
на маленьком дворе
мы посадили деревце однажды...

* * *

Поэзия — долг, а не должность.
Воистину ей не к лицу
услужливых слов суматошность,
меняющих смысл на лету.

Поэзия — свет, а не светскость:
лихое искусство не раз
умело подчеркивать вескость
давно заготовленных фраз.

Поэзия — слово, не слава,
не горстка, что ветер намел,
с собою не знающих сладу,

блистающих с елки имен.

Обруган, захвален, нечитан —
дорога поэта узка.

Поэзия — страсть, а не чьи-то
твердящие это уста...

КОСТЕР

Когда разжечь задумаешь костер,
то — обжигаясь иль от дыма плача —
размысли все же, в чем твоя задача:
согреть людей
и кинуть свет в простор.

Пускай немало дров ты наломал —
твой костерок сперва мигает сиро,
дымят дрова...

Должно быть, слишком сыры,
да и огонь для них пока что мал.
Хрустели вроде сучья под ногой,
а тут —

шипят и точат слезы злобно!..

И - как некстати сказанное слово —
чадит неразгоревшийся огонь...

Что ж,

над страницей голову склоня,
костра полезно вспоминать уроки,
чтобы твои не оказались строки
кошмарным чудом:
дымом без огня.

ДЫМ

Пряным дымом пахнет тишина.

То ли это утро,

то ли это

молодость во цвете ожила,
запахом пронизывая лето?
Бабочки прозрачные сквозят,
а за их парением изящным
где-то снова давний жгут кизяк,
жизнь пронзая
запахом кизячным.
Как знакомо!
Что-то зацепить,
что-то зачерпнуть воспоминаньем
и опять
порвавшуюся нить
мы в ушко игольное протянем.
Я замру, дыханье затая,
трезвости назойливой перечая:
где-то там —
неужто это я
сам себе опять пду навстречу?
Неужели вновь мы возвратим
ощущенье силы и свободы
Или только молодости дым
до меня доходит
через годы?..
дым
Доплетает солнечный паук
кружево, сияющее гордо,
а под крышей горлинки поют,
содой прополаскивая горло.

УЧИТЬСЯ У МОЛНИИ

Памяти Фурката

В тех беспросветных потемках немых,
где не возник и намек на светила,
вспыхнула молния только на миг,
но за мгновение все осветила.

Сделалось ясно, где ров, а где дом,
стало понятно, где пустошь, где поле.
Сад показался на миг — и потом
вовсе исчезнуть не мог уже боле.

Вместе с дорогой, петлявшей у скал,
в сердце впечаталась карта округи.
То, что впустую на ощупь искал, —
словно само тебе бросилось в руки!

Бросилось в руки — и кинулось прочь...
Но, под пятой темнотищи проклятой,
сколько ни длилась потом еще ночь —
больше такой не была непроглядной.

Все, что на миг отразилось в глазах, —
не умолкало уже безответно.
Этот мгновенного спета зигзаг
нам и позволил дожить до рассвета.

Господи боже!
Твержу я строке:
не увлекайся красотью пышной.
Будь не чалящей свечою в руке,
а беспощадно высокою вспышкой.

Быть не дано тебе солнцем самим,
но не смирай этой ярости чистой.
Все осветить, хоть и сгинуть за миг
будем у молнии гордой учиться.

* * *

Проходится ветер по кронам,
макушки пробором деля.
Земля под зеленым покровом —

единственный рай бытия.

Ковер без прорех и расселин,
одежда, проросшая в плоть.
Единственный грех — эту зелень
рубить, и полоть, и бороть.

Зеленое стадо аллеи
застынет гуськом на лугу —
как в скачке волшебной олени,
застигнутые на бегу.

О дичь, неспособная к бегу!
В страшной из наших охот
мы всё торжествуем победу
и всё продолжаем поход...

* * *

Сухое дерево в саду
предсказывает нам беду,
Над расцветающим кустом,
на празднике листвы и хвои
чернь сучьев голых —
как симптом
подкравшейся незримо хвори.
За низкой изгородью,
за лозы решеткою усатой
она бросается в глаза
разоблаченную засадой.
Сухое дерево в саду
предсказывает нам беду...
Оно над зеленью стоит
без листьев, ветра, без движенья,
как позаброшенный старик —
печальный идол небреженья.
И ни о чем не просит нас,

и сожаления не будит,
по словно молвит:
«Будет час и вас
вниманье позабудет...»
Сухое дерево в саду
предсказывает нам беду!

* * *

А было дано нам так мало...
Забавно и вспомнить теперь.
Недаром и жизнь даровала
умение ждать и терпеть.

Была не щедра на посулы
та жизнь с коммунальной межей,
на фоне суровой посуды
или мебелировки смешной.

Но музыки той избылье
не в нас ли бурлило самих,
пока патефон заводили,
как выдохшийся грузовик?

Никто не подсчитывал граммы,
за руль драгоценный спеша.
Пластинка сама не играла,
сама прогрессивка не шла.

И тлела вражда родовая
в тылу коммунальных квартир,
но времени передовая
врывалась в багеты картин.

И было дано нам так много!
И память напомнит не зря,
как круто ложилась дорога,

как яро вставала заря.

Шагали вперед без заслона,
не думали: вдруг да беда?..
И вера была безусловна,
упряма надежда была.

О лето в садах и осадах
несчетных свершений и слов!
О бурная юность двадцатых,
о зрелость тридцатых годов!

Спасибо за славные стройки,
за взлет па любом рубеже,
за дружбу, за нежность за строки,
которые живы в душе...

ГЛАЗ

Старый сад затаился в глуши,
цепенел безучастно и глухо,
и казалось: в саду ни души!..
Ни души, ни сознанья, ни слуха.

Но листвы встрепенулись пласты
попеченьями птички безвестной,
черный глаз поглядел из листвы —
точно ожил весь облик древесный!

Травы дрогнут, и листик слетит,
ощетинится клена вершина...
Отчего же лишь то, что глядит —
для живущих действительно живо?

Ни предвиденья и ни следа,
ни смятенья, ни горя, ни лада —
потому что природа слепа

без живого участия и взгляда.

Что там сзади и что впереди?
Только утром ты из дому выйдешь
оглянись и окрест погляди:
тан нечаянно много увидишь...

* * *

Тянет все чаще меня на простор
силою, мне самому неизвестной:
страшно и сладко,
просто и веско
с полем и небом вести разговор.
Гонит и гонит упрямо меня
ближе ь земле —
в камыши, зелены,
словно в предчувствии
близкою дня,
словно в предвестии странной страницы,
где предстоит мне навеки сродниться
с этой землей
и джидой сребролицей,
и научиться вперед обходиться
там —
без тебя,
без любви,
без огня...

ЛИСТОПАД

Клаве

Любимая, мы уходим.
Кончается час охот.
Так ярк и неохотен

листвы золотой уход.

Ничем я не зала гаю
прорехи моих чинар.
Прощай, моя золотая!
Давно ли я начинал?..

Так странно сквозит на свете.
Так прячется даль в дыму
И листья — висели вместе,
а падают — по одному.

Прощай, моя дорогая.
Наш тополь застыл, поджар.
Безумствует, догорая,
листвы золотой пожар.

Так медленно на рассвете
по золоту я ступал.
Мы встретились на расцвете.
Прощаемся в листопад.

С собою не совладаю,
к листве твоей припаду...
Прости, моя золотая!
Пустеет у нас в саду...

* * *

Старый друг, ты вправду стар:
был ты крепче да и выше...
Я смотрю, каким ты стал —
и свое старенье вижу.

Жизнь тревожна и скоро.
Память — времени порука.
Мы с тобой как в зеркала,

всматриваемся друг в друга.

Растянулось на года
все, что было между нами,
и событий нагота —
в пелене воспоминанья.

Неудачи не горьки,
а тогда судьбой казались
гонки наперегонки,
наша, ревность, наша зависть.

Нет обиды, нет вины:
все нам поровну досталось.
Живы — стало быть, равны.
Глупо жаловаться — старость.

Жить бы тихо — жизнь скоро
все торопится старуха.
Вот и мы, как в зеркала,
всматриваемся друг в друга...

* * *

Поздней осени лист золоченый,
скромный гость прошлогодней страны,
за балконную дверь залученный,
дотянул ты до левой весны.

На просторной постели страницы
ты тихонько лежишь — и, странна,
то ли видится, то ли снится
зеленеющих веток страна.

Ты лежишь — и не то, чтобы злишься,
но понять не умеешь вполне,
что шумят эти новые листья

в той же самой садовой стране.

Ибо здесь, на страничной постели,
ты уверен, что как-то не так
в ваше время листья шелестели
и блестели дожди на кустах.

И о прошлом, сияющем лете,
о листве над безмолвной травой
ты толкуешь, последний свидетель...
Только, правда, уже не живой.

ПОЛДЕНЬ

Тополиную мачту потряхнет парусина листвы —
ну, куда мы плывем, ты скажи мне — куда и откуда?
Отодвинуть листы, и усталые руки сплести,
и от слов отдохнуть, и от дел, от шагов и от гуда.
По верхушкам, как мальчик, резвящийся ветер бежит.
Снеговая вершина калиткой простор замыкает.
Мир почти завершен — и, последнею строчкой прошит,
он возляжет у глаз и под сердцем моим замолкает
Золотая строфа!
пусть забудут меня иль корят —
лишь бы время текло,
паруса твои вечные полня.
Лишь бы плыл он и плыл,
этот непотопимый корабль,
что отчалил однажды
из белого-белого полдня.

* * *

Не толкайся: правда — не в локтях.
Дай сперва дозреть словесным перлам.
И пускай года себе летят —

поспешивший не бывает первым.
Но своей поры — не упусти:
дай и в дом и в сердце достучаться.
Опоздавший на таком пути
не вернет потерянного часа.

* * *

Как ответ неудачам и бедам,
ожиданиям встречи в аду —
облик девочки в платьице белом,
повстречавшейся нынче в саду.

Так открыт ее взор и наивен,
так он полн безымянной любви —
как подарок, что послан на имя
всей земли, насоленной людьми...

* * *

Так странен строй старинного стиха,
периоды весомы и не гладки.
И весь он здесь —
как древняя стена,
оставленная в толще новой кладки.
Порой запнется слух.
споткнется глаз,
невнятицей высокой остановлен.
Но не кори: не он ушел от нас —
мы от него
ушли за веком новым.
Так странен строй старинного стиха...
пожалуй, мастер намудрил в газели!
Но оглянись:
и мы не без греха
на неумной нашей карусели!

И разве грех, что эта мощь странна,
когда так много
приняла на плечи?..
Зато стихи стоят, как острова,
в изменчивом потоке нашей речи.
Что странен строй вот этих старых строк,
что вязь мелка и выцвели чернила —
не укоряй!
Но поклонись в свой срок
всему, что эта странность сохранила.

* * *

Вновь подумать настала пора
о каком-то высоком итоге.
То ли старость стоит на пороге,
то ли зрелость пришла для пера.
Как работа, тревога стара...
Вам, читавшим заветные строки,
будьте строги, твержу, будьте строги!
Я для вас выходил в мастера.
Я за вас воевал у стола
и выслеживал чувства истоки,
чтобы строчку нацелить в итоге,
оперенную, точно стрела.
Я из пламени слово спасал,
что в неслыханной муке кричало.
Я словесные льдины кромсал,
чтобы путь прорубить до причала.
Так я тысячи раз воскресал,
каждый раз умирая сначала.
Мой не молния путь отмечала —
искры редкие из-под кресал!
Есть ли что своенравней строки?
То птенцом она в мыслях ютится,
мирно зерна клюющим
с руки — то за горные взмает верхи

перепуганной дикою птицей.
То послушной водою струится
и поит нас щедрее реки,
то в бездонный овраг превратится,
всем надеждам твоим вопреки...
Разве нет, среди всей пестроты,
и пути и занятия
спокойней?
Где же цель этой вечной погони?
В чем же смысл этой вечной страды?
Как нас мучит высокая страсть
жить
у памяти вечной на сваях:
ни цветку не отцвесть
без названья,
ни звезде без него упасть...
Но не в том ведь задача пера,
чтобы мир до конца перечислить! —
или заново все перечистить,
что забвения пыль оплела...
Опускается ночи пола
на строенья,
и страны,
п души.
Но останется слово в грядущем,
что сказало
любая пора!
Пусть хоть раз,
как маяк,
мы мигнем
тем,
чьи в будущем светятся сроки...
Вам, читавшим заветные строки,
будьте строги, твержу, будьте строги!
Мерьте все это
завтрашним днем...

* * *

Земля отчизны — первая земля
в моей душе
и под моей стопою.
Ее утратить — потерять себя.
Земля моя,
я навсегда с тобою!
У истинной любви — ответ один.
Душа не терпит подданства двойного.
Что выбрал я, когда я в жизнь входил,
в конце годин
я выбираю снова.

* * *

Опять петухи начинают
зарю рассветный пирог,
и улицы жить начинают
упрямым стремленьем вперед.
Все кажется снова по силам
надежде, развеявшей тень.
Ну, что же, о сердце, спасибо
за новый подаренный день.
Спасибо, что с полной сумою
шагала ты, память, за мной,
чтоб мог я остаться собою
на этой дороге земной.
Спасибо вам, зоркие очи,
за вечное бденье в пути,
за все, что в земле моей отчей
увидеть я смог и найти.
За жизнь вашу в вечной разлуке,
за труд кетменя и пера,
и вам, мои верные руки,
спасибо сказать мне пора.
Свое уловлявший из каждой

мелодии песни ничьей,
спасибо, мой слух безотказный,
за музыку дней и ночей.
Гляжу, различаю, сплавляю
события, страсти, дела —
и заново благословляю
ту жизнь, что была мне дана.
И стоя на строгом пороге
безвестной доселе поры,
я числю не горя уроки,
а долгой дороги дары...

ХАМИД АЛИМДЖАН

СМЕРТЬ ОФЕЛИИ

1

Хочешь запеть, но из глубы сердечной
слабый и горестный вырвется звук.
Ворох цветочный, трауром вечным,
так и не выпустишь больше из рук...

2

Милая, тише... Бессмысленны песни.
Эта обида уйдет от суда.
Это сердца надорвавшее пенье
и не услышит глухая судьба.

Так для чего же верность святая,
нежность блаженной январских снегов,
если душа не дождется свиданья,
если любви не постигнет любовь?

Если вовек не коснется любимый —
так для чего же, скажи, для чего
сладостных уст дорогие рубины,
золото кос, снеговое чело?

И для чего красоту согревали
россыпью звездной в девичьих очах,
если молитвы обряд погребальный
вечной золою засыплет очаг?..

Нет на земле темноты непроглядней.
Нет ядовитее слезной росы.
Кто ж наделил тебя горьким проклятьем
неувядающей этой красоты?..

Хочешь запеть, но из глуби сердечной
слабый и горестный вырвется звук.
Ворох цветочный, трауром вечным,
так и не выпустишь больше из рук.

Как материнская радость вначале
несовместима с итогом пути,
так не подходит одежда печали
к нежной твоей белоснежной груди.

Что ж ты, природа, творец малодушный,
судьбы творенья замыслила так:
тело украсить, вылепить душу —
и равнодушно кинуть во мрак?

Разве любовь невозможна без боли,
а красота — не отрада для тел?
В этом ли смысл красоты и любви,
что лишь страданье дано им в удел?..

3

Гамлет любил, и два нежные пламени —
очи твои во вращении дня —
душу ему согревали и плавили,
как ни скрывалась она от огня.

Гамлет любил. Ему жизнь приоткрыли
губы твои в драгоценном цвету.
Мысль за плечами чужала крылья,
шаг твой слышав в дворцовом саду!

Что же стряслось?..
Отрезвленья не вынести,
вынырнув вновь
в измереньи ином.
Нет! Не спасись этой нежной невинности
под разъедающим адским пятном.

Ложью ль разорвана надвое Дания,
кровью ли кров обеспечен родной?..
Горше сомненья —
не сыщешь страдания,
клетки —
надежнее клетки грудной.

Немы уста. Ни строки, ни мелодии.
Разум
безумью ударил челом.
Что еще может быть в мире бесплоднее:
в смуте любовной —
неверья челнок!

Душам не дастся, к чему они призваны.
Так что напрасно
и плакать и клясть,
если во власти ревнивого призрака
эта раздвоившаяся страсть.

Дымно горят погребальные факелы.
Верность и нежность уходят во тьму.
Гамлет — в аду!
Поцелуи и ангелы —
все это только
приснилось ему...

4

Сердца цветник листопадом засыпан.
И синева продается на вес.
Рок протрубил ли
в рог свой осипший?..
Сокол высокий низвергнут с небес.

Дней обнажилось жестокое днище,
старого мира пустуют тела.

Пламень недавний бродит, как нищий,
по капле вымаливая тепла.

МАКСУД ШЕЙХЗАДЕ

ПАМЯТИ ДРУГА

Мы были очень молоды с тобой:
по жизни мчались — и не замечали,
что время,
с обнаженными мечами,
шагает рядом — тою же тропой.
Мы шли, ступая легкою стопой,
в пыли, казалось, не оставив следа..
Мы не считали —
зимы,
весны,
лета...
О, как мы были молоды с тобой!
Я вспоминаю прошлые года —
немало в пыль мы обратили пыла! —
и думаю: да вправду ль это было?
Мой бедный друг,
да был ли ты когда?..
Я выхожу в лунной облитый сад.
Он пуст.
Тебя под этим небом нету.
Плоды айвы, как юные планеты,
и гроздь, как созвездия, висят.
Когда-то ты в саду работал этом...
Пять,
десять,
двадцать —
тыщу лет назад?
Тебя здесь нет. И черной нет плиты,
отметившей печальную могилу.
Но сад стоит,
что ты, возрадив, покинул,
и тянет к людям спелые плоды.
Тебя здесь нет.
И все же — это ты.

ГЕРОЙ УМЕР

Я терпеливо дочитал роман,
в библиотеке взятый торопливо.
Он по страницам медленно хромал,
событиями ворочая лениво.
Он спотыкался о любовь и быт,
толкая обо всем без увлечения...

Когда герой был автором убит,
вдохнул я, право,
не без облегчения.
Я даже мрачной занялся игрой —
анализом детальным и подсчетом;
на триста пятой умер наш герой —
а мог бы умереть?
Да хоть на сотой!

Его,
хоть поводов он не давал,
убить
мне так же было бы не жалко,
как автору — ни холодно, ни жарко,
когда его он в спешке
создавал!

* * *

В коробке воздух — мертвое вино:
не веселит и не пьянит оно.
А было некогда —
кусочком вихря!
В стакане
неподвижная вода
(ее уже и замечать отвыкли)

кипела в буре
и несла суда...
В глазах твоих не различу огня.
А как порой
при свете их
мечталось!
Они тусклей невытого окна,
в них скука умещается одна,
а некогда —
душа моя вмещалась!

* * *

Остановка. Глухой полустанок —
мокрый,
темный под частым дождем.
На таких мы в пути неустанном
никого уже встретить не ждем.
Но у крайнего,
низкого зданья
ты ждала, задыхаясь, моля —
так ждала, словно в зал ожиданья
для тебя превратилась земля.
Слезы
дождь пересчитывал частый,
и стояла ты, слез не тая,
и, как небо в погибельной чаше,
мне открылась
улыбка твоя.

ГАЙРАТИ

СЧАСТЬЕ

Не спрашивай, где мое счастье нашел —
я сотни обманов низринул.
Я чащею шел, расчищая ножом
дорогу к вершинам незримым.

Не спрашивай, в чем оно, счастье мое, —
непросто мне будет с ответом.
Не малый мирок свой, свой двор и жилье
весь мир я увижу при этом.

Увижу ребячий искрящийся смех,
улыбку в устах материнских,
и окон несчетных струящийся свет
в селениях дальних и близких.

Увижу пылающий добрый очаг,
и дали бегущей дороги,
и смелость в мальчишеских ярких очах,
и нежность в глазах недотроги.

И свежее утро в жемчужинах рос,
и горечь земли засоленной,
и маленький дворик, где некогда рос,
и звездную россыпь Вселенной...

Безмерное счастье! И все же оно
ни целым, ни малую частью
не может быть даром, в наследство дано:
ты сам отыщи свое счастье.

САБИР АБДУЛЛА

УЧИТЬ РУССКИЙ

О, русской речи ширь и краткость,
мне близок строй ее
и мил —
моя спора,
гордость,
радость,
окно
в необозримый мир.
В ней нежность песни,
мощь оружия,
размах —
и точность без затей...
Друзья мои, учите русский,
учите русскому детей!
Служил он каждому,
поведав
итоги знания и азы,
язык ученых и поэтов,
могучий ленинский язык.
В пути ли вы,
в краю ли отчет —
все дали с ним недалеко.
Он проводник —
и переводчик
на все земные языки.
Учите русский
годы кряду,
с душой,
с усердьем
и с умом!
Вас ждет великая награда,
и та награда —
в нем самом!

МИРТЕМИР

* * *

Поэзия, ты мой высокий храм,
бокал бесценный с медом или ядом,
ночь с выбором бессонниц небогатым
и чудо возрожденья по утрам,
приют любви, рубцы от старых ран,
и отчий край, и долгих странствий карта...
Что без тебя и жемчуг, и агаты,
что власть, и честь, и почести,
пока ты
не сходишь солнцем к стынувшим мирам?..
Жизнь без тебя — в томленьи безутешном
удел души без дела и надежды.

РОСА

Чуть обозначится рассвет,
я по висячему мосту
через овраг и гребни лет
в страну другую перейду.
Завесу радужной волны
качнет незримая рука.
Опять коробочки полны
вскипающего молока.

А на листве, и в гуще трав,
на лепестке, что как щека,
бог знает как сюда попав,
поблескивают жемчуга.
И вдоль реки, по берегам,
где молодые деревца,
как ртуть дрожащим жемчугам
и счета пет, и нет конца.

Сверкает острый верх холма,
пологий искрится увал,
как будто льдистая зима
лица украсила овал.
То ль бусы девушек-невест,
то ль украшенья молодых?..
Гляжу на блеск бескрайний весь,
гляжу—захватывает дух.

Или хрусталиками глаз
блистают дивные края?
...Или опять, как в прошлый раз,
здесь мама плакала моя?..

АБДУЛХАКУ АБДУЛЛАЕВУ

Беретесь вы опять за мой портрет,
а чьим очам желанен этот облик?
Всем щедрым солнцем ваших красок облит,
откуда этот образ давних лет?
Мне кажется, я вовсе не таков:
и стар уже, и от роду невзрачен —
не пара нашим юношам горячим
и пици не даю для знатоков.
Во мне смешались лето и зима,
и только вот бывшее нетерпенье
еще кипит, еще торопит перья,
лишь эта страсть во мне еще сильна —
не копчен стих, тетрадка не полна —
и полно, к людям вырвусь ли теперь я,
как пробовал в былые времена?
То, что лелею в сумерках годов, —
пока лишь кокон мысли, фразы очерк,
что дорасти и выплеснуться хочет,
а уж язык, отчаянный, как кочет,
давно ее выкрикивать готов.
Я говорю ему: «Постой, потом,

еще не время!..» И не оттого ли
вам кажется, мой друг: я недоволен
и юностью, и пройденным путем?..
Нет, все не так!..
О молодость моя,
кипящий сай, свергавшийся в долину!
И звонкостью нас юность оделила,
и верности учила нас земля.
А дивных снов беспечная семья,
блистанье гроз с горячими громами!..
Они ушли, бродячие романы
моей любви.
Спокойно перед вами
на этом кресле восседаю я.
Но как вам знать,
что здесь передо мною
восходит на экране тишины?
Мое лицо вам говорит иное!..
Да будут кисти вам не тяжелы, ,
пишите, друг мой, не гадайте всуе...
С чинар уже осыпалась кора.
И память мне подносит зеркала —
я сам портрет покинутый рисую,
Кто не любил — бездушней ишака.
Кто не страдал? Одни сухие комья!
Она — во мне, и вы — за два шага,
но вам ее не увидеть такую...
Когда б я смел придать холсту черты
ее движений, ласки, красоты —
и вы, и все кругом
пришли б в волнение,
вся улица, весь город, вся страна!..
Вот жизнь прошла — все та же здесь она,
и так же я безмолвен перед нею.
Что тут сильнее:
кисть, перо, струна?..
Мой друг, я часто думаю об этом.
Нам, в сущности, одна судьба дана,

одним мы с вамп связаны обетом.
Вот жизнь проходит — как остановить
тот миг, тот вскрик, ту женщину, ту муку,
тот лунный двор и сладкую науку,
как времени вернуть и цвет и вид?
Искать ли неподвижное в чертах,
набрасывать — авось да что и выйдет?
Нет! И меня вы видите не так,
как зеркало постылое увидит.
Былое — не заброшенный чердак!
Трудить и ум — и руку.. Шпорить зренье.
Учить судьбу подземную зерна.
И совершенство — это лишь прозренье
сквозь все покровы или времена.

ДОМ НА МОЙКЕ

Неказистое зданье у вод,
темный вход...

В продолжение века
зиму, лето — безвыездно в этом
доме
загнанный гений живет.
Нет, не юноша пламенный тот,
с пеньем в сердце, с неистовым ветром
в рыжих кудрях, без горьких забот!
Он тому даже видом не ведом...

Мчатся месяцы, годы — и вот
в этом доме, в узилище этом
он сурово и гордо живет.

Перед домом проходит вода,
протекает, как долгое время.
Но ему ли бояться суда,
злых пасквилей повторенья?

Перед домом проходят года,
но стихов неизменно горенье,
неизменны любовь и презренье,
и свободы далекой прозренье,
вдохновенная радость труда...
Перед домом дежурит беда.
Соглядатаи ждут недалече.
И одно остается всегда:
он поедет на Черную речку
и обратно вернется сюда.

НОЧЬ

Ночь течет, как подземные воды —
неприметно,
темна и тиха.
Словно в смутной душе у кого-то —
неопознанный ветер стиха.
Грозный город застыл недвижимо,
гром и говор
поник и увял.
Не шуршит по асфальту машина,
воробей не качнется в ветвях.
Тополь смолк,
превышающий ростом
все, что замерло
в медленной мгле.
Сон живительный поровну роздан
всем живущим на этой земле.
Выдан отдых умаянным душам,
тьма безгрешна и не тяжела.
И беззвучно поет из отдушин
колыбельная тишина.
В ней — ни горя,
ни зла,
ни разлуки.
Сон, как птица, слетит в синеву,

довершающий в душах без муки
все, не сделанное наяву.
Вот он рядом, сверкающий финиш!
Ширь блаженна, близка и нежна!..
Утром встань —
и увидишь, обнимешь
ту единственную, что нужна.
А покуда — под темные своды,
в бормотанье глухого стиха
ночь течет, как подземные воды —
неприметно,
темна и тиха...

ПТИЧКА

Встал на рассвете — давний обычай!..
Нынче погода покойна, легка.
В сипи небес недоступной добычей —
белым хирманом — лежат облака.
Дождь? Непохоже. Хмурых обличий
нынешний савр не являл нам пока.
Ветер проносится с легкостью птичьей.
Сладко брести по тропе ветерка!
Мерно, как маятник, ходит рука,
грудь наполняется радостью вешней,
взоры скользят все быстрее и небрежней,
словно бы снова, свободный и прежний,
весь я, до капли, во всех — и ни в ком!..
Воля!..
Но что там на ветке черешни
слабо-зеленым горит огоньком?
Словно из листьев родившийся, нежный,
смотрит комочек, с беспечностью внешней,
черной, недвижимой булавкой-зрачком!
Что ты за чудо?
Не верю я взорам,
птичка-игрушка из райских лесов!

Ты — как парящий в миру невесомом
пестрый,
недолгий,
обманчивый сон!..
Делаю шаг — не пугается птица.
Как же могла она здесь очутиться?
То ли из клетки — и в шумной столице
не отыскала дорогу назад?
То ли, от стаи отставшая дивной,
в город попавшая пыльный и дымный,
выбрала
чистый предутренный сад?..
Дед меня в детстве
потчевал притчей:
есть еще, дескать,
древний обычай —
пери являются людям порой,
облик приняв удивительный птичий,
мудрым
награду неся под полой...
Может быть, правду критики пели?
Может, мне вправду явится пери?
Или не в том и награда моя,
знавшего столько трудов и стараний,
вставшего в час незапятнанно ранний:
видеть воочью
красу бытия?

ТЮЛЬПАНЫ

Дол предгорный тюльпанами устлан —
неогляден цветенья размах.
Как бывшее в преданьи изустном —
этот дивный ковер на холмах.
То ли в каждом бутоне точеном
туго свернуты письма любви,
то ли души певуний-девчонок

алым зернышком в землю легли?.,
Что за краски в долине застыли,
что за пламя горит дотемна!
Ах, скажи мне, не так же ль и ты ли
зацветаеть теперь, Культепа?
Где-то там,
за бессонным простором,
что, как конь, закусил удила —
этот горький бугор, на котором
меня мама с дороги ждала.
И поров,
позабудешься сном ли,
вновь бугор примерещится тот:
это долг меня мучит сыновний,
до сих пор не исполненный долг.,,
Видно, плохо доселе и мало
довелось мне стихом поминать
и тебя, моя милая мама,
и тебя, моя родина-мать!..
И покуда душа не упала,
как звезда, рассыпаясь в степях,
я спою о горящих тюльпанах,
о тюльпанах твоих,
Культепа...

ДАЖЕ МАЛОСТИ Я НЕ ПРОСИЛ

Даже малости я не просил —
были дни мои дара дороже:
и в дому, и в глухом бездорожье —
то же солнце,
и зелень,
и синь.
Я не чаял наград,
не гадал,
что за жизнь полагается плата,
что бессрочное счастье когда-то

захотят оплатить по годам.
Мне казалось: вовек не смогу
я воздать моим спутникам милым,
и пред матерью,
родиной,
миром
навсегда я останусь в долгу.
На весы я сегодня кладу
все, что мною испытано,
кряду —
и, как водится в нашем роду,
что там ни было — свет и беду —
забираю с собой, как награду.
О Отчизна! Признательный сын
даже малости я не просил...

СУЛТАН ДЖУРА

ПУШКИНУ

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
к нему не зарастет народная тропа...

А. Пушкин

На горизонте искусства
ты — как встающее солнце:
одаряешь каждого
лучом своего стиха.

В певчем саду мира
твоя лира
весне подобна.
Как мне найти слова,
славе твоей под стать?

Словно оживший мрамор —
строки твоей любви.
Они, как ладья луны,
плывут в облаках и веках.

Но голос свободной музыки
был вместе нежен и грозен:
дрожали дворцы и троны,
пока подпевали сердца.

Ты дружбе был верен вечно,
свободу восславил смолоду —
и мы, питомцы свободы,
тебе через голову века
любовью своей воздаем!

А впрочем, ты наш, ты с нами:
над стадом голых газелей
алмазным водопадом

сверкает твоя строка.

Я счастлив: и мне досталось
твое наследство шахское...
Но смерть твоя, словно рана,
в сердце моем саднит.

Будь проклят тиран!
Туманом
времен
повита могила.

Но ты живой, ты с нами!
Не заросла тропа.
И каждая твоя строчка —
словно дверь в сокровищницу:
«Откройся, сезам!»
— Открыто!
Только сумей войти...

Горько, что ты не видишь
слово свое не в оковах,
мысль свою на свободе.

Ты бунтовал... один...
Убийца с каменным сердцем...
Выстрел прямо в солнце...
Могила повита туманом.

Но заново зреет заря —
твой дар
восходит над нами,
унижен стрелами света!..

Здравствуй же, современник.
Прими мой скромный венок.

МАМАРАСУЛ БАБАЕВ

ГОВОРЮ ТЕБЕ САМОМУ

Приобретай друзей, пока ты юн
и бескорыстье —
верности порука,
чтоб после
юность не корить свою
за никогда не найденного друга.
Ищи, смотри,
небрежностью своей
глаз не спугни, внимание таящих.
Пока ты юн, приобретай друзей,
а время
распознает настоящих,

ПРИБРЕТАЙ ДРУЗЕЙ

Ты лгал другим немало обо мне,
сплетая правду
с выдумкою вместе.
Тебе я мог бы отомстить вдвойне,
но не дрожи:
не снизойду до мести!
Я расплачусь монетою иной,
я предпочту суровее расплату:
ты лгал немало за моей спиной —
тебе в лицо
высказываю правду!

УСМАН НАСЫР

СТИХ МОЙ

Ты — родничок души, ты — ключ из сердца!
То бишь
ты - свет глядящих глаз и повторенье сна...
И если спросит кто: «Скажи, чего ты стоишь?», —
ответь: «Я жизнь сама — и вот моя цена!»

* * *

Жизнь моя мне еще предстоит.
Может, стану трезвей и умнее,
но из памяти пестрых страниц
то, что видел, стереть не сумею.

Пусть надежды наивный расчет
насмешит иль взволнует когда-то.
Пусть пока и строка небогата:
ум — как мальчик. И мальчик — растет!

СЕРДЦЕ

Сердце, ты — саз мой! И листиком тополя
пламя луны заслонило звезде,
жизнь даровало, слова уподобило
музыке мира, звучащей везде.

Знаю: тесна тебе клетка грудная.
Страсть через край перелиться грозит.
Как же успеть это таинство ная
перевести на обычный язык?

Эй ты, краса моя,
меч мой карающий,

ждешь ли победы в неравном бою?
Бейся!

Покуда кипишь ты, играючи, —
вслед за тобою живу и пою.

Но подчинись приговору эпохи,
если не приняла песни, строга,
и — разорвись посередине дороги!
Хоть и умру
посередине стиха...

* * *

Так небогат, словами мой словарь —
чем речь начну
и тишь спугну ночную?
А радости напор внутри меня
наружу рвется, жаждет выйти в жизнь...

Вечерняя прохлада сентября
во всем подобна ласке материнской,
и отблеск пионерского костра,
как призрак света, пляшет в облаках...

Душа моя растет, как от любви,
и подымает крылья за спиною,
и самую меня возносит ввысь,
и я гляжу назад — и вижу детство...

* * *

Вдохновенье времени не знает —
в мирный сон врывается, как сель,
как палач, нам сердце рассекает,
прочь несет от мерной жизни всей...
Пусть! Я нежность выпил, как напиток,

и не зря влюблен в живую речь,
и в потоке страсти неизбитой
жить готов,
готов и умереть.

ЗУЛЬФИЯ

ГОДЫ

Какой-то холод у меня в груди.
Как бы мороз
грозит ожогом плоти.
Ведь, помнится, сгорала я в пути —
а где в былом
такую боль найдете?..
Какой-то лед на сердце у меня.
Печаль войдет — он тотчас заморозит.
Ворвется радость, светлый сколок дня,
он и ее
ледышкой в чашу бросит.
Так замерзают жаркие слова.
Так остывает с полпути обида.
И, как под град попавшая листва,
так вся насквозь
я льдинками пробита.
Ужели вправду — это все года?..
Так, помню, я смотрела па кою-то
и думала: не будет никогда,
чтоб так меня
переменили годы!..
И слез-то обо мне никто не льет.
Сама б я, что ли, плачем разразилась?..
Но вот в груди лежит, как камень, лед,
и я терплю.
Терплю, скажи на милость!..
Когда ж тот холод в мой вносили дом?
Душа моя — когда его касалась?

ГОСТИ

Как обернулось этим синим льдом,
что негасимым пламенем казалось?

Распахни окно!
Синий свод висит,
и сияет весна, и снова
эти гости мне нанесли визит
в семь утра
или в полвосьмого...
И поют ветра,
и запеть пора ,
да никак не найду я слова,

Я приму гостей —
отпусти, постель!
Там, где солнца пятно упало,
где карниз зазря
столько дней пустел —
голубей примостилась пара,
Распахнуть окно
и взглядеться в них...
Вновь почувствовать жизни радость,
даже если ты нагляделся, вник
хоть вот в эту, чужую радость,

Или, лучше, нет —
ты не тронь окна.
Погляжу на свет,
полежу одна.
Видно, тронуть грех
эту тишь да гладь,
от чужих утех
свою долю брать...
Распахнешь окно,
распугнешь гостей —
так нежна у любви основа,
что дождусь ли вновь я от них вестей,
соберутся ли вместе снова?..

А в моем окне
синий свод висит.

Снова гости мне
нанесли визит...

ЛЮБОВЬ

Когда восходит диск рассветный
над сном
полей и городов,
от всех поверий и поветрий
освободиться мир готов.

Сдается мрак,
и сумрак тает,
и все, что полночи к лицу...
Мир, пробуждаясь, обретает
неизъяснимую красу!

Так и любовь...
До срока дремлет
во всем —
бессмертном и живом!
Ее огонь, как время, древний,
в себе несем, пока живем.

Он спрятан в нас,
как искра в камне.
Но стоит ей сверкнуть хоть раз —
все безразличье разом канет,
вся холодность покинет нас.

И счастья лик, едва разгадан,
глядит из каждого окна,
и сердца солнцем незакатным
любая даль освещена.

А ты шагал по жизни строго,
весь этот пыл тебе претил.

Силков не ставил по дорогам,
по тайным тропам не бродил;
всем ухищреньям нежным чуждый,
с расчетом трезвым заодно,
за раковиною жемчужной
не опускался ты на дно.

За годом год стремился, ровен;
и ночь как ночь, и день — как дань...
Так на каком же повороте
тебе открылась эта даль?

Когда,
имен не называя,
ворвался в сердце ветер,
свеж,
и встала туча грозовая,
вся исторгающая свет?

И тенью крыл своих покрыла,
и ярким светом облила,
и без сраженья покорила,
и, покоривши, вознесла...

Любовь!
Она не просто слово
что, может быть, других звучней.
Ты в ней не повторишь другого
и сам не повторишься в ней.

Она не дрогнет пред грозой —
она сама и есть гроза.
И не прельстится красотой —
она сама и есть краса.

Она сквозь пошлость,
ложь
и косность

стремит пронзительный полет
и в искренность тебя,
как в космос,
всей сердца силою
пошлет.

БУДЬ РАДА

Будь рада!
Опять из-за горной ограды
на листья, на гряды
ударил рассвет,
и гроздь его невесомого града,
не тая, повисли в прохладной листве.
И вздох твой возносится к синим глубинам,
к любимым
в глухом отдалении любом,
и голуби на языке голубином
толкуют об этом же дне голубом.
Будь рада!
Из черной тоски неуют,
из мрака — из ночи внутри и вовне —
опять в это светлое, щедрое утро
тебя вознесло на высокой волне.
Будь рада и чувствам, и взорам здоровым,
дорогам,
бегущим сквозь яркость и тень.
Будь рада тому, что еще раз дарован
огромный,
скончанья не чающий день.
Будь рада!..
Тому, что тебя не украли
у света, у сада,
и вновь ты в долгу
у этого солнца, у милого края,
у слез,
что светлей не текли на веку...

ШУХРАТ

ТБИЛИСИ. НОЧЬЮ

Мои давние думы сбылись — и
словно сам себе долг я плачу:
я иду по ночному Тбилиси,
словно в песню с разбега лечу.

Те, что здесь созидали и жили —
что ни спеть о них, выйдет не то...
Как сказать о вас, Бараташвили
и другой, бесприютный Нико?

Как вернуться к заветному часу
(он годами укрыт, как чадрой),
когда мир только что повстречался
здесь впервые с Макаром Чудрой?

Мне к волшебному стать бы окошку,
мне б остаться один на один
с тою улицей, где Маяковский
вдоль тифлисских домов проходил...

И во мне с неожиданной ноты
начинается звуков игра.
Вот я слышу: с грузинской ночью
мое имя рифмует Кура.

Я иду в тубетейке из Чуста,
новой песне несказанно рад.
Я иду с удивительным чувством,
что ходил уже здесь я не раз.

Так нас вечер негаданно сблизил,
так беседовал город со мной,
точно издавна связан с Тбилиси
трудно пройденный путь мой земной.

Мостовая ложится мне под ноги,
и кидаю я ей на авось
ту земли золотую щепотку,
что с собой из Ташкента привез.
Чтоб осталась та почва степная
здесь навеки, на тысячи лет,
чтобы братья-грузины ступали
каждый день
по узбекской земле...

ТУРАБ ТУЛА

* * *

Не судите поэтов пристрастно,
всех не меряйте по одному.
Оценить не старайтесь пространство
по жилплощади в чьем-то дому.
Мал поэта прижизненный выдел,
много больше — посмертный удел.
Что он видел? Чего он не видел?
В чем у дел он, а в чем — не у дел?
Не судите по мелочи быта,
по обманутым женским глазам.
Все налипшее будет забыто,
только сам он останется, сам...
Не судите по мелким огрехам,
не язвите, что форма слаба,
если в сердце, как в тигле нагретом,
обжигал он живые слова.
Не по трудной судите дороге,
не по торной судите тропе,
а но вечной и вещей тревоге,
пробегающей искрой в строке...

НОЧЛЕГ

О родина, вместилище надежд!
Извечная привычка любованья
становится любовью —
как ни тешь
насмешников
вся пылкость лобовая.
Но пусть глаза ирония смежит
или в углу хихикает бесшумно,
а истинно влюбленных
не смешит

любовное безумие Меджуна.
Покуда соловьи тебе поют,
пока весна несется в блеске мимо,
позволь, в словах я отыщу приют
моей любви к тебе неутомимой.
Позволь, я для нее построю дом,
Не за день, не за час,
как строят джинны.
Я медленным скреплю его трудом,
чтоб он стоял годами нерушимо.
И, обожженный в солнечной печи,
в разводах черных трудового грима,
из четких фраз сформирую кирпичи,
из чутких слов
я замешаю глину.
Пока меж небом и землей вишу,
пока лоза наращивает стебель,
пусть не твердят,
что дом я возвожу
в какую-то немислимую степень.
Простое зданье, с небом на челе.
И я мечтаю строчкою люблю,
что в нем хоть раз найдут себе ночлег
те, кто, как я,
к тебе полны любовьюю.

ВОСЬМИСТИШИЯ

* * *

Хорошему нет меры, нет цены.
Определить его — не знаем слова.
Какие нам сравнения ни даны —
все ищем вновь и не находим снова.

Плохое же заденет нас слегка —
глядь, вырос лес, где было прежде голо:

сравненья так и рвутся с языка,
слова летят — одно точней другого!

* * *

— Любовь, я устал твои муки терпеть,
ловить мимолетную милость.
Я долго терпел, но довольно:
Теперь терпенье мое истощилось!

— Бедняга влюбленный! Пустые слова...
Тягаться с любовью самую?
Ведь только когда ухожу я сама,
терпенье уходит со мною!

* * *

— Кто, когда под мужскую личиной
доблесть теплится, еле жива,
может сделать мужчину мужчиной?
— Только женщина, только жена!..

— А когда повзрослевшему сыну
тяжесть всякая не тяжела,
кто сумеет сломить эту силу?
— Только женщина, только жена...

* * *

Все пройдя, всего вкусив сполна,
под конец поймешь на пепелище!
все равно, и полвойны — война,
все равно, и пол-лепешки — пища.

Но давно замечено людьми:
до чего законы жизни строги
к тем, кому довольно пол-любви,
к тем, что повернули с полдороги!

* * *

Быстро бегу — догоняю беду:
того гляди, доконает.
Умерю ли шаг, пойду не спеша —
беда меня догоняет!

Счастья ты ждешь, медлишь... и что ж?
Тем, впереди, досталось!
Мчишься ли вслед — вот оно... нет:
там, позади, осталось.

* * *

От межи бредешь до межи,
знай, взлетает рука одна лишь...
Что ж ты сеешь, пахарь, скажи?
— Вот в земле прорастет — узнаешь...

— В песне вроде урока нет:
зло — не судишь, добро — не хвалишь.
Так о чем же ты пел, поэт?
— Вот в душе прорастет — узнаешь...

КАМЕНЬ, УБИВШИЙ ХАМЗУ

1

Все так странно и просто.
И сумерки дрыхнут в канаве.
Нарисованный полдень
в действительность сходит
с листа.
Начинается дождь,
точно топот победных конармий...

И несется,
несется
лихая метелица та!..

Все так странно и просто,
А может,
и не было вовсе
этой прожитой жизни
и мне только восемь всего —
мне всего только восемь,
и в эту высокую осень
я вхожу потихоньку,
как путник в большое село...

Еще нету вестей,
и листва
своей жалобой вещей
не коснулась души,
и страница былая
бела,
на которой слова
лягут в черную рамку известья,
когда день
навсегда
в горький траур оденет
беда.

Это г полдень глядит,
но еще из неведомой дали,
Этот камень летит,
но пока .
неизвестно еще,
долетит или нет,
и куда он, проклятый, ударит —
может, прямо в висок,
может, в руку,
а может, в плечо...

Оглянись, человек,
посмотри в этот угол,
налево —
на кого так коварно
нацелилась
ветки коса?
Эта пыльная площадь
легла,
как немая новелла,
ход которой, наверно,
нельзя предсказать
до конца.

Этот камень летит...
Или нет еще?
Полдень не рухнул
в раскаленную пыль...
Не обуглилось небо,
грозя...
Как же мне удержать,
отклонить неразумную руку,
бросить быть,
словно пыль,
в распаленные злобой глаза?

Оглянись, человек!
Ведь пути твои были
не гладки.
С глазу на глаз постой
с настороженной той
тишиной.
Оглянись, подожди!..
Но не ведает время оглядки.
Ты же —
Временем был,
воплотившимся
в образ живой.

Был ты правдой самой,
что вещает,
не ведая правил.
Был ты словом,
о новом
поведавшем
спешную весть.
Как ни взвесь —
будь ты здесь,
ты бы, может быть,
строчку исправил,
а дорогу свою ты б оставил
такою, как есть.
Как постичь этот миг
перед бездной, в которую канем, —
этот шаг,
это слово,
что словно
свинцом налито?..
Этот камень летит.
И покуда летит этот камень,
напоследок смотрю я
в усталое это лицо.

2

Из века в век один и тот же промах,
один и тог же роковой просчет:
убить певца,
чей голос чист и громок,
забыв,
что песнь,
как семя — прорастет.
Из века в век всегда одни и те же
бессмысленные сговоры с судьбой:
сгубить поэта в яростной надежде,
что слово вслед
умрет само собой!

Но голос смолк — а песня не сдаётся.
Поэт погиб —
а стих гремит, язвит.
И будет так, покуда остаётся
поэзии немолкнувший язык!
В какой бы век, в какой бы новый ярус
история земли ни перешла,
не может быть,
чтобы охвостья ярость
живую связь с грядущим пережгла.
Какие в мире беды ни бывали,
весь цвет земли кидая под косу,
не может быть,
чтоб слово убивали,
как Улугбека,
Пушкина,
Хамзу.

3

А над нашей землей
продолжается
добрая осень.
Как арба за бугром,
где-то катится
медленный гром.
Дождь прошёл.
Хорошо,..
Так, как будто и не было вовсе
этой площади пыльной
и кучки убийц за углом.
Но ведь площадь была!..
Она есть,
эта страшная площадь...
Солнце памяти жжет
и таранит
полдневную даль,

где оскаленный враг,
подтолкнувши другого, попроще,
камень в руку сует
и шипит, а не шепчет:
«Кидай!» И летит этот камень
над площадью
в Шахимардане.
Свист такой,
словно кто
над вселенной заносит косу,
Это изо дня в день,
сквозь года,
из преданья в преданье
все летит и летит
этот камень, убивший Хамзу.

Скажешь — время ушло?
Не спеши зарекаться.
Прикинь-ка:
разве мир и сегодня
не платит такую же дань?
Разве те,
антиподы,
убийцы, стрелявшие в Кинга,
не из той же породы,
что видывал Шахимардан?
Разве в юных столицах,
где ветер знамена полощет,
алой кровью убитых
не так же
пятнается шелк, —
те же камни свистят,
те же пули летят
через площадь
в тех,
кто слово возвысил,
сияющий факел
зажег?..

Это сгинет,
уйдет,
в безоглядное прошлое канет.
Но не время покамест
смежать безмятежно глаза.
Этот камень летит.
Поспеши,
удержи этот камень,
чтоб, взмахнувши руками,
не рухнул на камни
Хамза...

БЕРЕЗЫ

Костер взметается, и мрак
назад отпрыгивает волком.
И вьется пламя, точно флаг,
а вот какой, не знаю толком.

Пока, сгорая без следа,
в костер уходя г сучьев звенья —
в нем все оттенки и цвета
проскальзывают на мгновенье.

Как волк, отпрыгивает мрак.
В погоню музыка стремится.
Вокруг огня — алей, чем мак,
поющих радостные лица.

Деревьев белые стволы,
элиты рощицы окрестной,
нежданно выступив из мглы,
по одному идут погреться.

Но в отблесках, как бы в огнях,
вдруг вытянутся цепью хора —
и обернется березняк

знакомой труппою «Бахора»...

И все, что в памяти берег —
что только мы и знаем сами —
в игре застенчивой берез
вновь предстает перед глазами.

И вот поверить я готов,
что ты и вправду тут, Тамара...
Так много прожито годов,
а все мне кажется: так мало.

Но лет полет любви не стер,
и на земле, над ночью сонной,
горит костер, горит костер,
тобой и мною разоженный...

* * *

Не говори им, сколько Лет
ты прожила на белом свете:
очей невыветренный свет
пусть им по-своему ответит.

Сверкни улыбкою, когда
займутся чьими-то годами,
чтобы они твои года
по той улыбке угадали.

Щелчком намек случайный сбрось
не отдавай напрасной дани,
когда бесхитростный вопрос,
как камень, по сердцу ударит.

Скажи сама, ну что — года
с превратностями их любимыми?..
А ты, как прежде, молода,

пока по-прежнему любима.

Мне все равно, мне все равно,
морщинка поздно или рано
мелькнет, как желтый лист в окно,
с неумолимого экрана.

Что в том, октябрь или апрель,
когда над жалкой медью клена
ты тянешься ко мне, как ель,
всей прелестью вечнозеленой.

ТАР

Тар мой древнюю тайну хранит —
обаяние певчего дара,
для которого нету границ,
если выведать тайну у тара.
Тайну двух сочетавшихся струн,
что на шее лежат лебединой,
тайну двух низвергавшихся струй,
ставших речью речною единой.
Надо так прикоснуться к одной,
что в ответ отзовется другая,
и натянется сердце струной,
все бывшее свое окликаая.
Эта тайна и вправду стара.
Так издревле, и в самом начале,
две души, как Тахир и Зухра,
нераздельно над миром звучали.
И недаром неловкий удар,
что струну обрывает случайно,
убивает
пленительный тар —
дар певучий,
двуструнную тайну...

БЕЛАЯ НОЧЬ

Луна над смутной глубиною,
обманутое бремя сна...
Свет белой ночи — как былое:
прозрачно, а не видно дна.
Но вот хмельного ветра струи
заденут невскую струю,
и неизведанные струны
вплетутся в музыку мою.
И вдруг почудится, что это
как раз и есть
не явь, а сон,
и ты двойной игрою света
в грядущее перенесен.
И, странной ночью избалован,
стоишь, дыханье затая,
вылавливая из бывшего
свое сегодняшнее я...

ДОЖДЬ

Снова серо в просторах пропащих,
словно в сетке, поля залегли.
Лупит дождь, как глухой барабанщик,
по натянутой коже земли.
Дробь лихая то ближе,
то глуше.
Ветер вступится, струи змея, —
и огромные черные лужи
раскрывает, как раны, земля.
И тогда мне становится видно,
как высок этой песни настрой,
и просторы
в свою сердцевину
принимают осеннюю дробь.

И чечетки томительной скорость
доброй музыкой сердцу звенит,
и мерещится куст или колос
в каждой капле,
низвергшейся вниз.

* * *

Любовь, ты не время года.
Не жалостливость.
Не боль.
Ты яростная охота
за молодостью,
любовь!
Коня надежды стегая
в душе — открытой степи,
погибни, дичь настигая, —
только не уступи!..

* * *

Ты знаешь, как чернеет белый лист,
когда его коснется снизу пламя?
Так жизни цвет с людских уходит лиц,
покуда боль
живую душу плавит.
И пусть черты знакомые лица
страдания переживают сроки —
порой и прах сожженного листа
еще хранит
написанные строки...

ХАМИД ГУЛЯМ

ТАНЕЦ

С чем сравню эту зимнюю полночь?
Небогат наш язык,
небогат!..
Ты кивнешь,
улыбнешься,
наполнишь
зыбким золотом тонкий бокал.

Выпьем?
Выпьем!..
Как пламя заката,
свет свечи пронзает вино.
Эта ночь впереди — как загадка,
что разгадана нами давно.

Отчего же, скажи, отчего же,
несказанно округа седа,
и опять ни на что не похожа,
и надеждой полна, как всегда?..

Сумрак сладко томит нас и тянет
миг, когда все меняется вдруг.
В тишине начинается ганец:
танцовщица является в круг.

В световом отграниченном круге
тень от платя метнемся, крива,
но плывут эти белые руки,
точно тихие чьи-то крыла.

Ах, взгляни, дорогая, взгляни же!
Все отчетливей бубен поет.
Все быстрее, томительней, ближе,
все понятнее этот полег.

Песня, бабочка, Шахразада!
Изогнулась короной коса.
У того, что она рассказала,
нет начала,
не будет конца!..

И обыденность — пусть ее тщится
все принизить, что в сердце таим, —
отметет ее прочь танцовщица
промелькнувшим подолом своим.

Все, что гадало,
все, что желанно,
обещает она на лету
и в текучих шелках Маргилана
за звездой зажигает звезду.

Ах, смотри, дорогая, как пусто
может быть в этом светлом краю,
если вечная сила искусства
не внесет в него долю свою!

Где ж исток этих радостных таинств,
где граница?
Вовне иль внутри?
И неужто кончается танец?
Ах, смотри, дорогая, смотри...

Вот свеча оплывает, мигая,
в щели ветер врывается, свеж.
Потанцуем еще, дорогая.
Потанцуем,
еще не рассвет...

* * *

Все стерпи — небреженье, и горечь,
и разлуку, коль так повелось.
Захоти лишь — и ты переспоришь
уводящую к пропасти злость.

Все не просто. Явленье — двояко.
Нет на свете бессмысленных зол.
Р1ли случай, коварный, как Яго,
к вам под крышу нежданно зашел?

И над ясностью вставшая туча,
тенью легшая наземь беда
тут же минет, рассеется тут же,
промелькнет, не оставив следа?..

Все не просто. Лишь вера едина,
вера — воздух счастливого дня.
Без огня не подыметса дыма,
только дым — от какого огня?

Перед черной чертой ускоренья
будь отважен и сдержан вдвойне,
Тот огонь... вы же сами горели
в этом чистом и сильном огне?

Пересиль же тоску и тревогу,
что, как ржавчина, в сердце растет, —
и себе уяснишь понемногу
этих ссор бескорыстный расчет.

Нет любви, неизменной до гроба.
Как и жизнь, перемены — в крови.
Эти ссоры — как тайная проба:
что осталось от вашей любви?

В озабоченной, хмурой — теперь в ней
что живет от былой высоты?..
Будь терпим!..

Но и в море терпенья
не прежди заповедной черты.

Чтоб не спутать томительной дрожи
с неизбывною жаждой души,
ненароком не выстелить ложе
равнодушной и вкрадчивой лжи.

Как она вездесущей пролазой
оплетает любые дела,
как она всемогущей проказой
проникает в живые тела!..

Что — размолвок случайная горечь
перед пляскою лживых теней?..
Эту ложь невозможно оспорить,
но и жить ведь немислимо с ней.

Лиц не видно — какие-то маски.
Все постыло и пусто теперь.
Ложь вошла? Значит, конечно. Баста!
Ни к чему вспоминать и терпеть.

ЛЕТО

Ну и жара! Уже явно за сорок,
но оскудеет не скоро запас:
солнце с рассвета играет во взорах,
словно невиданный пламенный саз.
Ранние дыни созрели...
И это наше узбекское щедрое лето
свой дастархан расстилает для нас.

Ярок и весел ковер неоглядный,
Вскинулся ветер — и сразу обмяк.
Хлопок развесил цветные гирлянды.
Хлеб убирают на ближних холмах.

Это — как гимн изобилию!
Это наше узбекское щедрое лето
свой необычный являет размах.

Жарко!..
Но пламени полдня не рада ль
буйная поросьль?
Напрасный вопрос!
Вместо ответа спешит виноградарь
чутко прислушаться к шепоту лоз.
Видишь, чарас наливаются?..
Это наше узбекское щедрое лето
полнится солнцем,
торопится в рост!

Житницы мяса и шелковой шерсти —
пастбища тянутся за окоем.
Не к чабанам ли заехать?
И вместе выпьем кумысу, поспорим, споем
Вот где мыслители! Вот где поэты!
Это узбекское щедрое лето
их воспитало во вкусе своем.

С виду — пожар, а на ощупь — прохлада.
Глазу отрада — шелков пестрота!
Ну, а пока шепоток шелкопряда
под вечер рада
послушать страда.
Пусть в переливах волшебного цвета
наше узбекское щедрое лето
люди потом
узнают без труда!

И огороды нас встретят неплохо:
светит капуста халат голубой,
горы моркови готовы для плова,
сладкого лука с седой головой.
Так и мерещится время обеда!

Это узбекское щедрое лето
загодя всех приглашает на той.

Дальше идемте, в сады, что за домом!
Сыплется в руки янтарный урюк,
груши — как лампочки сети садовой,
персиков щеки алеют вокруг.
В зелени яблонь — плоды, как планеты...
Это узбекское щедрое лето
так воздаст садоводам за труд.

Это пора безобманной погоды,
время работать и годы ценить,
радовать душу, вставать до восхода
и синевой свои очи синить.
Это пора созиданья и света! —
наше узбекское щедрое лето,
года вершина
и жизни зенит.

Месяцы напрочь распахнутых окон,
напрочь открытых сердец и дверей!
Все-то мы вместе под солнечным оком,
все мы в тепле — и добрей и щедрей.
Вместе мы все, но почувствовать это
наше узбекское щедрое лето
нам помогает
верней и скорей...

ПЕРЕВАЛ

Радовались, жили, горевали...
Рядом или порознь?
Все равно.
Вместе нам на этом перевале
оглянуться, сверстник, суждено.
Желтый лист мелькает в кроне летней.

И, впервой увиденный сполна,
этот мир пятидесятилетний
позади —
как целая страна.
Высоко мы встали над долиной.
Наша жизнь — в немыслимой дали.
Этот путь, стремительный и длинный —
неужели мы его прошли?
Там,
далече,
в самом ясном свете,
где у кромки дыбится прибой,
эти расшалившиеся дети —
неужели это мы с тобой?
Там, где розы ранние свежели,
как венец весенней кутерьмы, —
два юнца неловких... неужели,
неужели это тоже мы?
Странно вспомнить...
даже вспомнить странно.
Волнами штурмуя перевал,
возникают возрасты, как страны,
где и ты однажды побывал.
Сложный ритм усталости и пыла.
Отрезвей,
опомнись,
осади...
Было, было! Да неужто было?
Это все — неужто позади?
Или нас околдовало слово
миражем придуманных годин,
и опять, как некогда, мы снова
не назад — в грядущее глядим?..
Мы, как все, — трудились, горевали,
пробовали горькое вино.
Нам, как всем, на этом перевале
оглянуться, сверстник, суждено.
Жизнь лежит,

как желтый круг от лампы.
Все не так, как в юности! И вот
нынче мы, как некие атланты,
нашей жизни держим небосвод.
Где же те, что в сердце нас вписали?
В их руках не утопить лица.
Все, что нам положено, — мы сами
понесем отныне до конца.
До конца! И пусть бывое снится,
пылевою скрыто пеленой, —
от финала
нам не заслониться,
как бывало,
чьей-нибудь спиной...
Наша жизнь.
И если б только наша!
Разве позабыть, что навсегда
сложена на эти плечи ноша тех,
других,
что не дошли сюда?..
Нет, о вас мы помнить не устали,
времени не смытые волной
мальчики под белыми крестами,
в двадцать лет убитые войной.
И за вас мы доживаем годы,
примеряясь к прошлому опять, —
умершие в сорок садоводы
и поэт, погибший в тридцать пять.
И нельзя нам выбрать путь полегче,
и кострам не выгореть дотла,
потому что взяли мы на плечи
ваши ноши,
песни
и дела...
Мы — живем.
За жизнь — не надо платы.
И пускай такая полоса:
нам подносят пышные халаты,

пышные читают адреса.
Но не то же ль разве солнце светит
яблоком
среди этой кутерьмы?
Оглянись и поразмысли, сверстник:
разве мы —
совсем уже не мы?
Не ушло, не смолкло, не остыло
нас одушевлявшее с тобой.
Те же мы!..
И попросту из тыла
к линии спешим передовой.
Принято великое решение.
Мы с тобой готовы, ты и я,
Предстоит великое сражение
с черным колдовством небытия,
Не томись же зря на перевале.
Нам свидетель — вечная заря:
верили, творили, горевали...
Значит, жили.
Стало быть, не зря.

ЭГАМ РАХИМ

ВЕРШИНА

Стоит утренней дымке растаять —
ночь уйдет, как в подполья вода,
отовсюду
над очерком зданий
эта белая шапка видна.

Над листвою осеннею рыжей,
над клубящейся пылью дорог
и над черною чопорной крышей —
лишь бы только ты
видеть дорос.

Высотой далекою дышишь,
различаешь Сверкающий фас —
потому что стократ это выше
мелочей,
разделяющих вас.

САМОЛЁТ НАД КАРАКУМАМИ

Горит цветок пропеллера в окне
над серо-желтым наждаком пустыни,
и далеко-далёко
тень облака синее на земле,
как безымянная река,
и тянется куда-то,
в бескрайние, моря прохлады.
А мы висим меж небом и землей
тяжелым сгустком гула,
и где-то там, внизу,
оторванная наша тень
без привязи
бежит за нами.

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

Пока воображение на ногой
в день завтрашний —
зеваает да плетется;
пока еще не ведает огонь
того, что сжечь дотла ему придется;
и скакуна не обжигает плеть,
и скорбных кляч не мучит понуканье,
а мы бредем пешочком, и на треть
дороги не измеривши ногами;
покуда осторожности пила,
как доску, замысел не опилила;
пока перу не сказано: пора! —
и гладь листа не подняли чернила;
пока готов клониться небосклон,
куда хотим, мелькнувшей строчки ради,
и свой порядок здесь не заведен,
как в каждом роде пли в каждой рати, —
поразмышлять я запросто хочу
о нашем с вами будущем герое.
И впрямь ли он поэме по плечу?
Пока что я в сомнении,
не скрою.

И что за птица — «будущий герой»?
Еще и часу с нами он не прожил.
Еще, как тень, мелькает нам порой —
а весь, как есть, заложен в нашем прошлом!
Пока мы тщимся близь и даль объять,
он исподволь черты живые копит,
в садке взболтав осадок и опять
наш давешний процеживая опыт...

Да, как бы этим ни был ты задет,
прими, поэт, без горечи и пыла:

что на бумаге ни произойдет —
тебе из жизни память раздобыла.
Ложится в пыль, как пенный след коней,
минувшее.

Но чем оно забытей,
тем ослепит вернее под конец
в развязке непридуманных событий.

Не оттого ль так непомерен груз,
что выдумка берет себе на плечи?
О, как подъем в чужие выси крут!
Как тянет нас найти тропу полегче!
Не зря вскипает ветром тишина.
Недаром явь мешается со снами.
Ей слишком эта ноша тяжела:
чьего-нибудь —
и нашего сознания.
И век чужой, увы, неповторим.
Пусть, как ковчег, он уцелел в потоке —
но, выловив, мы вновь его творим,
перекроив по своему подобью.
Что ж, рассуди.
Вот факт.
Вот персонаж.
Вот — на верах — твое и наше время.
Лишь отпусти нам- грех невольный наш —
обманчивость любого повторенья!
Ты видел жизнь борьбой, в не игрой,
поблажек пошлостью не избалован...
Войди ж без стука, будущий герой,
к нам сызнава идущий из бывшего!

Двадцатый век.
Двадцатые года.
Как в эту даль попристальней взглядеться
Пора неизмеримого труда.
И поиска.
Начало. Но не детство.

Какая жажда жизни:
покорись,
открой нам все, чего мы не видали!
Да, это жадность.
Жадность — не корысть!
Корысти здесь не отдавали дани...
Себе цены не ведая, порой
в пустых грехах винулись перед строем.
Но ведь герой — лишь до того герой,
как сам себя
провозгласил героем!
Итак — итог?..
По полноте. Пора.
Другим оставим место для полемик.
Прощай, страницы праздная пола!
А нам пора к заждавшейся поэме.
И пусть,
в горячке спутав имена
и на скаку крича потомству:
«Вот я!»,
воображенье шпорит скакуна —
история не выпустит поводья.

* * *

Снова осень над крышами, осень...
Догоревшей урючины медь.
Скоро ветер швырнет ее. оземь,
опустив свой невидимый меч.
Снова осень над крышами, осень.
Но печалиться нам не к лицу;
мы ведь знаем — стираются оси,
коль вертеться дано колесу.
И на яркость прощальную эту
человек без опаски глядит,
возвративши с процентами лету
все, что взято весною в кредит...

Солнце катится, сини не плавя,
мысли глубже,
дыханье полней,
и плывет негасимое пламя
над просторами белых полей.

ГАЗЕЛЬ

Поля охоты опустели.
По дивной цели не палят.
Полет стремительной газели
уже не виден в тех полях.
И все ж, когда нам вечер близок
и понапрасну не спешим —
мы замечаем легкий призрак
среди грохочущих машин...

Так в мире крупногабаритном,
где поселился новый ритм,
газель своих двустий ритмом
нам слишком мало говорит.
Но сходит вечер, флаг спустивший,
и поневоле ощутишь;
печаль и ласковость двустий
душе отмеривают тишь.
В них есть и боль,
и свет,
и горе,
и все, чем жизнь твоя жила.
И в том медлительном повторе
повторность дней обнажена.
И спелой гроздью мысль повисла
в сплетенном истоиво венце,
где — рифм вторенье,
смена смысла
и имя автора в конце...

НАЗАРМАТ

ДИКИЙ МИНДАЛЬ НАД УЩЕЛЬЕМ

Меж каменных зубьев над бездной,
где зорко прищурилась даль —
как облачко бабочек белых,
расцветший вознесся миндаль.

А черная грива гранита
упрямую тяжесть хранит —
незыблемая граница
земли с синевой без границ.

И — скал неожиданный житель —
миндаль в первозданном цвету
спешит перейти, нарушитель,
границу суровую ту.

И кажется:
вырвалось это
таившееся до поры
нежнейшее облачко света —
из черного чрева горы,

И кажется:
суть свою выдав,
лишь с виду
черна и гола —
как вскрик,
как признание,
как выдох,
его породила гора...

АСКАД МУХТАР

ДЕНЬ

Все было так обычно: день как день.
Мы просыпались на рассвете раннем,
росла и укорачивалась тень,
и солнце шло к земле,
листву тараня.
И начинались с самого утра
обычные, привычные заботы.
Завод работал, пущенный вчера,
и новыхстроек
Высились заборы.
Смеялись дети;
приземлялись ТУ,
из облаков выныривая книзу,
и снова набирали высоту,
как новую
нечитаную книгу...
День был как день.
Такой же, как тогда,
когда,
презрев пустые пререканья,
взлетела в небо
первая звезда,
людскими сотворенная руками;
или когда ушла ракета вверх —
и, звездное пронзая мельтешение,
вернулся с неба
первый человек,
земное одолевший притяженье...
Был этот день обычным
нашим днем.
Минуты шли — и так казались мелки!
Но все события умещались в нем,
как в лучшем платье,
сшитом без примерки.

Дней нашей жизни — сколько их прошло!
И знаю я: их главная примета —
не то четырехзначное число,
которому в строке не хватит места;
ведь труд
на каждом оставлял рубец!
И, в завтрашнем своем души не чая,
был каждый день — невиданный рубеж,
был каждый день итогом —
и началом...
И каждый, утро начиная здесь,
готов был в прошлом
к полдню очутиться,
и в каждом
мы оставили частицу
своих неостывающих сердец!..
День был как день.
Такой же, как всегда.
Его
из повседневности, из яви,
из самого обычного труда,
как монумент эпохе,
изваяли.

ВСЕ НА СВЕТЕ ИМЕЕТ МЕРУ

Все на свете имеет меру:
каждый труд,
каждый плод и сад.
Лишь поэзия но умела
строки взвешивать
на весах.
То печальною, то веселой,
работящая, как пчела,
неизмеренной, невесомой
она в души людские шла.
Не считала, подобно прочим,

высока ли она,
длинна...
Не нужна ей была жилплощадь —
просто площадь
была нужна!
Чтоб, взметнувши себя, как знамя,
выше зданий,
веков
и вер,
полной мерой она познала
всю свою высоту
и вес...

КАК ЗАКОН ТЯГОТЕНЬЯ

Как закон тяготенья всемирною
утверждает
планету в просторе,
так и нас,
не казня и не милюя,
той же силой связует
простою.
Кто собою самим пробавляется,
промелькнет—
и забыт в одночасье!..
Кто-то счастлив — и мне прибавляется
беспричинная толика счастья.
Чье-то горе по городу рыскает —
сердце горестно
шаг умеряет.
С чьей-то смертью, далекой и близкою,
и частица меня
умирает...

В ВАГОНЕ

С зарею встанешь. Поглядишь в окно.
Все за окном
неведомо и сине.
Вагон трясет,
в столбик, точно гном,
подпрыгнув,
в тени прячется косые.
Забывтый сон,
как сор,
рукой смахнешь.
Ночь позади.
Давно ли с днем прощались?
И снова день!..
Пока ты спал — сквозь ночь,
как сквозь тоннель,
вы с поездом промчались.
Что ночь в вагоне? Тьма и тьма в окне!
Подушку взбить и сном забыться мирно...
Но сколько станций,
станций и огней,
пока ты спал,
в ночи мелькнуло мимо!

КОСТЕР

Звезды высокое свеченье.
Закат свершился.
Слух остер.
Вот в этот час ежевечерне
я зажигаю мой костер.

Сперва в золу седую дую,
остывший пепел ворошу,
потом над углями колдую
и властвую, и ворожу.

Огня неслышимая скорость

рождает пляшущую тень,
и я подбрасываю хворост,
накопленный за долгий день.
Людей,
дома,
деревья,
камни
я вовлекаю в странный ритм.

Костер живыми языками
со мной до утра говорит.
Погасло пламя. Звезды низки.
И я поверить не могу,
что не найду под пеплом искры
и вновь
костер не разожгу.

УПАЛО ЯБЛОКО

Упало яблоко, сорвавшись с ветки.
Все соки жизни за лето вобрав,
пронизанное свежестью и светом —
упало с ветки.
С высоты — во прах.
И в тот же миг, спустя секунду ровно,
ему,
еще прекрасному пока,
уже вонзала тощая ворона
нечистый клюв
в нежнейшие бока.
Расковыряла кожу сначала,
полезла вглубь,
кромсая и черня...

Красы его она не замечала —
она искала в яблоке
червя.

* * *

Не все в стихах должно быть просто,
чтоб на ходу прочел — и вник,
п пересказывалось прозой
поэтом вложенное в них.

И древен способ их, и молод:
откинув некое звено,
поэзия, из недомолвок
ты давишь терпкое вино.

И скромн облик их, и дерзок:
опровергая здравый суд,
поэзия, из передержек
свою ты извлекаешь суть.

И не заносишься спесиво:
чудная — пусть!
хмельная — пусть! —
где трезвой мысли не под силу,
ты к нам прокладываешь путь.

Страницы белые, помяты,
но к ним спешим
прижать уста,
когда становится понятна
твоя простая правота.

* * *

Идет великая вода
и гонт рыжих волн ораву,
Аму торопится к Аралу:
ей цель великая видна.

И разве в том ее вина,
что это
где-то
не по нраву?..
Аму торопится к Аралу —
и в этом вся она,
сполна.
Срывает к черту берега,
весь слой наносов
заскорузлый.
Находит путь — меняет русло:
течет
великая река!
Не верь, художник, никому,
кто разорвать не смеет цепи,
и в устремленье к высшей цели
бери в пример себе —

И СОЗДАЛИ РЕЧЬ

И создали речь — чтоб отныне сама все,
все обозначила словом.
Придумали буквы — чтоб эти слова,
умолкнув,
звучали бы снова.
Пробили дороги в теснинах земли,
породу круша и корежа.
Даль укротили — изобрели
полозья, весло, колеса.
Взнуздали ветер бегом коня,
уздой парусов и крыльев.
Ночь осветили подобьем дня,
тайны светил раскрыли.
Хоть думали разно — твердили одно,
а разум кляли напрасно.
Стихи сочиняли. Давили вино —
и пили в траур и в праздник.

Стремились жадно
мысли прочесть,
словам возводя плотины.
Любовь губили, спасая честь,
а честью любви платили.
Шли на смерть.
Терзались давнишней виной.
Терпели и боль и разлуку.
И все это делали с целью одной:
чтоб сделаться ближе друг другу.

* * *

Чьи-то судьбы примеривши к нашей,
мы подчас забываем одно:
счастье кажется легкою ношей,
только тяжело дается оно.

Урожай — от зерна, от побега —
сколько требует мук и воды!
Так и счастье — всего лишь победа
над какою-то частью беды.

Счастье кажется легкою ношей...
Мы от истины недалеко.
Ведь недаром, в беспечности нашей,
мы к нему привыкаем легко.

Счастья годы — как белые горы,
что над нами сияют в пути.
Горе — камни дорог, по которым,
не калечась, не можем пройти.

* * *

Ночь коротка — как восклицанье.

И мир, что мучился и рос,
за этот малый срок
с лица не
успел стереть
морщин и слез.
И все, что было, все, что было,
как на исписанном листе,
всей повестью тоски и пыла
вновь проступило
на лице.
Светает. Медленно светает.
Мелькают тени на снегу.
И ветер прошлое сметает
и отмыкает синеву.

ПОМОЛЧИМ

Не говори об этом. Помолчи.
Узнать об этом
надо нам так много!
Слова, как зайцы, затаясь в ночи,
грозят опять перебежать дорогу.

А ночь стоит, предсказанная в снах,
и шорох мыслей внятн ей и ведом.
Мы помолчим. Слова — недобрый знак.
Они лишь тени
перед нашим светом.

* * *

Размыта ветром тишина.
Широко даль раскрыли.
Простор. Весна.
Раствор окна
сродни размаху крыльев.

Так вырос воздуха паек,
летучих слов сгоранье,
как будто комнаты полет
уже не за горами.
И кров травы так чист и част,
так пышен не по смете,
как будто нам
какой-то час
остался
до бессмертья.

* * *

Соловей замолчал
за сиренью.
Звезды реже,
и небо серей.
И сиреневое оперенье,
точно слезы, роняет сирень.
И земля задержала дыханье,
затаила движенье свое,
точно маленькой птички молчанье
так же сладко,
как пенье ее.

РУБАБ

Поет печальным голосом рубаб,
и белый месяц стынет за листвою,
и внятен вкус печали на губах,
оставленный исчезнувшей слезою.
О соль печальных уст!
О снег луны!
О слезы струн!..
Поведай мне, откуда
опять мы в эту ночь принесены,

где снова нас соединило чудо?
О, отвечай!..
Покуда на губах
жива слеза,
покуда тень не тает,
покуда месяц кругл, как рубаб,
пока рубаб, как голос твой, рыдает.

* * *

Скрипит арба, крылами птица машет,
и арбакеш поет о чем-нибудь.
Журавль в полете, и солдат на марше
все знают: песня
сокращает путь.
О песен лад, добра и горя вестник,
меня в дороге этой не забудь.
Недаром я полжизни прожил в песнях
хоть это мой
и сокращало путь,

* * *

Оттого, что песня так грустна,
все слова — как дареные перстни.
Сердце проникается сполна
каждым словом,
каждым звуком песни.

Сколько лет,
о, сколько долгих лет
лить дождем
или костром гореть ей!
Отчего ж веселым песням нет
на земле
такого долголетия?

Или в час любой у нас едва ль
милых нет,
по ком тоскуют очи,
и недаром всякая печаль
в дом чужой, как в дом заходит отчий?

Иль слова, что счастьем рождены,
носят всюду собственное имя,
и счастливым просто не нужны
радости,
воспетые другими?

* * *

О, эта тишь перед рассветом!
Все тьмой до края налилось.
День не рожден и не разведан,
и мир бесформен, как хаос.

Но где-то, в самой гуще ночи,
пичуга пискнула слегка —
две-три случайных, слабых ноты,
во сне прочтенные с листа.

И этих странных звуков дикость
как бы означила черты —
как будто утро пробудилось
во чреве черном темноты;

и тотчас — рядом, за версту ли —
забормотало все окрест,
как будто перед увертюрой
себя настраивал оркестр;

пахнул туман, на листьях сонных
зажегся луч, и, наконец,

из рощи в мир скатился соло
поток серебряных колец...

И чудилось уже не вчуже
зари багровое кольцо:
разбужен голосом пичужки,
мир обретал свое лицо.

* * *

Вот след разлуки, точно плуга след,
лег на чело

тяжелою морщиной.

О, вижу я, печальный пахарь слеш
он с женщиной жесток,
как и с мужчиной!

И встреча не изгладит ничего,
чему разлука горькая виною,
и вспаханное горечью чело
не станет снова
нежной целиною.

Прости, прости, любимая,
и рук не отнимай,
но вдумайся однажды:
не будь на свете нам дано разлук,
какою мерой
мерить встречи наши?

* * *

Неловкое слово, как пуля шальная,
тебя так неожиданно
и больно задело...

Прости мне, я вижу вину свою,
знаю, как болью обиды изломано тело.
Прости мне!

Печальные плечи затихли.
Врачам неподвластны такие вот травмы.
Но в памяти сердца,
в невидимом тигле,
прибавилась новая капля отравы.
Слеза покатилась
звездю по небу —
по небу той первой,
той снящейся ночи...
Прости мне. Звезда покатилась — и нету.
Молчу.
И не знаю дороги короче.

О ТЕБЕ Я ДУМАЮ

Вновь о тебе я думаю,
и думы
мои так долги,
нету им предела.
Пусть так же долго будет счастье дома,
что для себя ты выбрать захотела.
Вновь о тебе я думаю,
и думы
так глубоки —
как глаз твоих колодцы.
В их глубине,
в их нежности бездонной
случайный блик не смеет расколоться,
Вновь о тебе я думаю,
и думы
так сплетены,
что мог бы сделать сеть я
и выловить из облачного дыма
тебе в подарок
лучшие созвездья,
Вновь о тебе я думаю,
так тихо

в моих мечтах
соединенье наше,
что был бы счастлив я,
когда и ты бы
так обо мне подумала однажды.

САЛОН

Есть в городе у нас такой салон —
там красотой художники торгуют.
О красоте там запросто толкуют...
Я захожу. Я говорю: «Салом!»
Я здесь знаком вот с этим
и вон с том...
Нет, их здесь нет, висят лишь их картины
кто знает: для музея? для квартиры? —
висят и смотрят на меня со стен.
И я смотрю.
Эффектных пятен ряд,
и смелый свет, и темной тени броскость...
Но в глубину, за холст, за эту плоскость,
как я ни тщусь, не проникает взгляд.
Здесь прилепиться не к чему душой.
И поздний час... пора домой...
Но тут-то
негромкий вскрик неброского этюда
летит ко мне из рамки небольшой.
Сперва я и не понял — что там в нем?..
Но тут же, по тревожно-сладкой боли,
и эту даль узнал, и это поле,
сухой дувал, облитый желтым Днем,
и эту зелень яростной травы,
и этой бурой крыши подоплеку,
и тех троих в тени неподалеку..,

Друзья мои! Конечно, это вы!
Но боже мой! Какой волшебный дар,

какое чудо краски или кисти
умершим тополям вернуло листья,
вам — юностью нетронутой воздав!
Как стороной она вас обошла,
вся смена лет, и лиц, и мест, и сроков
что, пренебрегши истиной суровой,
вас возвратила в давний наш кишлак!
Мне к вам шагнуть?.. Увы!
Зато за мной
пойдете вы в мой дом гостеприимный,
чтобы опять, как в той поре старинной
сопровождать мой долгий путь земной..
Сейчас, друзья, сейчас!..

Но что?.. И тут
меня подвел характер мой халатный!..
Пока смотрел я, продавец галантный
какой-то даме продал мой этюд!

В стекло витрины чей-то глаз косил,
смеясь, смотрели на меня картины,
мое бывшее в двери уходило,
и деньги пересчитывал кассир.

ДЕВОЧКА В ВУТАКАРЕ

Та девочка в осеннем Бутакаре
так верила, так радостна была,
и все глаза той вере потакали,
не ведавшей, что в мире есть беда.

Та девочка с хвостом косички жалкой,
что на спину ей трепетно свисал,
через кусты, сквозь полдень поля жаркий
с охапкой хлопка шедшая к весам...

О, как она ресницы всполошила,

как одевалась пламенем щека,
когда она ревниво положила
свой фартучек к ногам весовщика!

Как будто это было белой манной,
упавшей к нам с небес, со всех семи;
как будто бы от той охапки малой
зависело спасение земли!..

Иль, может, под осенней синью сонной,
где снег небес на белом солнце сох —
охапка та и впрямь была весомей,
чем мог поднять
стальной рычаг весов?..

Когда тоске ленивой потакаю,
перо бросаю у истока дня —
та девочка в осеннем Бутакаре,
припомнись мне
и пристыди меня!

Пока я тщусь сомнения развеять
и первых строк уныло ждет рука —
о господи,
мне так же дай поверить
в необходимость моего труда!

Что слово станет ливнем,
громом, градом.
высокой скрипкой, спевшей сердцу в тон,
иль, как охапка хлопка — килограммом,
дополнившим последнюю из тонн!

* * *

Гаснет клена последний огарок,
запоздалые стаи летят.

И глаза у оставшихся галок,
точно бусины, в поле блестят.

Сад в разлуке, и луг озабочен
исчезающим абрисом гор.
И тутовник дрожит у обочин
перед взглядом осенним в упор.

День-то, впрочем,
ни темен, ни светел.
Спи тутовник, и нас не тревожь!.,
Но не так же ли времени ветер
нас кидает по осени в дрожь?

И покудова небо сырое
остывает и блекнет во сне,
поневоле острей и суровой
эта память о нашей весне.

Где вы, первой любви сказанья?
Где ты, свет, что так вольно разлит?
Воротись он — какими глазами
я глядел бы на утренний лик!

Жизнь идет и уходит. Несносен
счет коварной ее правоты.
И Танталом усталая осень
на весенние смотрит плоды.

РУСТАВЕЛИ

О работа, работа, работа,
полонившая душу сполна!
Ни сомнений.
Ни жалоб.
Ни пота.
Семь веков не стихает она.

Пашет души невидимым плугом,
собирая невидимый хлеб.
Мечет стрелы всевидящим луком
через сотни стремительных лет.
Молча слушает ветер ответный,
ищет норы,
где хищник залег..
Где же сам ты, о труженик вечный?
Где же сам ты, о вечный стрелок?
Где ты?
Нету
тебя и в помине.
Колесница летит без возниц,
точно впрямь растворился ты в мире,
из которого
труд твой возник.
Хрупкий челн на волнах испытаний,
в бурном море мирской маеты,
где он, след
твоих бед
и скитаний,
одиссея разбитой мечты?
Перед мощью веков и природы —
и гранит
беззащитней стекла.
Пали крепости, рухнули своды
и Кура той поры
утекла.
Где же спросим?
В селеньи родимом
нет могилы под черной плитой.
Лишь луга, по которым бродил он,
той же нежной манят красотой.
Скупы надписи, хроники немые,
глух
напевов утраченных ритм.
Только голос великой поэмы
нам о нем — и о нас говорит.

О искусства великое чудо,
нам без слов твой понятен исток,
если строчкой, текущей оттуда,
снова боль он
и радость исторг...
Так, рожденная высью седою,
и Кура, у скалы под скулой,
хоть другою нас понт водою,
остается
все той же Курой.
И над недрами, спящими глухо,
продолжается жизни река,
и творенья великие духа,
точно реки,
текут сквозь века.

* * *

Какие дни! Опять весна
зимой-старухой завладела.
Оттаявшею старой девой
зима ей вверилась сполна.

И доля снега внесена
в буран цветенья оголтелый,
но всюду, всюду то и дело
во все вторгается весна.

Земля очнулась ото сна
и сильное размяла тело,
и примеряет неумело
наряд свой свадебный она.

А свод небесный впопыхах
на ней и впрямь женить решили.
В папахах дальние вершины
стоят друзьями жениха.

Подружки близкие — холмы —
оделись пламенем тюльпанов,
а косы ив
фатой туманов
укрыл дрожащий дух зимы...

Но гости все уже в пути,
уже столы накрыты рядом,
и только бурные дожди
порой нарушат весь порядок,
чтобы подарки ярких радуг
потом невесте поднести.
И в белой пене горный сай,
как наряженный жеребенок,
и журавлиный,
отдаленный
над миром слышится сурнай,
и эха звонкого «яр-яр»
в ущельях дальних раздается,
и с песней даль не растается,
и ширь земная раздается,
и свадьбы близится разгар.

* * *

Последний луч зари.
Пожар листвы последней.
Остановись. Замри.
И ты тут не посредник.
Вот умер год иль час —
проникнись их бедою.
Ты этих жизней часть,
а не наемник в доле.
Ты строчка в их судьбе!..
Но ты молчишь в покое.
Откуда же в тебе

спокойствие такое?
О сердце,
блудный сын
асфальта и редакций,
где,
где берешь ты сил,
чтобы не разрыдаться?
Иль в смутный миг такой
во что-то веришь вещь?..
Я так горжусь тобой,
о сердце человечье!
И слышу я в ответ:
«Не быть тоски мишенью
легко,
коль не отверг
простого утешенья.
Хоть гаснет луч зари —
в зрачке он остается,
и летний жар земли
с тобой не расстается —
он переходит в сок
прозрачный винограда,
в дары медовых сот
и россыпи граната.
Вот точно так и мы.
Пройдем, не повторимся,
но в чью-то страсть
и мысль
когда-то претворимся.
И выход мы найдем
из замкнутого круга,
держа свою ладонь
на головенке внука».

ВРЕМЯ

1

Скажи, есть ли время на свете?
Закаты, рождении дня...
Не это ли странные сети,
в которые ловят меня?
Вот дни мои, воды речные...
Но рекам даны имена.
О сети дневные, ночные,
в которые ловят меня!
О молодость, твой я наследник.
Ушла ты к другим,
измени.
Ушла ты — и час мой последний
мне ближе вчерашнего дня.
За что же тобою я предан,
немыслимой предан судьбе?..
Живу я — наследник и предок
себе, самому же себе.
Скажи, есть ли время на свете,
иль, мыслью просторы обняв,
мы сами придумали сети —
и в собственный верим обман?.,

2

Время — есть. Оно уносит юность,
тушит страсти, рушит без следа
все, что полюбилось, приглянулось.
Время — есть. Зовется — Никогда.
Прошлое — за тучей легкой пыли.
Спрятаны грядущие года.
Так, как нас любили те, что были,
нас уж не полюбят никогда.
Время, время, мы расстались с ними,
кто же знал, где радость,
где беда?.,
А какое впрямь ты носишь имя,
мы не угадаем никогда.

3

И все же
мы — зодчие времени.
Наш труд.
Наших мыслей заем.
И время зовется по имени
лишь так,
как его назовем.
Пока мы ему не напомнили,
как будни земные тяжки,
пока мы его не наполнили —
оно как пустые мешки.
Не праздностью пышной украшены,
не лоском,
что вечность придаст,
воистину годы лишь граждане
родившихся в них государств.
И как бы мы мало ни стоили
в прямом исчисленьи простом,
своим содержанием истории
мы времени полним простор.
Пусть кажутся беды огромными
над этой равниной немой,
пусть счастье отмечено граммами —
но мы рождены
для него.

4

Мы хлеб последний отдавали Кубе,
а нам в трамваях
доверья не было — на три копейки!
Вот парадоксы времени...
Они
мне непонятнее, чем те —
Эйнштейна.

Но не дивись,
о мой далекий правнук,
как не дивимся мы теперь тому,
что Прометей
не требовал патента.
Нас время старило
и пожирало,
как- Хронос собственных детей,
и все же
не в этом наша память, наши годы.
Мы — роды
грядущего, мы — муки
родильные, мы — руки,
протянутые сквозь века
к тебе.

* * *

Когда я смолоду гадал
над жизни начатой картиной,
порою в пот меня кидал
кончины страх неотвратимый.
А старики в своем кругу,
без горечи и без усилья,
как о покосе на лугу,
о смерти близкой говорили.
Их речи корчились во мне,
вползая холодом за ворот.
Казалась слов страшней вдвойне
обыденность их разговоров!..
Неужто в сладостном миру
вот так же вспыхнет сад осенний,
когда и я в свой час умру,
как все, не выпросив спасенья?
И будет так же женский смех
будить сердца мужские снова,
и сохранят все тот же снег

вершины гор белоголовых?..
Но годы шли,
и пряжу лет
стремительная пряла пряха.
Теперь во мне в помине нет
того томительного страха.
Минут у ночи не краду,
не плачу о минувшем годе.
Как старики в своем кругу,
я мирно мыслю об уходе.
Теперь я вижу: то во мне,
что тшилось в жизни укрепиться,
из самого меня вовне
переселилось по крупице.
Все то, что видел я не раз,
я в строчках снова отдал свету:
Я подарил сиянье глаз
мною облюбованному цвету:
О, это делалось не вдруг!
Но с той признательностью вещей
всю нежность пальцев, силу рук
вложил я в сделанные вещи.
Я все, что мог, от жизни взяв,
вернул ей честное уменье.
Но будут жить в моих друзьях
мои надежды и сомненья.
Теперь, когда дурную весть
подаст мне смертная усталость,
весь не умру я.
Нет!
Я весь
здесь,
на земле моей, останусь!

ВСЕ РАСТЕТ

Контур стройки высок за окном.

Он за сутки подрос небывало —
как и те, под весенним огнем,
деревца молодого бульвара.

Все так быстро и ладно растет,
все так живо —
как будто издревле
одинаково точный расчет
гонит к небу
дома — и деревья.

РОДИНА

Это зеленое блюдо долины,
склон каменистый,
тропа без конца....
Что-то в них тягою неумолимой,
словно на привязи, держит сердца.
Сквозь обольщенья чужого привета
и нескончаемых странствий кино —
только вот это,
вот это,
вот это
где-то в итоге тебе и дано!
Что в этом сроке бессрочном повинно?
Что укрепляет крепчайшую связь?
То ли,
что кровь из твоей пуповины
где-то нечаянно здесь пролилась?
Что в этом виде заложено старом,
чем он особенно близок и мил?
Именно той махаллей и гузаром
мы бы украсили
виденный мир.
Вроде бы все нам сегодня открыто,
вся без изъята планета видна.
Что же вода из родного арыка

только и есть нам —
живая вода?
Где-то душа поникает устало.
Но примерещится ей невзначай
крепкая ветка родимого тала —
и отпускает
тоска и печаль.
Тайна рожденья? Иль сладость даренья?
Мы на земле.—
у себя иль в гостях?
Ведь не на нас, а на наших деревьях
заново зелень
оденет костяк!
Но не с гою ли
и мы не сдаемся
горести, боли,
усталости,
мгле —
что, и отжившие, мы остаемся
и достаемся
вот этой земле...

МИРМУХСИН

* * *

Детства моего грехи,
вас и ныне искупаю.
Так случайный всплеск,
вскипая,
ширит долгие круги.
Так, забвенью вопреки,
память вас растит скупая.
Как мне помнить вас претит,
мною подшибленные птицы!..
Если мысли не летится,
вспоминаю этих птиц.
Злая память давних дней,
я влачу твои вериги!
В ней
доньне вьется змей
из страниц какой-то книги.
Я не помню тех страниц,
но когда пишу я, мучась,
их двусмысленная участь
перед взорами стоит.
Все, в чем в детстве я солгал, —
от бездумья, из бравады —
мстит теперь,
когда я правды
сам из чьих-то уст взалкал.
Я тружусь до петухов
в искупленье прежней лени..
Только где ж ты, искупленье
незабывшихся грехов?
Я потомкам прежних птах
на окошко сыплю крохи.
Что ж могу я сделать кроме,
их судьбы не испытав?..
Сумму долга не скопить

мне в дороге этой краткой.
Материнских
слез украдкой
мне вовек не искупить.

* * *

Люби начальный свет отчизны,
тебе завещанный людьми,
и все корыстное отчисли
из этой радостной любви.

Люби — и, если надо, снова
свой жар умей ему отдать
не ради славы или слова,
не ради блеска и удач.

Какой другой любви страстной
ты не стремился бы вослед —
в толпе, в труде и в шуме странствий
неси высокий этот свет.

И если, всем идущим бедам
и всем превратностям назло,
ты будешь полон этим светом —
считай, что в жизни повезло.

И в день надежд, и в час печальный,
от равнодушья утаив,
храни отчизны свет начальный
до окончанья дней твоих...

* * *

Ни дня без войн на лучшей из планет
да и в былом искать такой не стоит.

Пускай и приукрасит даль историк —
дня без борьбы в земных анналах нет.
Но если бы не красил крови цвет
нежнейшую из созданных идиллий,
когда б одни, борясь, не уходили —
другие не являлись бы на свет.
Борьбой и болью полнится от века
любая быль, исток любви любой.
И неспроста сопровождает боль
рождение строки к человека.
Душа не зря останется пуста,
не опалась страданием каким-то...

Так не заменит нам бумаги кипа
исписанного гением листа.

ПЛЫВУ ПО КАСПИЙСКОМУ НЕБУ

Плыву по Каспийскому небу.
Качает.
Сиж у окна.
Пи точки за стеклами нету —
белесая иена одна.
Крыло впереди, как указка,
торчит, незаметно кренясь.
Небес опрокинутый Каспий
низринуться жаждет на нас.
Проваливаемся поминутно.
Под ложечкой смутно сосет.
И охает жалко и нудно
зеленый от качки сосед.
И в белом разгневанном небе
мотор — мне сдается — сдает...

И все, чем живу на планете,
в мозгу неумемно встает:
и сроки,

и встречи, и лица,
и строки,
которым пора
дождем благодатным пролиться
в пустыню страницы
с пера...

Не го, что отжило и сплыло,
что времени смыла река.
не то, что мной сделано было. —
несделанных дел вороха!
И мыслью я там уже,
низко...

П вдруг вспоминаю в поту,
что кашлянул странно сынишка,
меня провожая в порту...

Плыву по Каспий с тому небу.
Качает.

Сиж у окна
Ни точки за стеклами нету —
белесая пена одна...

ЗЕМЛЯ

Вот — стою,
и горсть твоей почвы
здесь, в горсти,
я держу, земля!
Может, есть в ней и те, что прочили
во владыки твои
себя?

Не из глины ли,
не из праха ли,
не из черной ли той пыльцы —
и «владельцы» твои,
и пахари,
осквернители — и певцы?..
Вот стою на планете бурной,

неуемный,
немолодой,
и частичка землицы бурой
сладко мне
тяжелит ладонь.
Поистоптанная всеми —
кто был с грузом,
кто — налегке...
И сдается мне,
будто семя
прорастает в моей руке!
Чей там юный, беззвучный голос
заявляет свои права?
Хлопок поднялся
или колос,
роза,
дерево
иль трава?
Вижу, мати,
как ты громадна,
понимаю, что без затей
ты б могла прокормить, как мама,
всех несчетных твоих детей.
Драгоценных цветов порядок
вознесешь ты из черноты —
и увидим,
как сотней радуг
запестреют твои плоды.
Ярой зелени стог наметан,
алым соком налит гранат.
Белым хлопком
и желтым медом
нерасчетливых даришь нас.
Нет фигур незамысловатей:
принимая все на себя,
на груди нас несешь,
о мать,
на руках своих, мать-земля!

На ладони, доброй и жесткой,
держишь маленьких нас—прости! —
как вот эту землицы горстку,
что сейчас я
держу в горсти...

РАМЗ БАБАДЖАН

ПУТЕВЫЕ СТРОКИ

Каждой осенью тянет в дорогу,
каждой осенью дали близки,
и блестит белизна сквозь мороку
облетающей шалой листвы.

Так просторы зовущи и строги,
так значительна осень сама,
так неожиданно слагаются в строки
прозвучавшие в сердце слова...

Отчего это все? Оттого ли,
что и планы нас полнят — и тот,
подводимый и сердцем и полем
многотрудного года итог?

Оттого ль, что и солнцем согреты,
и прохладно-пронзительны дни?
Оттого ли, что сердце поэта
этой шири родимой сродни?

* * *

Лишь в том виновен, что тебя люблю.
И этих улиц тихое безумье,
и этих крон качанье во хмелю —
моей вины огромность обрисуют.

Лишь в том виновен, что тебя люблю.
Свидетель мне — ночное мирозданье
и чернь воды под лунными мостами,
вину усугубившие мою.

Пускай под мост бросается река,

мелея от невысказанной страсти,
пускай расталкивает берега,
недолгое вымаливая счастье, —

лишь в том виновен, что тебя люблю,
что заповедно синими ночами
опять причаливаю, как вначале,
все в тот же порт, подобно кораблю.

Мне никуда не деться от любви.
О истины и страсти нарастанье,
когда меняются с тобой местами
пустые тени, что у стен легли!..

Пока твой лик из лунной мглы леплю
в чем казнь моя?
В твоём беспечном смехе?..
Моей вины не исчерпать до смерти
Лишь в том виновен, что тебя люблю.

СЫНУ

Все друзья меня радовать рады:
повторяют мне с первого дня,
что лицом,
и повадкой,
и взглядом —
всем, как есть, ты похож на меня.
Что же, в этом не вижу я чуда.
Все, что в трудной обрел я судьбе —
радость мысли, наполненность чувства,
без остатка я отдал тебе.
Так питается деревце соком,
что земля ему копит в тиши.
Так ты вскормлен мечтой моей — соткан
из обличий отцовской души!..
Ты постигнешь когда-нибудь это.

И поймешь ты: я тешусь не тем,
что с тобой мы — как голос и эхо,
что с тобой мы — как тело и тень.
Мальчик мой,
ты мое повторенье,
только я до тебя не дорос,
продолженье мое,
проторенье
мною самим не открытых дорог.
Вот я все начинаю сначала.
Это я у подножий стою.
Все, что чаял найти и не чаял,—
предо мной в бесконечном строю.
Снова сердце упруго, как мячик,
и по пройденным скачет
годам...
Выбирай,
все отдам тебе, мальчик,
лишь моих неудач не отдам...

ШУТ

Довольно, шут! Кончай игру.
Нас не смешит
смешенье красок.
Ты топчешь даром старый круг —
и пестр, и груб,
и жалок разом.
Былые зрители растут,
избиты старые мишени.
Пустых орехов перестук
уже не льстит воображенью.
Бывало иначе?.. Ну что ж —
так было, было в нашем детстве:
твоей повозки
жадно ждешь,
в твои обноски

рад одеться!
Сбегалась шумно махалля —
ты детворе казался богом!
Как будто старая земля
к нам обращалась новым боком..
Судьбы крутилось колесо.
На месте души не стояли.
Менялись мы. Менялось все —
дома,
привычки,
расстоянья.
А ты все тот же, старый шут!
Как будто век короче с.уток —
ты вновь на наш выносишь суд
набор все тех же тощих шуток..
Стараясь наверняка,
глядишь, — а зрители поникли:
им гак и чудится рука,
что грубо дергает за нитки.
Вот трюки те, что ты ломал,
а мы кругом
от смеха мокли!..

Ну, до чего ты нынче мал —
как в перевернутом бинокле.
Довольно, шут! Пока места
пустеют в зале постепенно,
с тобою — хуже, чем пуста,
вот эта старая арена..

* * *

Я проснулся на белом рассвете.
Что меня разбудило, скажи?..
Тени веток лежали, как сети.
Тихий ветер.
Кругом — ни души.

Только сад мой в привычном привете
шелестел — и по этой примете
я узнал себя в нежной тиши.

Я был тот же!..

Но странное счастье,
как прилив, заполняло меня,
точно был не собой я,
а частью
небывалого белого дня,
ясным небом,
скрепленным печатью
золотого, живого огня,
синим воздухом,
зеленью,
чащей,
ключевою водою звучащей,
вздохом ветра и ржаньем коня.

Точно был я во всем,
что за мною
шло всю жизнь, собирая следы —
и дыханьем, и плотью земною,
и родною землею самою,
частью вечной ее чистоты.

И лежал я, блаженно недвижим,
точно вложенный в ножны кинжал,
точно, чем-то отмеченный высшим,
я из рук оружейника вышел
и неожиданно в цене дорожал.

И все то, что торжественной высью
надо мной возносилось во сне,
все, что было кругом и вовне,
то теперь надвигалось, нависло —
ощущеньем, и словом, и мыслью
собиралось и зрело во мне.

Так лежал я и думал: «Отчизна!
Вот что значит быть
частью твоей,
кожей чувствовать дали и числа,

шорох поля и трепет ветвей.
Вот что значило вместе с тобою
подыматься,
грустить,
молодеть,
брать ли с бою,
дарить ли с любовью,
петь ли с болью
иль в радости петь...».
Я оделся и вышел. Округа
закипала. В свечении дня
что-то явно менялось и круто;
мир просторнее стал почему-то.
И рассветного счастья минута
оставалась в душе у меня...

* * *

Утро мира — все дальше, все раньше...
Где ж ты долю свою возлюбил,
человек, неустанный ныряльщик
в черноту заповедных глубин?

Бродят чудища, ужасы шепчут,
тайный мир не изведен людьми,
но сердца отдают тебе жемчуг
правды,
мужества,
веры,
любви.

* * *

Кажется, юность взмахнула крылами
только недавно...
Но седина на остывшее пламя

пала недаром.

Как же нам быть?..
Одолеть эту бездну
нам не по силам.
Жизни, сгоревшей под ветром безвестным,
скажем «спасибо».

* * *

Леса и гора, отражаясь в реке,
«Моя!» — говорят ей с лаской.
И степь, что гола, — отражаясь в реке,
«Моя!» — говорит ей властно.

И горе-печаль, завладев душой.
«Моя!» — говорят сурово.
И радость, в свой час овладев душой,
«Моя...» — говорит ей снова.

* * *

Шли по сходим и вещи вносили.
Судьбы разные в шапку легли.
Но отплыл пароход — и на сини
слился в точку
со всеми людьми.
Ау, странники!
Та иль не та вам
в этом мире
дорога дана,
но у нас говорили недаром:
в общей лодке —
и доля одна...

* * *

Так резко задел за струны нахун*,
едва мы успели рассесться,
и разом взыграл,
как ярый Джейхун,
танбур, похожий на сердце.

Так музыка бьется, так строится стих,
взрыхляя пласты — и трамбуя,
пока ты играешь, великий артист,
на сердце своем — танбуре...

* Нахун – приспособление для игры на струнных инструментах.

* * *

Перевидел людей я немало
и терзался, свой жребий кляня:
сколько требуют люди вниманья! —
разве хватит на это меня?..

Но душа раскрывается юно,
словно ливнем я на поле льюсь,
и чем больше другим отдаю я,
тем богаче я сам становлюсь!

УТРО ПОД НАМАНГАНОМ

Трава от росы намокала.
Подобием девичьих глаз
глядел из листвы Намангана
пронзительно черный чарас.
А может, под нежною грудой
тайлся в зеленой тени

сладчайший, как женские губы,
алеющий шивилгани...

Я вышел в поля на рассвете.
Округа, казалось, спала.
Райхон в небывалом расцвете
поил ароматом поля.
Так было просторно и чисто,
так было светло впереди,
что думал я: вот и Отчизна,
Отчизна твоя во плоти!
Под ясной небесною сенью,
не знающей встреч и разлук,
возьми обними эту землю
всею силою сыновнею рук!..

А свет еще ширился немо.
Блаженным пожаром горя,
в полмира, в полжизни, в полнеба
текла и вставала заря,
И в свете, плывущем оттуда,
вся высвобождаясь от сна,
рождалась, как пенное чудо,
хлопковых полей белизна.
И, словно бы в облачном небе,
не чувствуя всей высоты,
шагал я в нетающем снеге,
легко раздвигая кусты...

Я чуял: иной, чем доньше,
во мне нарождается стих,
и белые звезды дневные
бегут между пальцев моих,
и в памяти неодолимо
теперь я тебя сберегу —
тебя, золотая долина,
в торжественном нежном снегу!

А свод над долиною роспой
был светел уже и высок,
и хлопком, как белою розой,
седой я украсил висок,
и понял, что все это — счастье:
и утро, и хлопка звезда.
И счастье — быть малою частью
народа, земли и труда!

ДЕВУШКИ ТАНЦУЮТ ЛЯЗГИ

Обещает отраду обычай,
звонкий голос возносится вдруг,
и в предвиденье пляски девичьей
меж гостей раздвигается круг.

Замолкают застольные судьи,
смех, и звон,
и плесканье вина,
и на круг выплывают плясуньи —
черноносые все, как одна.

Как идут они, милые, — гляньте!
Так медлителен их хоровод —
точно стая лебязья на глади
заповедных, нетронутых вод.

Но отрезок вступленья недлинен:
выдаст бубен заветную страсть —
и косичек стремительный ливень
им на плечи обрушится всласть.

Все сменилось сверкающим вихрем
так мгновенно и радостно так,
что едва в перемену мы вникнем,
отбивая ладонями такт.

В безоглядном блаженном движеньи
нам без слова внушает лязги,
как от сладких минут отрешенья
дорогие свершенья близки!
Ах, надолго ль вам силы достанет,
о красавицы?..
Нет, погоди,
ты же видишь, не кончился танец —
остаётся навеки в груди!

В этом долгом движеньи упругом
совместится недаром, не вдруг
со стремительным девичьим кругом
рукоплещущих зрителей круг...

ЗИМА В ТАШКЕНТЕ

И, снова необыкновенна,
зима возносит, чуть жива,
присыпанного снегом сквера
серебряные кружева.

Киоск напялил белый капор,
в постели пышной скамьи спят,
а ведь туман вчера лишь капал
на перепачканный асфальт!

Пестреют и скользят дороги,
и сызнава, как каждый год,
чем ненадежней, тем дороже
зимы сиятельный приход.

ГРАНИ

Выходит утро из-за круч,
и первый, ранний

на острие играет луч,
на резкой грани.
Как будто он за краткий миг,
упавши сверху,
нашел живущий в них самих
источник света.
Как будто издавна,
бела,
скрывая имя,
неистовая глубина
жила под ними...
А кто-то с ними не в ладу —
опасны, дескать! —
все тщился сгладить остроту
и резкость...
И если бы хватило сил
исполнить это —
он наперед бы погасил
сиянье света!..
Выходит утро из-за круч.
Чем круче грани,
тем в них быстрее вспыхнет луч
рассветный, ранний...

ПУСТОЙ ДЕНЬ

Уже начинало смеркаться.
По улице, странно нагой,
за домом с ближайшей сберкассой
кончался закатный огонь.

Пожар дотлевал несвирепый,
окна угасала свеча.
Лишь голос пожарной сирены
в мозгу отдаленно звучал.

Троллейбусный провод качался,

людей караулила темь.
Кончался,
кончался,
кончался
еще один прожитый день!

Истраченный слова впустую,
он сгинул —
и вот почему
так страшно входить в негустую,
еще безфонарную тьму.

Лишь горечь от планов осталась,
лишь тень —
от надежд на труды,
и мучит пустая усталость
пожарным сигналом беды...

* * *

Додумано. Доделано. Дожато.
Дописано.
И в этот самый миг —
какой восторг неповторимой жатвы!
Какую высь
ты сам себе воздвиг!

Слились в одно полсолнца в каждом глазе,
гарь унесло от свечек и шутих.
И все в тебе в таком теперь согласье,
что, кажется, попробуй — и взлетишь!

Но миг прошел. И стих, отныне сирый,
уйдет под сетку солнца и дождя,
и никакой ты не воротишь силой
мгновенное и блудное дитя.

В другой душе очнется дуновенье.
В какой строке себя отыщет взгляд?..
Найдут. Прочтут. Застынут на мгновенье, —
и вместе с ним тебя усыновят.

* * *

Опять под снег упрятана весна —
еще на свет как следует не глянув,
еще едва очнувшись ото сна
и не успев на пиршество тюльпанов.

Зиме, казалось, не собрать костей —
так шли потоки, ей накостылявши! —
и вот опять постлали ей постель
ее невидимые кастелянши.

Как будто в пробудившемся саду
невмоготу
им стало видеть просто
то ль этих голых гряд некрасоту,
то ль мыслей чьих-то
скрытое уродство.
Но снег так слаб,
так жидко серебрист
и так готов истаять и умчаться —
как некий заключительный каприз
идущего на пенсию начальства...

* * *

Очищена ширь полевая,
и желтые листья висят,
а все небеса поливают
печально скудеющий сад..
И сыплется дождик осенний,

как будто доселе, увы,
надеется на воскресенье
давно пожелтевшей листвы.

* * *

Прощай, прощай!
Еще горит звезда,
еще слезинки падают с весла,
и та волна еще не укатила,
и тот, за речкой, костерок дымит
и не кончается никак
на диво
короткий и благословенный миг.
Прощай, прощай!
Ни горечь, ни навет
нам не дано остаться здесь навек,
душа и мир в немислимом походе,
уходит время, исчезает миг,
и только дальний костерок дымит
в угоду
несменяемой погоде...

* * *

Еще над кромкою серо,
и дым восходит вроде пара.
В костер накидано всего,
что только под руку попало.

В текучем золоте огня
сквозят бесчисленные лики —
и странный знак твоей улыбки,
не оставляющий меня.

* * *

Давай, дустим*, с тобою погрустим
над вечером, безмолвным и простым.
Давай обиды давние простим —
давно пора добрее стать, дустим!

Давно пора убавить пыл страстей,
извлечь осколки ранивших вестей,
и этот шум,
и ярость скоростей
на полдороги в гости из гостей.

Там, за полем, безмолвными пустым,
давай в саду усядемся, дустим,
и заново бывшее посетим,
и вспомним все,
и до конца простим...

*Дустим – друг мой.

ШАИСЛАМ ШАМУХАММЕДОВ

РУБАИ

* * *

Хоть повода я не дал для оваций —
причины я имел счастливым зваться:
свет отыскал в бурливой мгле любви,
был ранен в грудь — живым сумел остаться...

* * *

Покуда жмет сапог — простору мы не рады.
Ученость вся не впрок, покуда узки взгляды.
Я в жизни знал людей учений, чем словарь,
топтавшихся, как мул у каменной ограды.

* * *

Мир многолик, контрастам нет предела.
Над низменностью — выси то и дело.
Душа и тело нам даны в удел,
и все эго — удел души и тела.

* * *

Живут в любой душе возможности свершений,
надежда сделать мир немного совершенней.
Так будь же бережлив, храни любой росток! —
то будущий цветок на лебединой шее...

* * *

Сладчайший соловей — не мясо для обеда,
а ликование, боль, высокий миг обета!
Ужасен вкус того, кто пробовал на вкус
и страсть, и красоту, и волхование это...

* * *

Вот вал морской — сдержите на бегу!
Иль распрямите радуги дугу...
Мне говорят: «Люби, но будь разумен»,
а я понять совета не могу...

* * *

Нет, лучше о любви не говорить впустую.
Ту истину давно б нам затвердить простую:
пока любовь с тобой — излишни все слова,
а ежели ушла — все речи вхолостую...

* * *

Тупицу наставлять — ей-богу, глупо это.
Слепому ни к чему любой источник света.
Орех похож на мозг в коробке черепной,
а все же от него не станешь ждать совета...

ДЖУМАНИЯЗ ДЖАББАРОВ

НОЧЬ НА БАХЧЕ

Луна лежит, как дыня, на бахче.
Торжественного купола громаду
огромный тополь держит на плече.
Ночь на бахче подвластна аромату.

Лежу, раскинув руки...
Звездный град
летит и тает в серебристом дыме.
Шалаш плывет, как лодка, в волнах гряд.
На гребнях волн, белея,
стынут дыни.

И я плыву, раскинувшись... плыву
сквозь этот запах —
дынный,
лунный,
юный!..
Сов на бахче — как чудо наяву.
И дыни — как скатившиеся луны.

И в лунном свете тает звездный свет,
но там, далеко, в серебристом дыме,
моей звезды не исчезает след,
живет ее неназванное имя.

Свети же мне,
гори, звезда моя!
Лишь оттого, что есть твой свет заветный,
ноли» надеждой песня соловья,
что льется сладко с ветки незаметной.

Шумит арык далекий,
табуны
жуют,

сойдя на клеверное поле,
и трескается кожура луны,
и снова воздух ароматом поит.

И сознаю я, как щедра земля,
что родила благоуханный воздух,
и это! бархат ночи,
и поля,
и эту жизнь,
и эту веру в звезды!

ГРАНИЦА ЮНОСТИ

Говорят, что граница у юности есть,
есть предел для беспечного смеха.
Ночь луны истекла — и заря, точно весть
света трезвого,
первого снега.
Где же эта граница, привал бытия?
Если б знать тот рубеж потаенный,
мы на нем не остались бы, юность моя,
мы б ушли
за черту окоема...

СЕНЕГАЛЬСКИЙ ТАНЕЦ

Африканская ночь
негритянски черна,
только гроздьями звезды
свисают с чела,
только тусклым клинком,
не успевшим сверкнуть,
разливается Млечный
изогнутый Путь.
А вон там,
в темноте,

словно новый Тантал,
дотянуться до музыки
жаждет тамтам —
и бунтует,
и молкнет,
и молит о том,
чтоб войти в этот круг
полуголых мадонн,
чтобы пляска ночная,
как звезды с чела,
подошла,
снизошла,
обняла,
обожгла.,
Но блестят
белозубых улыбок снега,
и проносится в пляске
ночной Сенегал!..
В ночи, иссиня-черной,
как негр в синяках,
в победительной пляске
плывет Сенегал...
И за ним мне мерещится
Африка вся,
и предел положить этой пляске
нельзя,
этой пляске победной
над Африкой всей,
что страшна для врагов
и добра для друзей.
И течение времен
не воротится вспять,
и мечте пробудившейся
больше не спать —
так и я позабыть не смогу,
Сенегал,
как блестят
белозубых улыбок снега,

и грохочет тамтам
все о том, все о том,
и проносится круг
полуголых мадонн,
и созвездья, как гроздья,
свисают с чела
в этой черной ночи,
что светлеть начала.

В АЭРОПОРТУ

И снова
в аэропорту
я словно
обретаю крылья,
как будто даль и высоту
на этом поле мне открыли.
Струна незримая поет,
и все крылато, все округло,
как будто просится в полет
и все вокруг,
и вся округа.
И даже даль в штрихах косых —
и та на небо взор скосила,
как эта девушка-кассир
в своей косынке ярко-синей.
В случайной облачной тени
мелькнет корабль —
и вот он, вот он!..
И сам — лишь руку протяни —
дотянешься до небосвода.
Когда же дню лететь невмочь —
полеты ночи так приятны!..
Горят всю ночь, горят всю ночь,
как свечи вечные,
Плеяды.
И, погружаясь в темноту,

не выключаюсь из игры я
и снова
в аэропорту
я словно
обретаю крылья...

НОЧИ ЮГА

С чем сравню я эти ночи юга,
неба непчатые дары —
облаков растрепанные юрты,
чабанов невидимых костры...

Эта ночь лишь притворилась темной:
приглядишься — увидишь свет во всем.
Эта даль лишь кажется бездомной:
вся она — твой необъятный дом.

О очаг вселенского уюта,
все мне здесь таинственно сродни —
эти ночи, эти ночи юга,
добрых звезд бессонные огни!

ЭРКИН ВАХИДОВ

БАШНЯ

У древней башни купол набекрень —
как старый шлем, во вмятинах и шрамах.

И вход забит...

А сбоку, на бедре,

дыра зияет, как сквозная рана.

Как дерево, истлели кирпичи,

в изломах трещин обнажая торец,

слиняли краски в солнечной печи,

п письма затейливые стерлись.

А мимо — мчит асфальт,

и новый клуб

напротив

окна в удивленьи пялит.

Еще он просто по-мальчишьи глуп —

в него пока не заложили память...

Он думает о башне:

«Ну и ну!

Впервые вижу древность такую.

Чего она горчит здесь, не пойму?

Давно бы ей пора на боковую.

Сломать ее, поставить новый дом...»

Он слишком юн еще,

и как ни хочет,

никак не может разобраться в том,
что с башнею напротив происходит.

Зачем приходят люди и опять

колдуют над орнаментами теми,

и ветхие, готовые упасть,

упрямо восстанавливают стены...

Нет, он понять не в силах!

Для него

тут только разорительная смета,

ему противно башни торжество,

в нем сантиментов нет

ни сантиметра.

Он не постиг, едва свой путь начав,
что жить нельзя без прошлого,
и тени

на этих вот истлевших кирпичках
укрыли память прошлых поколений —
их чаянья,

их боль и мастерство:

то, без чего и не было б, пожалуй,
сегодняшней разумности его,
его красоты и стройности поджарой;
что времена нервущаяся нить
вручается в безвестное идущим —
и так порою важно им
сравнить,
поставить рядом
прошлое с грядущим...

СТАЛЬ

Она калилась в горнах добела,
чтобы, остыв,
приказывать столетьям.

Она была мечом.

Потом была

стволом ружейным или пистолетным.

И чем еще ей предстояло быть?

Броней танка?

Минометной рамой?..

Она могла заставить и убить.

Но праздновать победу было рано.

А если так,

какой в усилье прок?

И ей, могучей, было в -мире сиро...

Но вот из стали сделали перо.

И тут ей стало ясно:

с нею — сила.

* * *

О, были ль ваши помыслы чисты,
не крылась ли корысть у них в запасе,
когда вы время спрятали в часы
и привязали накрепко к запястьям?

Когда его вы заперли в дому,
препятствуя незримо побегу,
и груз на шею вешали ему,
и праздновали жалкую победу?

Иль, сами в сон от времени удрав,
укрывшись в ночь от подати подушной,
когда оно кричало по утрам,
его душили душною подушкой?..

О, были ль вы провидцами, когда
себе казались мудрыми богами
и уловляли сутки и года,
они ж от вас незримо убегали?

Когда же вы в безвременье ушли,
в немую тину погружаясь тихо,
о жалкие уползшие ужи,
вас время оглушительно настигло!

Оно пришло сверх ваших смет и сверх
всех снов пустых, что в душах угнездились,
и снова вас поволокло на свет,
к последнему из праведных судилищ.

О, не кляните нашу с прошлым связь
и паше бескорыстное горенье,
и то, что мы пример не брали с вас
и в бесконечном жили ускоренье.

Мы с давних пор усвоили сполна,
как ветер дней вселенную шатает.
И знали мы, приходят времена —
любую ложь расплата ожидает.

РОДНИК

Всю медленную нежность мест родных
я оценил и понял по-иному,
когда в жару, о, ледяной родник,
ты жажду мне утишил понемногу.

Весь труд пути, и одурь, и жару
я напрочь смыл глубинною прохладой
и ощутил: тому, чем я живу,
из тех же недр
пробиться к сердцу надо...

Пока я пил, пока родник бежал
в ладонь мою
и дальше в камни мчался,
я чувствовал, как рук остывших жар
по жилам снова
в сердце возвращался.

ХУСНИТДИН ШАРИПОВ

ГОРЛИНКА ПОЕТ

Ты слышишь — горлинка поет?

«Иу-гу-гу... Иу-гу-гу!».

А лето правит хоровод,

июнь резвится на лугу.

И птичий кормится народ

и на лету и на скаку,

покуда горлинка поет:

«Иу-гу-гу! Иу-гу-гу!»

В листве кругом

от гнезд черно —

спешат навить,

скопить,

успеть...

А ей — не надо ничего:

получше б только песню спеть!

Летит ли

майский дождь с высот,

лежит ли

солнце на снегу —

под крышей горлинка поет:

«Иу-гу-гу! Иу-гу-гу!»

Ловлю я сладкий голос тот

и слух насытить не могу.

Ты слышишь? Горлинка поет:

«Иу-гу-гу! Иу-гу-гу!»

НОРМУРАД НАРЗУЛЛАЕВ

ФЕЙЕРВЕРК

Над простором бескрайнего празднества
тьма редет и сходит на нет:
распускается,
ширится,
дразнится
именинного неба букет.

Созидает цветы и колосья
мановенье незримой руки,
небывалые крутит колеса,
невозможные вяжет венки.

А под ними сияет столица,
светит море ликующих лиц.
Пестрый отсвет ложится на лица,
точно краски на трепетный лист.

Догорает непрочная вежа
на невидимом нам рубеже.
Но недолгий огонь фейерверка
остается сияньем в душе.

И не так ли, сквозь зимы и лета,
над сплетением следствий-причин,
и короткая строчка поэта,
отзвучавши,
в сознании звучит?

О глашатай мечты человеческой,
провозвестник добра и любви,
так твои отзвучавшие речи
навсегда
остаются с людьми!

КАПЛЯ

Там, где облако крылья вздымало,
над землей образуя навес, —
неприметная капля тумана
оторвалась от ватных небес.

Изо всей своей маленькой мочи
пробиваясь в просвеченной мгле,
смутный массы невидный комочек
устремился навстречу земле.

И над полем, молившим безгласно,
с неба наземь
дорогу пройдя,
обернулся он чистым алмазом —
драгоценною каплей дождя.

Так и чувства бесформенный сгусток,
отделенный от жизни нагой,
на тернистой дороге искусства
становился
прозрачной строкой,
И, в полете,
бореньи и споре
очищая себя до конца,
словно дождь на иссохшее поле,
чистой влагою падал в сердца.

БАРАТ БАЙКАБУЛОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

О город мой, как другу, дай мне руку,
сойди со мною вместе на Сияб.
Свет этих струй сквозь долгую разлуку
мне, как звезда текучая, сиял.

Звенит весна, пыльцу с цветов не сдунув.
Как молодо урючина седа!..
О, дай сперва, как бабочке, бездумно
мне покружить по призрачным садам.

Во мне времен и памяти вращенье.
Я говорю бегущему: «Постой!..»
Пью не вино во славу возвращенья —
лишь воздуха живительный настой.

Свой долг тебе
исполнить сердце радо,
весна,
пора рожденья — и возврата!

ЧИНАРА

Ствол облит луною белой,
точно вечный постовой.
Дышит ветер колыбельный
над бессонною листвой.
Ветви тянутся в пределы,
где оглохший бродит гром,
точно сказочные дэвы
возводили этот кров.
Точно крону эту кормят
вся земля
и каждый врозь,

а невидимые корни
оплели земную ось...
Сколько высказано пыла,
сколько счастья искони
ожидалось или было
в этой царственной тени!
Сколько слышала чинара
бедолаг и мудрецов,
сколько судеб начинала
и оплакала концов,
и назначила свиданий,
и осыпала разлук
той листвою стародавней,
что, как сон, ушла из рук...
Бродят тени дорогие
у чинары средь ветвей,
и, как многие другие,
я зову ее моей.
Мчатся облачные кони,
и мерещится во мгле,
будто вправду эти корни
нас и держат
на земле...

«САМАРКАНД УШШОГИ»

Я опять эту музыку слышу —
и понять не могу:
наклонила ли радуга в душу
проливную дугу?

Или всех нас тревога равняет?
Или горечь близка?
Или попросту ветер роняет
эти слезы с листка?

Ах, ответь, о певец, ах, ответь мне

соловей ли в беде?
Иль терзаются ветер и ветви
в вечной дружбе-вражде?

Или зодчих забытых стенанье
рвет надгробия стен?
Или в муке кричит расстоянье
перед пыткой стрел?

Эти странные голоса струны
жгут, как пламя костра,
так же страстны, невысказаны юны,
как Тахир и Зухра...

Ах, о той ли, скажи мне, о той ли
ты и раньше рыдал,
как о дойре, тоскующей дойре —
безутешный рубаб?

И скажи — это плач или пенье?
Иль рождение стиха,
когда в муке склоняются перья,
а бумага тиха.

и слова не стоят, повинуюсь, —
рассыпаются в прах,
и мучительно выбрать одну из
недоказанных правд?

И откуда, скажи мне, откуда
вдруг, из зноя и зла,
эта музыка — вечное чудо —
ноту счастья взяла?

То ли страннику видится близко
долгожданный родник?
То ли мальчик к руке материнской
обретенной приник?..

Но в ответ мне — ни слова, ни слова.
Только ветер и зной.
Только сад, разлучившийся снова
с отошедшей весной.

И порой в набегающем ветре
долетит: «помоги!»
И звучит в моем сердце навеки
«Самарканд ушшоги».

ЛЮДИ

Как открывают дверь среди зимы,
впуская тех, кто стынет на пороге,
так мне давали люди — не займы! —
добра и гнева мудрые уроки.

Меня равно учили враг — и брат,
домашние — и путник, шедший мимо.
Коль рассудить, я только брал и брал,
а об отдаче не было помину.

И я б остался по уши в долгу,
когда бы, наконец, не понял это, —
что расплатиться с миром я могу
лишь тою же, незвонкою монетой...

К чему учившим
ода или гимн?
Не возносись в заоблачные дали,
а так же просто отдавай другим то,
что тебе когда-то отдавали...

Ведь прав не тот, кто мудрым ноги мыл,
а тот, кто в жизни
мудрость их изведаль.

Вот этим и живет издревле мир —
добра и знания вечной эстафетой.

Чем выше долг твой, тем гнетет лютей
медлительная безыскусность буден.
Да, лишь одним я отдарю людей —
себя всего, сполна, отдавши людям.

ЭРКИН САМАНДАРОВ

УЗБЕКСКАЯ ТЮБЕТЕЙКА

Подари мне тибетейку...

Амин Умари

Раскрывается для взора
тубетейки яркий круг.
В сложной прелести узора —
труд и прелесть нежных рук.
Словно луг
воскрес волшебный —
позабытых весен цвет,
словно кто-нибудь вошедший
внес и пролил пестрый свет...
Ах, послушай! В пляске линий
я угадывал не раз
ход лучей и хитрость ливней,
золотое буйство глаз.
Но любых погод приливы
предсказать бы не могли
ход искусный, прихотливый
длинной медленной иглы.
Обаянья не теряет
тех узоров красота,
хоть себя не повторяет —
только вечные цвета!
Только синий — нежность неба,
только желтый — хлеба цвет,
только белый — яркость снега
да восхода красный свет.
И прослоен между всеми
черный, донный цвет ночей
и зеленый цвет весенний —
свет и радость для очей!..
Видно,
тем и тешит взоры

тех узоров красота,
что в себя вбирает зорко
жизни вечные цвета.
И отчизны луг волшебный
расцветает разом,
вдруг
чуть покажет кто вошедший
тюбетейки яркий круг...

ЛЯЗГИ

Как искорку
из-под
копыта коня
во тьму, где не видно ни зги, —
ты кинул мне в душу кусочек огня,
стремительно-жаркий лязги.

Ты ветер летящий, что в листьях кипит
и рвет небеса на куски.
Ты топотом бубна, как дробью копыт,
заполнил округу, лязги.

То гикнет, то пикнет в отчаянье ласк,
снедаем порывом тоски...
Весь пиршества блеск, оружия лязг
в себе совмещает лязги.

Сожмется в комочек, скользнет под рукой,
взметнется — и дали близки!..
То грозной запрудой, то бурной рекой
становится гордый лязги.

Мальчишка блуждает в далеком краю,
уносится, встав на носки,
а странник отчизну завидит свою,
едва затевают лязги...

Со зрелым джигитом равняет юнца,
а тем, чьи под снегом виски,
опять обещает весну без конца
бессмертно-летающий лязги.

Плывут и качаются лебеди рук.
Веселья,
надежды,
тоски
кончается круг, начинается круг...
Как жизнь, бесконечен лязги.

Я СТОЮ У ПОРОГА

Я стою у порога.
К нему я спешил издалека.
Мне легко, одиноко...
Я здесь! Я стою у порога!
О пути — не жалею.
Ведь он меня сделал взрослее.
Пусть усталость до срока —
зато я стою у порога!
Жизни страстной, высокой
торжественное начало!
Я стою у порога,
который мне снился ночами.
Как там будет — не знаю.
Кощунственно корчить пророка.
Но, сияя,
сквозная
к вершинам видна мне дорога!
О душа, слишком мало
пока мы с тобою свершили..,
Но зато безобманно
сияние дальней вершины.
Славься, путь и работа —

до боли,
до крови,
до пота!
Здравствуй, свет без порока!
Я здесь,
я стою у порога...

РУБАБ

Что ночь разлуки обрубала
и смыли лунные лучи —
сегодня голосом рубаба
рыдает
в медленной ночи.

Рыданье мчится в даль ночную
и пропадает в тишине,
и я молчу, но чую, чую,
что эта песня — обо мне.

Что было с нами — стало снами,
нам времени не превозмочь.
Но эти струны — как узнали
про ту томительную ночь?

И сам рубаб, наперсник боли,
под пеплом
отыскавший жар, —
он понял все не оттого ли,
что к сердцу самому
прижат?..

ЯБЛОНЯ У ЗАБРОШЕННОГО ДОМА

В степи кипчакской одинокий домик
людьми заброшен — и приговорен

лежать руиной у холма в ладонях,
пугающим пристанищем ворон.
Лишенный крыши,
словно шах — короны,
он слышит там над тишью
похоронной
и вспоминает тот, домашний шум,
и размышляет о людской измене,
и понимает снова в полной мере
всю бесполезность этих горьких дум.
Но, в утешенье сиротливым стенам,
что здесь судьба упрямая свела,
не яблонька ль
на дворике весеннем
над горьким запустеньем
расцвела?..
И словно свет явился из-за тучи
и вмиг затмил все трещины паучьи,
провалы окон —
рай для сквозняка,
и красота расцветшей юной внучки
внезапно озарила старика...

ЮСУФ ШАМАНСУР

* * *

Я в оба глядел и внимал не вполуха
всему, что вокруг совершалось,
вовне.
Но эта добыча для глаза и слуха
пестрела бесплодно и слышалась глухо...
И стоны чужие услышало ухо,
когда только
боль угнездилась во мне.

* * *

Как рубит топорик умело, знакомо,
как славно полешки ложатся подряд!..
Зато от ударов тяжелого лома
осколки и щепки по кругу летят.
Друг с другом сноровкой они не поспорят
здесь каждый покажет природу свою.
Ты рубишь к себе, как умелый топорик,
а я — по привычке —
кругом раздаю!

* * *

Тот сон меня вновь посетил.
О память! О времени бремя!
Корят меня тенью дерева,
которых я не посадил.

И призраки этих ветвей
глядят в мою душу нескромно.
Коряг меня шелестом кроны,
убитые ленью моей.

Я вашей не видел листвы.
О, кто вы?
Орехи, чинары?
Зброшенные начинанья —
обрушенные мосты.

К тому, что на том берегу,
и нет и не будет возврата,
И понял я:
в том и расплата,
что в сердце я вас берегу.

О, если б в назначенный срок
вы плотью зеленой оделись!..
Тех саженцев нежную прелесть
за что я на гибель обрек?

И сколько пустых мелочей
сквозь руки мои пролетело!
А главное, может быть, дело
не сделал я в жизни своей.

О сон мой — предвестник седин!
О память! О времени бремя!
Корят меня тенью дерева,
которых я не посадил...

МУХАММАД АЛИ

* * *

Вознеси над мечтою мечту,
подними, словно гору на гору,
чтобы понял я слов тесноту
над нежданною высью нагою,
и над дивною далью дорог,
занавешенных облачным паром,
мог помчаться по прихоти строк,
одаренный волшебным тулпаром!..

О, какие горят цветники
за привычной гранитною гранью —
рассудительности вопреки,
вопреки мастерству и старанью!

Вырвись в путь по прямой — и тогда
в том конце, как на кончике шпаги,
за пределами косной бумаги
засияет такая звезда...

То не свет во вселенных чужих — нет,
дорогой неисповедимой
стих мой вырвется к тверди родимой,
той же, отческой силою жив!

О поэзии вешняя власть —
совершенства грядущего мука...
Пусть твердят, что дорога свелась
к повторенью извечного круга.

Пусть и смертные тени легли —
преступлю эти смертные тени,
ведь земное твое тяготенье —
тяготение вечной любви...

* * *

Опять зима трещит снаружи,
и без свидетелей, одни,
ныряя в каменные лужи,
горят фонарные огни.

Дома, как елочные деды,
одеты в белые меха.
И в этой вечной думе — «где ты?»,
разлука долгая горька.

Души не выговорить громом —
лишь чудится средь суеты:
горят под чьим-то чуждым кровом
твои весенние цветы...

НОВОГОДНЫЙ ВЕЧЕР

Так славно ладилась беседа,
тюльпаном расцвел бокал,
и звонкий тост из уст соседа
уста по кругу обегал.

Стекло звенящее сжимали
и рассыпали звон в дому,
и счастья нового желали
в углу джигиту одному.

И он играл игру не грубо —
и тостам вторил в уголке,
пока душа его из круга
рвалась в недремлющей тоске.

* * *

Нынче с осенью нету сладу:
так и встала — лицом к лицу.
Ветер спит,
словно пес на лапу,
свесив голову
на листву.
Как померкший огонь маячный,
жизнь мерещится в тишине,
и мечты, громоздясь, как мачты,
заслоняют пейзаж в окне.
Наползает туман-разлучник...
только вдруг, разорвав кольцо,
опрOMETЧИВЫЙ белый лучик
набежит на твое лицо.
Как ты спишь!
Чуть дыша, неспешно,
просыпаешься не спеша,
как рождение, неизбежна
и немислима, как душа.
О немая туманность взгляда!
Хочешь видеть — прищурь глаза...
Так глядят в позолоту сада
эти серые небеса.
Так оглядывается память.
Так глядит —
и спешит само
в эту раму тебя оправить
настороженное трюмо...

В нем пестреет подушки ситчик,
некрикливых цветов пастель.
Черный ливень твоих косичек
проливается на постель.
Облик виден твой здесь не весь, но
в дверь не смею я вставить ключ,
тронуть заново занавеску,
как упрямый осенний луч.

И, в зеркальном своем портрете
отраженная не вполне,
достаешься ты нам по трети:
свету осени, утру, мне...

РАЗГЛЯДЫВАЯ ГЛОБУС

Уменьшаясь в миллионы раз,
уместилась в глобусе планета.
Шапки полюсов на шаре этом —
обе разом
на виду у глаз.
Обратились в точки города,
Океаны — просто пятна синьки!..
И земля в лазуревой косынке
собственным изяществом горда.
Словно узенькие пояса,
всю ее стянули параллели.
Обнимают озеро леса,
горы им,
влюбленным,
порадели.
Обратились в точки города,
что помельче — и совсем не вышло..
Где я? ты, мой кишлак?..
Тебя не вижу,
маленькая, бледная звезда.
Между гор великих и морей
мне тебя и не отметить точно,
но твоя невидимая точка —
мне всего на шарике
милей...

ХАМЗА

Не яд в крови, не сладкое вино,

не горькая влюбленность без ответа,,
Горит свеча,
звезда глядит в окно,
и мир во тьме,
И тягостно поэту.
И кроется за смутю такой,
что издавна душе его немило,
и этот сердца вечный непокой —
от вечной неустроенности мира.
И без того ведь
доля нелегка,
и без того —
он словно тигр в клетке...
Но движутся в мозгу его века,
насилья цепью
скованные крепко,
весь этот гнет идёт издалека,
все эти беды требуют возмездья,
и кажется постыдно неуместна
привычная и гладкая строка...

Да, он в раздоре с миром и собой,
тут не помочь ни женщине,
ни другу,
и ты, что сделалась его судьбой —
Поэзия,
и ты не тянешь руку,
он спорит нынче даже и с тобой,
готовый на жестокую разлуку,
и предпочтет отчаянье и муку
истертых истин замкнутому кругу,
холодною начертанных рукой...

Он в бешенстве ломает карандаш,
который слова начертать не в силах.
Чем только эту ярость передашь
при виде всех обманутых и сирых?
У многих близких —

жизнь совсем не мед,
но кто его отчаянье поймет
и оправдает гнев неугасимый?
Он одинок!
Он страшно одинок!
О, если б в этой тягостной пустыне
он встретил пониманье...
На денек
« расстался бы со взорами пустыми!
Хоть ненамного боль его остынет
и сердца суть
бумага переймет...

Он чувствует: такие люди есть.
И не один, .
а сотни или тыщи.
Да,
он таких когда-нибудь отыщет!
И с ними он пойдет в одной ряду
походом
на народную беду,
на ложь,
насилие
и несправедливость.
Он вытерпит.
как было бы как долго бы ни длилось,
терпеть не вмоготу...

* * *

Пусть пылает закат догорая,
облаков истлевает гряда —
потерпи еще день, дорогая,
и разлука уйдет навсегда.

Боль и счастье —
одно и другое —

только верному сердцу под стать.
На двоих разделенное горе
может общею радостью стать.

Чувства истина —
в скупости жеста.
Скупю
страсть выбирает слова.
Но страдав, не постигнешь блаженства
разве ты не твердила сама?

Пусть надежда робка, как улитка —
копят сладость
сокровища лоз,
и пронзительно зреет улыбка
под завесою
сохнувших слез.

ДЖАМАЛ КАМАЛ

КАСАНИЕ

Чем дальше ты стремился к ней глазами,
тем первое всегда страшней касание.
Как знать, быть может, чувства врут и вехи,
и разлучит вас эго вдруг навеки?..

Когда кончается полет негладкий,
как примеряется пилот к посадке!
И метры заново сочти, и тонны,
пока притронется шасси к бетону...

Чем дальше ты стремился к ней глазами,
тем первое всегда страшней касание.
К строке, скрывающей в себе глубины,
к любимой девушке, к земле любимой.

АБДУЛЛА АРИПОВ

ПРОЩАЙ

Теперь — прощай...
Душа моя душна,
как комната, набитая прощаньем,
как душный дом, откуда ты ушла
с дымком тоски над сникшими плечами.
Где нынче ты? Куда исчез твой след?..
Кто от меня так скрыл его усердно?
Мой час истек, когда с коня я слез,
а ты ушла,
испуганная серна...
Пронзай меня раскаянья ножом,
надеждою, которой не потрафил.
Тебя, увы, так поздно я нашел,
тебя, увы, так рано я утратил.
Кляни мои напрасные слова,
что музыку в чужие звали души,
а ты была, как музыка, сама —
как музыка, а я ее не Слушал.
Как мстит судьба за нашу слепоту,
как явственно зовет ее к ответу:
теперь тебя так ясно вижу — ту, уже на свете нету.
Прости!
Прощай...
Душа моя душна,
как стихший дом, что пуст немилосердно»
как путь пустой, которым ты ушла,
безвинная испуганная серна.
И кто твой след потерянный нашел,
твой дом воздвиг,
судьбою данный зодчий,
где нынче ты — отчаянным ножом
моей души отрезанный кусочек?..

НОЧЬ

Бьет листву осторожная дрожь.
Так заплаканы черные стекла,
точно впрямь этот горестный дождь
чья-то прихоть из ночи исторгла.
Так напуганы толпы теней,
точно вправду
над сбившимся стадом
кто-то высится, ночи темней,
кто-то бродит
за спугнутым садом.
Нет в округе ни света, ни сна.
Все в плену этой тягостной ночи.
И стоят за окном, у окна,
чьи-то черные, зрячие очи.
Так и ловят движение и жест,
так и ждут —
словно где-нибудь в детстве!
Что за чушь, надо лампу зажечь,
надо встать,
надо в окна взглядеться...
Блещет дождь в неподвижных лучах,
в раме ветка, как палец, застряла.
Не по крыше — по коже стучат
барабанные палочки страха.
Кто ты, черный бродяга ночей,
привидение с черною раной?
За душой — за моей или чьей? —
ты пришел,
что таишься за рамой?
Что за чушь,
что за ночь,
что за дрожь!
Из бессонниц, бессчетных на свете,
лишь в мою почему-то и вхож

этот бредящий призраком ветер!..
Гнется тополя толстый скелет,
и не чудится мне — ни вот столько:
я отчетливый слышу ответ,
пронзающий мокрые стекла:
— О позволь, опусти меня в дом,
я ворваться насильно не смею.
Я пронизан холодным дождем,
я безжалостным ветром осмеян.
Я сгораю на белых кострах,
я пирую над брошенным брашном...
О,пусти меня, слышишь!?
Я — страх,
убежавший из сердца бесстрашных...

СЛУШАЯ «МУНОДЖАТ»

Ах, скажи мне, о чем зарыдала
эта музыка в жадной тиши?
Этот плачущий голос рубаба —
что он хочет от бедной души?

Столько стонов столетья скопили,
столько горя под кровом земли —
так па что ему слезы скупые,
безымянные слезы мои?

Так он ждет их, так просит упрямо,
словно где-то меж стонущих струн
неоплаканный призрак Хайяма
коченеет на вечном ветру.

Или все, что душа отстрадала,
все былые невзгоды свои,
всю немую тоску Астрабада
возвещает векам Навои...

Сколько муки!
До крови, до боли
истерзал меня поздний закат.
Ах, оставь свои струны, довольно,
не терзай мою грудь, музыкант!

Если правда, что было так плохо,
как твердит этой музыки плач,
значит, мир нам не люлька, а плаха!
И природа — не мать, а палач...

Как рыдает напев! Как стремится
прозвучать
чей-то горестный век!..
...Если музыка так им томится —
как же прожил его человек?

РОДНОМУ ЯЗЫКУ

Неизменен язык соловьиной любви,
по-над рощей звучащий ночью.
В сотни,
в тысячи слов низведенный людьми —
оп самим остается собою.

И, вот так же своим постоянством горда,
век за веком, в тупом увлеченья,
попугая услужливая гортань
повторяет чужие реченья.

О язык мой родной!
В нераденье своем
как мы мало тебя постигаем...
Но пока ты со мной —
я пою соловьем.
А уйдешь — закричу попугаем!

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Едва от рожденья — попала она
в тот грязный, заиленный хауз,
и крошки ловила, и илом со дна
играла,
и в нем задыхалась.

И все, что па свете ей видеть пришлось —
лишь хауз, да палые листья
разросшихся талов,
да небо, насквозь
прошитое веткою лысой.

Лишь хауз заброшенный с грязной водой
с листвою полусгнившей
да илом...
И горько, что рыбке моей золотой
вот это —
и кажется миром.

КРЫЛЬЯ

Нам не даны, как птицам, два крыла —
божественная, трепетная двойня.
Лишь воля, чтобы все превозмогла.
Лишь мужество. И этого довольно.

А гордый дух не вложен в птичью плоть.
Им этой главной тайны не раскрыли.
Они, чуть что, летяг в испуге прочь,
раскрыв свои божественные крылья.

ЛЮДИ

«Помедли, путник! Не спеши во тьму.
Войди — кошму
пошире мы расстелим
и все, что есть на сердце и в дому,
как водится, по-братски мы разделим».
Ночь на дворе, дорога далека,
и гость войдет, останется в ауле.
Сидят вдвоем, молчат у очага
и ворошат полууснувший улей.
Гость задремал. Хозяин тихо лег.
Еще заря виска не разбивала —
«Спасибо, брат!»
«Останься!»
«Путь далек
пора идти!»
И все. Как не бывало.
Ни имени, ни долгого следа.
Лишь временем расставленные вехи.
Глядишь, еще и встретятся когда.
А может, и не встретятся вовеки.

АМАН МАТЧАН

* * *

Осень ли желтым застелет дорогу,
снег ли повалит в холодном бреду,
сад ли цветенье осыплет к порогу —
мимо ворот твоих тихо пройду.

Волосы ль выбелит, выловят сети
узких морщинок твою красоту —
сам поседелый, в меркнувшем свете
мимо ворот твоих тихо пройду.

В радости, в грусти — жизнь-то одна лишь.
Одолевая лет череду —
пусть не заметишь, пусть не узнаешь, —
мимо ворот твоих тихо пройду.

Вот и глаза ты закроешь навечно,
окна свои погрузив в темноту.
Тонкой, дрожащей, слабою свечкой
мимо ворот твоих тихо пройду.

Смерть ли прижмет меня тяжкою крышкой
в скудном, холодном, безвестном году —
в путь свой последний, очи закрывши,
мимо ворот твоих тихо пройду.

* * *

Памяти Айбека

Тишина — язык ночей,
долгий, сладостный, ничей,
в споре с утром это им
звездный пользуется дым.

Им, в сиянии святом,
говорят венцы цветов.
Им вещает до поры
мертвый колокол горы.

Как он полно выражал
холод льда и углей жар —
этот ясный, без морок,
основной язык миров!

Ты, чья ноша тяжела,
знак презренья — тишина...
Слава богу, ты жива,
знак почтенья — тишина!

Не в тебе ли хаос сник,
тишина — язык ресниц,
крик, мольба, укор, приказ
несравненных слез и глаз!

Ты — бессмертия глоток,
чуть рожденных мыслей ток,
мир велящая беречь
запредельных предков речь.

Ты — судьбы последний слом,
звук невысказанных слов
и ушедших навсегда
дум, ушедших от суда...

ХАЛИМА ХУДАЙБЕРДЫЕВА

АРБА

И оказались мы в одной арбе.
Так бешено летели наши кони,
так тяжело было править —
а тебе
сиделось тем удобней и спокойней.
И я гнала коней, тебе назло!
Я так гнала их, точно путь пахала, —
чтоб нас еще отчаянней несло
и яростней кидало
на ухабах.
Судьба ль нам предназначила места,
мы ль выбрали их сами
по натуре?..
Меня не одурманила езда —
я попросту сомлела от натуре.
И я не шла наперекор судьбе,
когда, устав, тебе вручила возжи.
Ведь надобно же было и тебе
от тягот сих
отведать долю тоже!
Ты обернулся, помнится, ко мне —
так посмотрел и так расправил плечи,
как будто бы меня, а не коней,
обжег
своей безжалостною плетью.

Как смела я, привычная раба?..
...Судьба к тебе спиною повернулась:
споткнулся конь —
и бедная арба
на полной скорости перевернулась.
Мы поднялись. Нам снова повезло.
Нет, я тебя презреньем не сжигала.
И я не сделала тебе назло,

когда, не оглянувшись, зашагала.
Я просто знала: так и буду впредь.
Идти пешком. Без горя и тревоги
Мне просто было не к чему смотреть
на то, что там осталось
у дороги.

ДВОРЫ

Не обноси дувалами дворы,
не затеняй ночные очи окон.
Глаза не для того ли нам даны,
чтоб видеть все —
что близко и далеко?
Долой дувал! — чтоб из моих дверей
твой двор, твой дом
мне был всечасно виден
и встретиться могли бы мы скорей —
в тот самый миг,
когда из дома выйдем.
Ворота — прочь! — чтоб я всегда могла
войти к тебе,
когда ты очень нужен,
и душу ржавчина не извела,
как лезвие
в тугих потемках ножен...
Живое сердце тянется к другим —
в нем радость бьет, его томит забота —
и тычется, рассудку вопреки,
в бездумную незыблемость забора.
О, не гордитесь, светлые дома,
что не дано проникнуть к вам
кому-то!
Ужели вам для этого дана
манящая застенчивость уюта?
И если пламень в чьих-нибудь очах
в ночи

у стен
погаснет без ответа,
в уют ваш светлый, в жаркий ваш очаг
ужель добавится
тепла и света?..
Раскрой окно и двери отвори,
твое доверие — тебе порука.
Дувалами не обноси дворы,
нас отделяющими друг от друга.
А если все-таки я не пойму
всего,
что дом твой в тайных недрах прячет,
дитя, в твоём рожденное дому,
все ж близ меня
смеется, пусть и плачет.
Нам речь одна дана для добрых слов,
над нами звезды общие блестели,
нам небеса даруют общий кров,
одна земля
послужит нам постелью...

СУЛЕЙМАН РАХМАН

МОЛЧАНИЕ

Молчание — затишье пред грозой.
Согласья знак
в созвездии вопроса.
Застылость крови.
Передышка прозы,
готовой стать стихами.
Ритм угрозы
с незримо занесенною косою.
Оно — как сон.
Как звездный мезозой,
что льет на землю свет посмертный свой.
Как крах надежд.
Как взор зари косою.
Как аромат в тугом бутоне розы.

Что в нем тебе мерещится, скажи?..
Вот мудрые, искусные мужи,
мечту отогревавшие свечами,
их связанные крылья за плечами,
и приговор: бессрочное молчанье
под виселицей гнета пли лжи..
Бессмертные, бессильные мужи —
к истории кровавой примечанье!
Иль это просто — прошлое?
Все то,
что отзвучало и отгрохотало,
утратив плоть и суть?
Пустая тара
для чьей-нибудь фантазии бездарной
пустая тара или решето?..

А может быть, напротив — это в нем
хранится, созревает все, что было,
вся мощь самоотверженья и пыла,

любовь и свет, которых не убила
петлей и пульей, ложью и огнем?
И как в огне,
что ночью или днем
пылает над торжественной могилой,
бросок Матросова в нем сохранен
и духа эрджигитовского сила?
И, как в безмолвном пламени зари,
в нем все былые воскресают зори,
и крик и гнев задушенные Зои,
взывающие к завтра:
говори!
Молчанье губ закушенных,
и глаз
завязанных или глядящих немо,
рук, за спиною скованных,
и фраз,
себе, живому, сказанных не раз...
Молчанье страха — и молчанье гнева.
Несчастные. издерганные рты...
Земли молчанье — и молчанье неба.
Молчанье тайны — или пустоты.
Позор молчанью, если нужен крик
иль беспристрастно сказанное слово,
позор ему,
когда им был прикрыт
грех беззаконья, жадности и злобы.
Но славлю я молчанье той поры,
когда молчанье — лучше, чем мычанье,
и бульканье похлебки в грязном чане,
и славословья громкие пиры.

Вот я стою перед молчаньем стен,
что пережили миллионы судеб,
и царств, и поколений, и систем..
Стоят, молчат. И никого не судят.
Хоть в прах давно рассыпалась сама —
рука, что их сложила, не слаба,

и славу добывала не речами.
И вечного творения молчанье
мне открывает
больше, чем слова...

ИСМАИЛ МАХМУД

* * *

Снова осень в последнем накале.
Горше зелени поздней тщета.
Золотая листва под ногами —
словно сбывшаяся мечта.

Крон тяжелых заметней шатанье,
золотой иссякает запас.
Что ни ждали мы —
чем долгожданней,
тем быстрее уходит от нас.

Что свершилось — спешит, не замешкав,
к одному сведено на листе,
словно и горечь и свет вперемешку
на земном драгоценном лице.

СУМЕРКИ

Сумерек расплзшиеся ткани
свет убрали,
но и ночи нет.
Словно нечто,
что навеки капот,
сожалеет, что пришло на свет.
Есть ли час
бесславней и никчемней!
И уже не верится ему —
в этой нищей смуте предвечерней —
в озорную утра синеву...

ХУРШИД ДАВРОН

* * *

Распахнется дверь — и в темноту
вывалится треугольник света.
Дверь толкну обратно — и пойду;
свет сквозь щелку
выберется следом.

Затаилась всюду тишина
на седых от фонарей деревьях,
Соловьи умолкли в одуреньи,
Лишь садам Саади не до сна.

Улицы, избавясь от длиннот, спят,
вдоль неба вытянувшись чинно.
Головы кладут на грудь мужчинам
женщины, прекрасные, как ночь.

Только мы покуда не легли, я и ветер.
Башня спит хромая.
Спит, умаясь за день, на хирмане
девушка, не знавшая любви.

ШУКУР КУРБАНОВ

МОСТ

Мехти Ануар-оглы

Когда-то из дерева сделали мост,
и прочный бревенчатый свод
над горной водою он гордо вознес —
два белые берега свел.

Над быстротекущей рекою времен
стоял, не пороча чела.
Но время изъело устои — и он
обрушился с треском вчера.

И рухнула в реку, и пала костью
моста деревянная плоть,
и хищные волны ее унесли
места привычного прочь...

МУХТАРАМ УЛУГОВА

ХОЧЕТСЯ ВЕРИТЬ

Хочется верить,
что в трамвайных билетах
бывают счастливые номера,
что кто-то придет,
если плавает в чашке чайника,
что радость уже у ворот,
если дернулось правое веко, —
хочется верить!
Я знаю, причина тут —
очень проста...

Если бурная речка приснится,
или прядка волос
останется незаплетенной —
меня ожидает дорога.
Если мысли мои
мне прислышатся голосами —
значит, ты возвратился назад,
к этой иве плакучей,
которая нас укрывала...
хочется верить.

* * *

Вы пришли: «Просто так...
заскучав...
чтобы малость поднять настроенье...»

И на утренних этих цветах —
ветряках животворного солнца —
я стираю недавний свой взгляд,
в шелестящей тетрадке ветров
перечеркиваю сказку,

что втайне сама сочинила —
там герой носил Ваше имя.
Вы пришли— и тоску погасили мою
а она не должна была гаснуть!
Пыль на зеркало села —
и смазала отображенье.
Что же, в мире немало друзей —
но для Вас
из меня не получится друга.
Я ждала Вас, ждала, потому что.,
Впрочем, неважно.

Я ждала Вас не скуки ради.
Отнюдь.

РУЗИМАТ ДАМИНОВ

РУЧЕЙ

Ручей этот горный —
давно ль он родился?
Давно ль
в этот ценный халат нарядился?
Смотри:
он не кажется больше
ручным!
Смотри — из игры
он и вправду выходит...
Вот так, незаметно,
и в зрелость он входит,
становится
бурным притоком речным.
А кажется,
только из снега родился!
И в низкие травы
забавно рядился,
песок, как мальчишка,
в руках просеивал...
Когда же он
в бурный поток превратился?
Наверное,
что-то ты в нем прозевал!

КАМБАР УТАЕВ

МОНОЛОГ ЗАМКА

Да, я замок! Я замкнут иль открыт —
чужим ключом вертеть во мне не пробуй:
ни дерзостью,
ни кротостью,
ни злобой,
ни шутками,
ни просьбами навзрыд.

Подумай: мастера меня, ни в чем
мысль мастера себя не повторяла!
Из прочного я сделан матерьяла,
чтоб открываться собственным ключом.

Не говори, что он перемудрил,
мой мастер, силы расточая втуне,
что надо быть и проще, и доступней...
Ведь я — замок! Он ведал, что творил.

Ломая,
отрицая
и крича.
к моей резьбе ты не войдешь в доверье.
Да, я замок! Ты не откроешь двери,
не отыскавши моего ключа

СОДЕРЖАНИЕ

ЗМЕЯ И РОЗА

Из народной поэзии
Эргаш Джуманбульбуль-оглы. Далли. Отрывки из дастана

ГАЗЕЛЬ ЗОЛОТАЯ

Махмуд Пахлаван
Алишер Навои
Мукими

ИТОГ

Хамза
Гафур Гулям
Айбек
Уйгун
Хамид Алимджан
Максуд Шейхзаде
Гайрати
Сабир Абдулла
Миртемир
Султан Джура
Мамарасул Бабаев
Усман Насыр

ВРЕМЯ

Зульфия
Шухрат
Тураб Тула
Хамид Гулям
Эгам Рахим
Назармат
Аскад Мухтар
Мирмухсин
Рамз Бабаджан
Шаислам Шамухаммедов
Джуманияз Джаббаров

КАСАНЬЕ

Эркин Вахидов
Нормурад Нарзуллаев
Барат Байкабулов
Эркин Самандаров
Юсуф Шамансур
Мухаммад Али
Джамал Камал
Абдулла Арипов
Аман Матчан
Халима Худайбердыева
Сулейман Рахман
Исмаил Махмуд
Хуршид Даврон
Шукур Курбанов
Мухтарам Улугова
Рузимат Даминов
Камбар Утаев

Александр Наумов

ВТОРАЯ МУЗА

Переводы из узбекской поэзии

Редактор Р. Москалева

Художник Дм. Цирин

Художественный редактор А. Бобров

Технический редактор Т. Смирнова

Корректор Л. Лебедева

Сдано в набор 11.11.80. Подписано в печать 14.01.82. Формат 70x108 1/32. Бумага типографская № 3. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ л. 23,1. Уч.-изд. л. 14,58. Тираж 10 000. Заказ № 91. Цена 1 р. 90 к.

Отпечатано в типографии № 2 Ташкентского полиграфического производственного объединения «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Янгиюль, ул. Самаркандская, 44.